

XIV ~~34~~
15

XVI 66
2

ЛІТЕРАТУРНО-
БІБЛІОТЕКА
БУДІМСТВЕНОГО КРУЖКА

1907
M1

~~XIV 34~~
15

ВѢСЫ ◊ ЯНВАРЬ ◊ 1907

La Balance. Janvier. 1907.

Вхл. 3

Годъ издания четвертый. Quatrième année.

Р 2-76
5859

XVI $\frac{66}{2}$

Книгоиздательство «СКОРПИОНЪ»

Москва, Театральная пл., д. Метрополь, кв. 21.
Moscou, Place de Théâtre, n. Métropole, 21.

«ВѢСЫ» ЕЖЕМѢСЯЧНИКЪ ИСКУССТВЪ И ЛИТЕРАТУРЫ.

Годъ изданія четвертый. 1907. № 1, январь.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стихи, драмы, повѣсти, статьи по общимъ вопросамъ.	Стр.
А. С. Пушкинъ. Незданные стихи.	5
К. Бальмонтъ. Изъ книги «Птицы въ воздухѣ». Стихи.	6
Максимиліанъ Волошинъ. Картины Парижа. Стихи.	9
Валерій Брюсовъ. Обряды ночи. Стихи.	13
Вячеславъ Ивановъ. Veneris figurae. Стихи.	16
Оскаръ Уайльдъ. Флорентинская трагедія. (Переводъ съ рукописи).	17
Валерій Брюсовъ. Огненный Ангелъ. Повѣсть XVI в. (Предисло- віе русскаго издателя и Предисловіе автора).	39
Андрей Бѣлый. Художникъ оскорбителямъ.	53
Литература. I. Русская литература.	
Э. Гиппіусъ. Безъ міра.	57
И. Бороздинъ. Новое о декабристахъ.	66
Валерій Брюсовъ. Новые сборники стиховъ.	69
Библиографія. (Переписка Пушкина. — Новое изданіе сочиненій гр. А. К. Толстого).	74
Замѣтки. (Некрологъ. Незданные стихи Пушкина).	77
Новыя книги, доставленныя въ редакцію.	79
II. Французская литература.	
Ренэ Гиль. Письма о французской поэзіи. (Итоги 1906 г. — Поэты «Аббатства»).	81
М. Мэтерлинкъ. О безсмертіи. (Цитаты изъ статьи).	90
Библиографія. (Th. Duret. Les Peintres Impressionnistes.—R. le Brun. Corneille.—P. Corneille. Galanteries.—Les Caresses de Marianne.— F. Divoire. Cégébraux).	92
Accusés de réception.	96
Искусства.	
Максимиліанъ Шикъ. Берлинскія выставки 1906 г.	97
П. Муратовъ и П. Эттингеръ. Выставки Общества «Леонардо да Винчи».	106
Замѣтки. (Лѣтопись искусствъ.—Русская музыка за границей.—Нѣ- сколько словъ по поводу каталога Salon d'automne).	110
Объявленія.	
Каталогъ № 4 книгоиздательства «Скорпионъ».	
Объявленія о журналахъ и газетахъ 1907 г.	
Рисунки.	
И. Левитанъ. Тверская. (Фототипія). Рисунокъ появляется въ ре- продукціи въ первый разъ	Передъ стр. 17

СОДЕРЖАНИЕ.

- Дж. Гекстеръ. Портретъ Оскара Уайльда. (Съ рѣдкой ксилографіи). Передъ стр. 33
А. Цорнъ. Портретъ Поля Верлена. (Съ офорта). Передъ стр. 49
Заставки и концовки: Мориса Дениса (стр. 5, 17 и 37), Е. Карьера (стр. 5, 8, 10, 12, 15), П. Боннара (стр. 53, 65, и 78), и П. Синьяка (стр. 38 и 52).
Обложка и надписи (на стр. 57 и 97) Н. Теофилактова.
Фронтисписъ—миниатюра XIV в.

SOMMAIRE.

Vers inédits de A. Pouchkine.—Poésies par C. Balmont, Max Wolochine, Valère Brussov et Venceslas Ivanov.—Oscar Wilde. Une Tragédie Florentine. (Traduction du manuscrit inédit).—Valère Brussov. L'Ange igné. Roman de la vie allemande du XVI siècle. (Préfaces).—André Biely. Le poète aux offenseurs.

Littérature russe: Z. Hippuis. Hors de l'univers.—E. Borozdine. Livres nouveaux sur le 14 décembre 1825.—Valère Brussov. Recueils nouveaux des vers.—Bibliographie.—Notes.—Accusés de réception.—

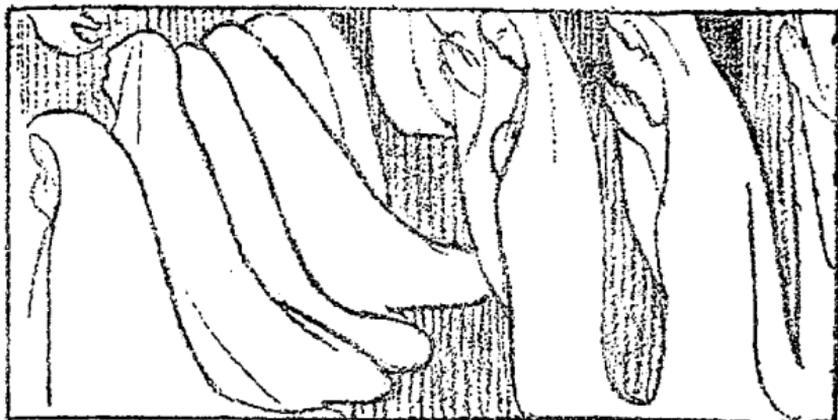
Littérature française: René Ghil. Lettres sur la Poésie Française (La faillite des réactions.—Des poètes nouveaux partant des données de la «Poésie scientifique»).—M. Maeterlinck. De l'Immortalité (Trad. de la revue «Antée»).—Bibliographie. (Comptes-rendus sur les livres de M. Théodore Duret, Roger le Brun, F. Divoire, sur les «Galanteries» de P. Corneille et «Les Carresses de Marianne»).—Accusés de réception.—

Beaux-arts et musique: Maximilian Schick. Les Expositions artistiques à Berlin en 1906.—P. Mouratoff et P. Ettinger. Les Expositions artistiques à Moscou.—La musique russe à l'étranger.—Notes sur le catalogue de l'Exposition de l'Art Russe à Paris.—

Dessins. I. Levitan. Vue de Moscou. Inédit (Phototypie).—J. Höxter. Portrait d'Oscar Wilde (d'après une xylographie privée).—A. Zorn. Portrait de Paul Verlaine (d'après une eau-forte).—Vignettes de Maurice Denis, E. Carrière, P. Bonnard et P. Signac (tirées de diverses éditions françaises).—Couverture et inscriptions sur les p. 57 et 97 par N. Théophilactoff.—Frontispice—miniature du livre d'Heures du duc de Berri.

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Годовые подписчики, уплатившіе до 15 февраля подписную сумму сполна, имѣютъ право получить бесплатно одно изданіе „Скорпіона“ изъ списка въ 13 названій, помѣщеннаго въ новомъ каталогѣ книгоиздательства. Каталогъ, приложенъ къ настоящему № „Вѣсовъ“, послѣ текста, и гг. подписчики благоволятъ извѣстить контору редакціи, какое изъ упомянутыхъ тамъ изданій должно быть имъ выслано.

НЕИЗДАННЫЕ СТИХИ А. С. ПУШКИНА.

9 дек. 1833 г. Спб. 7¹/₂ веч.

...толпа глухая,
Крылатой истины любовница слѣпая,
Любимцевъ, баловней, мѣняетъ каждый день.
И падаютъ, стуча, съ ступени на ступень
Кумиры ихъ, увѣнчанные ею...

ИЗЪ КНИГИ „ПТИЦЫ ВЪ ВОЗДУХЪ“.

I. Зачарованіе.

Отъ вещи, во тѣмъ проходящей,
Змѣности, тайно скользящей,
Всевышній, меня сохрани,
Зловражеской силѣ молчащей
Скажи: „Зачаруйся. Усни“.

Чтобъ глазъ тѣхъ, враждебныхъ, но спящихъ,
И тускло, и лунно глядящихъ,
Я тайную повѣсть прочель,
И въ жалныхъ пугающихъ чашахъ
Нашель зачарованный доль.

Чтобъ тѣмъ же путемъ, но обратнымъ,
И съ новымъ цвѣткомъ, ароматнымъ,
Прошелъ я въ законченный часъ,
Съ волненьемъ, лишь сердцу понятнымъ,
Близъ лунно-мерцающихъ глазъ.

2. Три коня.

На трехъ коняхъ Властитель Солнца
Свершаетъ выѣздъ въ Ивановъ день.
И конь одинъ краснѣй червонца,
И конь другой есть конь-игрень.

И третій конь весь бѣлый, бѣлый,
Какъ будто вылить изъ серебра.
Властитель Солнца, свѣтлый, смѣлый,
Свершаетъ выѣздъ.—, Въ путь. Пора.“

Но чуть доѣдетъ до зенита,
Конь золотокрасный горитъ—и палъ.
Властитель Дня хлеснетъ сердито
Тѣхъ двухъ—и дальше поскакалъ.

И конь-игрень онъ тоже красный,
Но съ бѣлой гривой, о, съ бѣлой онъ.
Онъ мчитъ, бѣжитъ, играетъ, страстный,
И палъ, и палъ на небосклонъ.

У Бога Солнца сердце сжато,
Ему лишь бѣлый остался конь.
На склонахъ яркаго заката
Горить пурпуровый огонь.

И виденъ въ тучахъ бѣлоснѣжныхъ
Конь смертно-блѣдный изъ серебра.
Властитель Солнца, въ снахъ безбрежныхъ,
Свершаетъ путь.—„Домой. Пора.“

К. Балмонтъ.

КАРТИНЫ ПАРИЖА.

I. Въ Булонскомъ лѣсу.

Въ сѣро-сиреновомъ вечерѣ
Радостны сны мои нынче.
Въ сердцѣ сіяніе „Вечери“
Леонардо да Винчи.

Между мхомъ и травой мохнатою
Ключъ лепечеть невнятно,
Алымъ трепетомъ пали на статую
Золотистыя пятна.

Вѣтеръ вѣетъ и вьется украдкой
Межъ вѣтвей, надъ водой наклоненныхъ,
Шевеля тяжелыми складками
Шелковъ зеленыхъ.

Разбираетъ блѣдныя волосы
Плакучей ивы;
По озерамъ—прозелень, полосы
И стальные отливы.

И, одѣты парчами и чернію,
Многострунныя сосны
Навѣвають думу вечернюю
Про минувшія весны.

Облака надъ лѣсными гигантами
Перепутаны алою пряжей,
И плывутъ изъ аллей брилліантами
Фонари экипажей.

2. St. Cloud.

Эта свѣтлая аллея
Въ старомъ паркѣ по горѣ,
Гдѣ проходитъ тѣнь Орфея
Молчаливо на зарѣ.

Весь прозрачный утромъ, рано,
Въ бѣломъ пламени тумана,
Онъ проходитъ, не помявъ
Влажныхъ стеблей бѣлыхъ травъ.

Чась таинственныхъ наитій...
Онъ уходитъ въ глубь аллея,
Точно струнъ, касаясь нитей
Серебристыхъ тополей.

Кто-то вздрогнулъ въ этомъ мирѣ...
Щебетъ птицъ... Далекій ключъ...
Какъ струна на чьей-то лирѣ
Зазвенѣлъ по вѣткѣ лучъ.

Все распалось. Мы придемъ
Снова въ міръ, чтобъ видѣть сны...
И становится невидимъ
Богъ разсвѣтной тишины.

Максимиліанъ Волошинъ.

ОБРЯДЪ НОЧИ.

Словно въ огненномъ дымѣ и лица и вещи...
Какъ хорошъ при огняхъ ограненный хрусталь...
За плечомъ у тебя вѣетъ призракъ зловѣщій...
Ты—мечта и любовь! ты—укоръ и печаль!..

Словно въ огненномъ дымѣ земныя видѣнья...
А со дна поднимаются искры вина,
Умирають, вздохнувъ и блеснувъ на мгновенье!..
Ты прекрасна, какъ смерть! ты, какъ счастье, блѣдна!

Слышу говоръ, и хохоть, и звоны стакановъ.
Это дьяволы вышли, подъ мѣсяцъ, на лугъ?
Но мы двое стоимъ въ колыханьи тумановъ,
Нась отъ духовъ спасеть зачарованный кругъ.

Ты мнѣ шепчешь. Что шепчешь? Не знаю, не надо.
Умираетъ, смѣясь, золотое вино...
О тоска твоего утомленнаго взгляда!
Этотъ мигъ безнадежный мнѣ снился давно!

*

Брызнули радостно
 Звуки крикливые.
 Кто-то возникший
 Машетъ рукой.
 Плакать такъ сладостно.
 Плачу счастливый я.
 Рядомъ—поникший
 Ликъ дорогой!

Гвозди желѣзные
 Въ руки вонзаются.
 Счастье распятыя
 Душить меня.
 Падаю въ бездны я.
 Тѣсно сжимаются
 Руки, объята,
 Кольца огня.

Скрипка визгливая,
 Арфа пѣвучая.
 Кто-то возникший
 Машетъ рукой.
 Плачу счастливый я...
 Сладкая, жгучая
 Нѣжность къ поникшей,
 Къ ней, къ дорогой!

*

Но почему темно? Горятъ безсильно свѣчи.
 Пустой, громадный залъ чуть озаренъ. Тѣхъ нѣтъ.
 Ихъ смолкли хохоты, ихъ отзвучали рѣчи.
 Но насъ съ тобой связать мучительный обѣтъ.

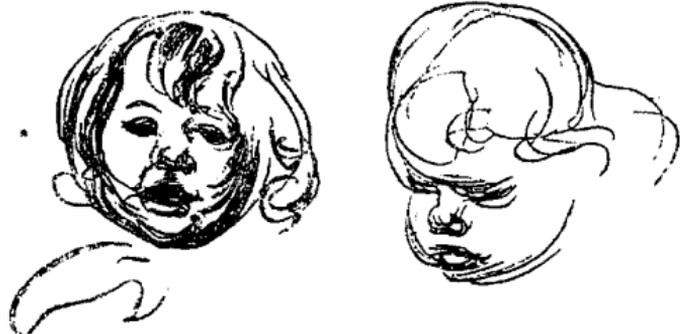
Идемъ творить обряды! Не въ сладкой, дѣтской дрожи,
Но съ ужасомъ въ зрачкахъ,—извивы губъ сливать,
И стынуть, чуть дыша, на нежеланномъ ложѣ,
И ждать, что страсть придетъ, незваная, какъ тать.

Какъ милостыню, я приму покорно тѣло,
Вручаемое мнѣ, какъ жертва палачу.
Я всѣхъ святынь коснусь безжалостно и смѣло,
Въ отвѣтъ запретныхъ словъ спрошу,—и получу.

Но жертва кто изъ насъ? Ты брошена на плахѣ?
Иль осужденный—я, по правому суду?
Не знаю. Все равно. Чу! красныхъ крыльевъ взмахи!
Голгофа кончилась. Свершилось. Мы въ аду.

1905.

Валерій Брюсовъ.

VENERIS FIGURAE.

Триста тридцать три соблазна, триста тридцать три обряда,
 Гдѣ страстная ранить разно многострастная услада,
 На два пола—знакъ Раскола—кто умножить, сможетъ счесть:
 Шестьдесятъ и шесть объятій и шестьсотъ пріятій есть.

Триста тридцать три соблазна, триста тридцать три дороги—
 Слабымъ въ гибель,—чьи алмазны свѣтоносныя сердца,
 Тѣмъ на подвигъ ярой пытки,—риши Гангеса и Йоги
 Развернули въ длинномъ свиткѣ отъ начала до конца.

Въ ритмѣ грозномъ сладострастій, къ чашѣ огненныхъ познаній
 Припадай, браманъ, заранѣ опаленнымъ краемъ усть, •
 Чтобъ съ колесъ святыхъ безстрастій кликъ послѣднихъ заклинаній
 Могъ собрать въ единой длани всѣ узлы горящихъ уздъ!

Вячеславъ Ивановъ.

ФЛОРЕНТИНСКАЯ
ТРАГЕДІЯ ♦ ♦ ♦ ♦
ОСКАРА УАЙЛЬДА

ПЕРЕВОДЪ СЪ РУКОПИСИ

М. ЛИННАРДОПУЛО И ♦ ♦

А. КУРСИНСКАГО ♦ ♦ ♦

♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦

Въ нѣмецкомъ изданіи книги «De Profundis» Оскаръ Уайльдъ упоминаетъ о двухъ своихъ драмахъ, которыя до сихъ поръ въ печати не появлялись и которыя были извѣстны лишь небольшому кругу его друзей. Это—«Флорентинская Трагедія» и «La Sainte Courtisane», рукописи которыхъ, вмѣстѣ съ другими рукописями Уайльда, были въ свое время кѣмъ-то похищены и исчезли безслѣдно. Теперь, другу Уайльда, г. Роберту Россу, удалось возстановить текстъ одной изъ нихъ, «Флорентинской Трагедіи», которая впервые появляется въ печати, въ русскомъ переводѣ. Вотъ какъ описываетъ со словъ г. Росса судьбу «Флорентинской Трагедіи» Стюартъ Мэзонъ въ предисловіи къ русскому изданію, выпускаемому к-вомъ «Скорпіонъ»:

«Драма эта была написана для г. Джорджа Александера, но по нѣкоторымъ причинамъ имъ никогда не была поставлена. Въ апрѣлѣ 1895 г. Уайльдъ обратился ко мнѣ съ просьбой отправиться къ нему на квартиру и забрать всѣ рукописи его неизданныхъ произведеній. Его только-что объявили несостоятельнымъ должникомъ, и я подѣхалъ къ его дому за нѣсколько минутъ до прихода судебного пристава. Конечно, письма и рукописи Уайльда не подлежали бы описи, но, войдя въ его квартиру, я нашелъ, что «Флорентинская Трагедія», а съ ней рукописи двухъ другихъ неизданныхъ драмъ и расширенной версiи «Портрета М-ра W. Н.», надъ которой тогда работалъ О. Уайльдъ, — таинственно исчезли. Очевидно, кто-то опередилъ меня.

«Воръ такъ и не былъ разысканъ, и мы не видали съ тѣхъ поръ рукописей «Флорентинской Трагедiи», «Портрета М-ра W. Н.» и одной изъ двухъ другихъ драмъ—«Герцогини Падуанской». По странной случайности рукопись третьей драмы, — трагедiи, напоминающей слегка «Саломею», — была найдена однимъ другомъ Уайльда въ лавкѣ букиниста въ Лондонѣ, въ 1897 г. Эта рукопись была послана автору въ Парижъ, но больше объ ней никто не слышалъ. Послѣ смерти Уайльда, въ 1900 г., ее не могли найти. Что же касается «Герцогини Падуанской», то потеря не была такъ чувствительна, такъ какъ эта пяти-актная трагедiя была передъ тѣмъ уже исполнена въ Америкѣ и у меня сохранился оттискъ «театральнаго» изданiя.

Но вернусь къ «Флорентинской Трагедiи». Я слышалъ отрывки ея въ чтенiи, зналъ хорошо содержанiе и стиль ея, но долгое время не надѣялся когда-нибудь найти ее. Только сравнительно недавно, уже послѣ смерти Уайльда, мнѣ пришлось пересмотрѣть и привести въ порядокъ множество писемъ и бумагъ, переданныхъ мнѣ повѣренными писателя. Среди нихъ я нашелъ разрозненные листы съ черновымъ наброскомъ драмы, въ которой я призналъ «Флорентинскую Трагедiю». Тщательно собравъ всѣ отрывки, я могъ возстановить наиболѣе значительную часть трагедiи. Остались все же неразысканными первые пять страницъ и еще одна, хотя нѣсколько сотъ подлинныхъ стиховъ Уайльда сохранилось.

Г. Робертъ Россъ любезно уступилъ рукопись «Флорентинской Трагедіи» книгоиздательству «Скорпіонъ» съ тѣмъ, чтобы она появилась въ русскомъ переводѣ до выхода въ свѣтъ англійскаго оригинала и другихъ переводовъ. При этомъ, одновременно съ подлиннымъ текстомъ Уайльда, намъ доставлена и недостающая первая сцена трагедія, заново написанная, по памяти, г. Стерджъ-Муромъ. Въ этой дополненной формѣ «Флорентинская Трагедія» была поставлена въ Лондонѣ, 10 іюня 1906 г. Здѣсь мы воспроизводимъ то, что сохранилось изъ подлиннаго текста О. Уайльда. Содержаніе сценъ, возстановленныхъ г. Стерджъ-Муромъ, мы даемъ въ краткомъ пересказѣ. Полностью, съ предисловіемъ г. Стюарта Мэзона, специально написаннымъ для русскаго перевода, «Флорентинская Трагедія» будетъ выпущена 4-вомъ «Скорпіонъ» отдѣльнымъ изданіемъ.

Отсутствіе литературной конвенціи между Англіей и Россіей, которая бы дала возможность охранять путемъ закона авторскія права О. Уайльда, побудило г. Роберта Росса обратиться къ намъ, при высылкѣ рукописи «Трагедіи», съ просьбой напечатать слѣдующее письмо:

Лондонъ 15 декабря 1906 года.

Какъ литературный душеприказчикъ надъ имуществомъ покойнаго Оскара Уайльда, удостовѣряю, что единственнымъ, разрѣшеннымъ мною для русскаго изданія переводомъ «Флорентинской Трагедіи» О. Уайльда, я признаю переводъ, сдѣланный непосредственно съ неизданнаго англійскаго оригинала, г.г. М. Лякиардопуло и А. Курсинскимъ и выпускаемый книгоиздательствомъ «Скорпіонъ». Отсутствіе литературной конвенціи лишаетъ меня возможности контролировать тѣ русскія изданія произведеній Уайльда, которыя появляются безъ моего вѣдома сплошь и рядомъ не съ англійскаго текста, а съ нѣмецкихъ и другихъ переводовъ. Но всякій издающій или покупающій неавторизованные русскіе переводы произведеній Оскара Уайльда отнимаетъ у дѣтей автора ихъ законное наслѣдство. Робертъ Россъ.

ФЛОРЕНТИНСКАЯ ТРАГЕДІЯ.

Комната въ старинномъ домѣ во Флоренціи, вся завѣшанная коврами, съ дверью, выходящей на балконъ. Ткацкій станокъ, прялка, сундуки, стулья, скамьи. Столъ, накрытый къ скромному ужину. При поднятіи занавѣсъ Біанка, жена флорентинскаго купца Симоне, бесѣдуетъ съ своей служанкой. Біанка своей красотой обратила на себя вниманіе Гвидо Барди, сына правителя Флоренціи. Онъ пытался золотомъ купить себѣ расположеніе Біанки, но она вернула ему кошелекъ обратно, съ отвѣтомъ, что любовь ея нельзя купить, а лишь можно завоевать благородствомъ и лаской, которыхъ такъ жаждетъ Біанка, не слыша отъ стараго мужа ничего, кромѣ заботъ и разговоровъ о барышкахъ и убыткахъ. Симоне уѣхалъ по дѣламъ, сказавъ, что, вѣроятно, не будетъ ночевать дома, и поэтому Біанка рѣшается принять Гвидо. Онъ является и рассказываетъ о своей любви. Она сперва долго смѣется надъ нимъ, жала его самолюбіе своими колкими и мѣткими отвѣтами, но скоро смягчается и уже готова упасть въ объятія Гвидо, когда вдругъ раздается шумъ на лестницѣ. Дверь открывается. Гвидо и Біанка въ смущеніи отходятъ другъ отъ друга, и входитъ Симоне.

Симоне. Ты здѣсь, жена! Хозяину навстрѣчу
Не грѣхъ бы выбѣжать... Возьми мой плащъ!
Нѣтъ, прежде эту ношу,—не изъ легкихъ!
Я ничего не продалъ, только плащъ,
Подбитый мѣхомъ, сыну кардинала.
Надѣется надѣтъ его, какъ только
Умретъ отецъ, и думаетъ, что скоро.
Но это кто? Ге! У тебя здѣсь гости!
Онъ родственникъ, конечно. Надо думать,
Изъ странъ чужихъ недавно возвратился
И въ домъ вошелъ, хозяинномъ не встрѣченъ
Прошу простить! И правда: домъ такой,
Гдѣ нѣтъ хозяина,—что вещь пустая,

Неблагородная, что чаша безъ вина,
 Что ножны безъ меча, что садъ безъ солнца,
 Гдѣ нѣтъ цвѣтовъ. Своякъ, прошу, простите!

БІАНКА. Не родственникъ, и не своякъ онъ вовсе.

СИМОНЕ. Не родственникъ, и не своякъ? Вотъ странно!
 Такъ кто же онъ, принять благоволившій
 Любезно такъ у насъ гостепрѣимство?

ГВИДО. Мнѣ имя—Гвидо Барди.

СИМОНЕ. Какъ? Вы сынъ

Флоренціи великаго владыки,
 Чьи мрачные дворцы я ночью вижу,
 Въ лучахъ луны, какъ-будто въ серебрѣ,
 Изъ оконъ этой хижины? Синьоръ,
 Привѣтъ мой вамъ, и дважды мой привѣтъ!
 Надѣюсь, что жена моя не слишкомъ
 Успѣла васъ пустою болтовнею,
 Что женщинамъ присуща, утомить?

ГВИДО. О, нѣтъ! достойною женою вашей,
 Предъ красотой которой гаснутъ звѣзды
 И блескъ теряетъ свой колчанъ Діаны,
 Я принять былъ съ любезностью такою,
 Что, если ей, а также вамъ, угодно,
 Еще не разъ я посѣщу вашъ домъ.
 И, если васъ порой дѣла заставятъ
 Уѣхать вдаль, я буду съ нею здѣсь,
 Чтобъ улаждать тоску уединенья,
 Не слишкомъ чтобъ по васъ она грустила.
 Что скажете, любезный мой Симоне?

СИМОНЕ. Синьоръ мой благородный, вы мнѣ честь
 Такою оказали этой рѣчью,
 Что мой языкъ сталъ скованъ, какъ языкъ
 Раба ничтожнаго. Сказать не въ силахъ
 Тѣхъ словъ, что я хотѣлъ бы. И, однако,
 Не выразить признательность мою
 Вѣдь было бы ужъ слишкомъ неучтиво:
 Благодарю отъ сердца глубины.

Подобные поступки — тѣсной дружбой
 Разрозненные части государства
 Связать способны, если знатный принць
 Такого вотъ, какъ вы, происхожденья,
 Высокаго такого воспитанья,
 Презрѣвъ въ судьбѣ жестокия различья,
 Приходить въ домъ къ друзьямъ простымъ и честнымъ.
 И все-таки, почтенный мой синьоръ,
 Мнѣ кажется, я слишкомъ смѣлъ. Въ другой разъ
 Надѣюсь васъ увидѣть здѣсь, какъ гостя,
 Сегодня же, не правда ли, вы зашли
 Купить мои товары? Шелкъ или бархатъ,—
 Найдется все; найдутся также ткани
 Такой работы нѣжной, что, увѣренъ,
 И вашу плѣнять изысканнѣйшей вкусь.
 Пусть часъ теперь, конечно, слишкомъ поздній,—
 Бѣднякъ-торгашъ въ погонѣ за грошами
 Работаетъ и ночью, какъ и днемъ.
 Высоки пошлины! И что ни городъ,
 То свой беретъ съ товаровъ новый сборъ.
 Приказчики неопытны, а жены
 Коммерческаго смысла лишены,
 И ловкости подавно, хоть Біанка
 Мнѣ крупнаго сумѣла залучить
 Сегодня покупателя. Не такъ ли?
 Не правда ли, Біанка? Но довольно.
 Гдѣ жъ узелъ мой? Гдѣ узелъ, говорю я!
 Раскрой, жена! Веревки развяжи,—
 Колѣномъ на полъ опустишь: сподручнѣй!
 Не этого! — Тотъ! Скорѣй, скорѣй! Ты знаешь:
 Не любить покупатель долго ждать,
 Терпѣнье ихъ испытывать опасно.
 Вотъ, вотъ онъ! дай сюда,—поосторожнѣй!
 Вещь цѣнная, ея коснуться страшно.
 Взгляните, мой синьоръ!

Гвидо.

Я протестую!

Къ чему такія хлопоты, когда
Совсѣмъ нужды нѣтъ слѣшно дѣлать выборъ
Изъ шелковыхъ и прочихъ вашихъ тканей.
Я выберу въ другой разъ какъ-нибудь.

СИМОНЕ. Простите, нѣтъ! Вотъ здѣсь дамась изъ Лукки,
Узоръ изъ серебра, и розы. Розы,
Расшитыя съ такимъ искусствомъ тонкимъ,
Что въ нихъ не достаетъ лишь аромата,
Чтобъ обмануть разсѣянные чувства.
Возьмите-ка на-ощупь: какъ вода
Онъ мягокъ, а вѣдь крѣпокъ, словно сталь.
А розы, розы! Это верхъ искусства.
Я думаю: холмы надъ Беллосгардо
Иль Фьезоле, отчизна яркихъ розъ,
Такихъ цвѣтовъ не въ силахъ были бъ бросить
Веснѣ въ ея душистые покровы.
А если бы и бросили, — цвѣты тѣ
Увяли бы для смерти неизбѣжной,
Покорные судьбѣ всего, что нѣжно
И кинуто подъ вѣтеръ и дожди.
Сама природа бой ведетъ упорный
Съ своей же красотой, и, какъ Медея,
Дѣтей своихъ нещадно убиваетъ.
Нѣтъ, нѣтъ, синьоръ, внимательнѣй взгляните:
Въ дамаскомъ шелкѣ этомъ вѣчно лѣто,
И этихъ розъ зимы дыханье минетъ.
За локоть каждый самъ платилъ червонецъ,
Червонецъ красный, полнолѣсный, долгихъ
Плодъ сбережений.

Гвидо.

Честный мой Симоне!

Прошу тебя, оставимъ. Я доволенъ,
На утро я пришлю слугу, который
Тебѣ заплатитъ вдвое.

СИМОНЕ.

Щедрый принцъ!

Цѣлую вашу руку. Но еще
Сокровище я долженъ показать вамъ.

Есть мантия для выходовъ парадныхъ,
 Расшитая рукой венеціанки:
 По бархагу разбросаны гранаты.
 А каждое зерно въ нихъ—чистый жемчугъ,
 И жемчугомъ расшить весь воротникъ,
 Столь частымъ, словно бабочки ночныя
 На улицахъ въ часъ тихій ночи лѣтней.
 Столь блѣднымъ, какъ луна, въ разсвѣта часъ
 Свѣтящая безумцамъ за рѣшеткой.
 Горитъ рубинъ, какъ яркій уголь, въ пряжкѣ.
 Святой отецъ такихъ камней не носитъ.
 Съ нимъ схожаго и въ Индіи не смещень;
 И пряжка хитроумнаго искусства,
 Челлини не выдѣлывалъ красивѣй,
 Чтобъ радовать великаго Лоренцо.
 Вамъ слѣдуетъ носить ее по праву,
 Затѣмъ, что—кто жъ достойнѣй васъ носить?
 Она вамъ такъ пойдетъ! Одна часть пряжки—
 Изъ золота Сатиръ, рогатый, ловкій,
 Готовъ схватить серебряную нимфу;
 Другая часть—Молчаніе; кристаллъ
 Въ его рукѣ; само—какъ колось хлѣба,
 Что клонится отъ взмаха крыльевъ птицы.
 Не болѣе; но сдѣлано такъ ловко,
 Что кажется—вотъ дышетъ, иль—вѣрнѣе—
 Сейчасъ вздохнетъ, лишь затанло вздохъ.
 Не правда-ли, Біанка дорогая,
 Та цѣнная одежда благородныхъ
 Пойдетъ къ лицу синьору Гвидо Барни?
 Проси его, тебѣ онъ не откажетъ,
 Хоть будь цѣна тяжка, какъ выкупъ принца.
 Здѣсь твой барышъ не меньше моего.

Біанка. Я не приказчикъ твой. Какое дѣло
 Мнѣ хлопотать за мантию твою?

Гвидо. Нѣтъ, милая Біанка, я куплю.

Я все куплю, что только мнѣ предложитъ

Купецъ почтенный. Выкупленъ быть долженъ
Плѣнный принцъ, и счастливы синьоры,
Что въ плѣнъ сдались столь дивному врагу.

СИМОНЕ. Смущаюсь я. Такъ купите? Иль нѣтъ?
Мнѣ тысячъ пятьдесятъ все это стоитъ,
Но вамъ отдать я за сорокъ готовъ.
Коль высока цѣна,—назначьте сами.
Вотъ если довелось бы мнѣ увидѣть
Васъ въ этомъ чудѣ ткацкаго станка
Среди красавицъ знатныхъ и придворныхъ
Цвѣткомъ среди цвѣтовъ! Какъ говорятъ,
Льнуть къ вашей свѣтлости усердно дамы
Круговъ придворныхъ, и куда бъ ни шли вы,
Какъ стая мухъ, онѣ за вами всюду,
И каждая о томъ лишь и мечтаетъ,
Чтобъ васъ расположить. Слыхалъ я также
И о мужьяхъ, украшенныхъ рогами,
Они носить ихъ съ гордостью умѣютъ,
Подумаешь, въ томъ мода нашихъ дней!
Забавнѣйшая мода!

ГВИДО. Другъ Симоне,
Твою болтливость время обуздать,
Ты позабылъ, что рядомъ съ нами дама
Прекрасная, чей пѣщный слухъ едва ли
Привыченъ къ музыкѣ столь грубой.

СИМОНЕ. Виновать.
Совсѣмъ забылъ. Не оскорблю васъ больше.

Такъ мантию вы купите или нѣтъ?
Конечно, да! Что значить сорокъ тысячъ
Наслѣднику Джовани Барди?—Грошъ!

ГВИДО. Ты завтра все покончишь съ казначеемъ
Антоньо Коста. Онъ къ тебѣ придетъ,
И отъ него получишь ты сто тысячъ.
Надѣюсь, ты доволенъ.

СИМОНЕ. Какъ! сто тысячъ?
Сто тысячъ, вы сказали? О, повѣрьте,

Теперь во всемъ должникъ я передъ вами
 И навсегда. Отнынѣ этотъ домъ
 И все, что въ немъ,—все ваше, только ваше.
 Сто тысячъ! Умъ мутится, какъ подумать,
 Что я теперь богаче всѣхъ купцовъ.
 Приобрѣту помѣстье, виноградникъ,
 Олинъ скуплю всѣ ткацкіе станки,
 Заставлю отъ Милана до Палермо
 Работать ихъ лишь только на себя.
 И жемчугъ, что въ пещерахъ потаенныхъ
 Хранять моря Аравіи далекой
 Моимъ, моимъ стать долженъ.

Щедрый принцъ!

Вамъ эта ночь любовь мою докажетъ,
 Что такъ сильна, что вамъ ни въ чемъ отказа
 Не можетъ быть, чего бъ вы ни спросили.

Гвидо. А если я спрошу ее, Біанку?

Симонѣ. Вы шутите, синьоръ! Ужли достойна

Она такого принца? Создана

Она, чтобъ пряхъ, хозяйничать по дому..

Не такъ ли, Бьянка? Правда, вѣдь? Смотри:

Вонъ ждетъ станокъ. Садись-ка за работу!

Нейдетъ женѣ быть дома не у дѣлъ,

И праздность рукъ раждаетъ праздность мысли.

Садись, сказала.

Біанка.

Что ткать мнѣ?

Симонѣ.

Ну, начни

Хоть плашъ какой,—его окрасимъ въ пурпуръ,

Печаль его надѣнетъ въ утѣшенье.

Иль длинную, какъ лента, пелену:

Не въ добрый часъ родившійся младенецъ

Пусть плачетъ въ ней, заброшенный въ тиши.

Иль простыню, которая, сначала

Раздушена наборомъ сладкихъ травъ,

Могла бъ пойти покойнику на саванъ.

Что хочешь тки! Мнѣ, право, все равно.

БІАНКА. Нить порвалась Отъ вѣчнаго вращенья
Соскучилось нѣмое колесо,
Станокъ бездушный роншетъ на работу,—
Сегодня ткать не буду.

СИМОНЕ. Ну такъ что-жь!
Ткать будешь завтра. Каждый новый день
Застать тебя обязанъ за работою,
Какъ нѣкогда Лукрецію засталъ
Тарквиній, иль, Лукреція, быть можетъ,
Ждала Тарквинія. Какъ знать? Бываетъ!..
Про мужнихъ женъ чего я не слыжалъ!..
Итакъ, синьоръ, что новаго на свѣтѣ?
Вотъ въ Пизѣ я слыжалъ такую вѣсть:
Англійскіе купцы уговорились
И шерсть свою рѣшили продавать
Дешевле, чѣмъ допущено закономъ.
Съ ходатайствомъ вошли ужъ въ синьорію.
Что? Это хорошо? Купецъ купцу
Быть волкомъ развѣ долженъ? Чужеземцы
Должны ль лишать насъ барышей законныхъ
Подъ явнымъ покровительствомъ закона?

ГВИДО. Чѣмъ я могу помочь въ подобномъ дѣлѣ?
Не въ ссору ли ввязаться съ синьоріей,
Надѣтъ нарядъ, въ которомъ вы, купцы,
Отъ дураковъ скупаете товары,
Чтобъ ихъ продать тѣмъ, кто еще глупѣе?
Нѣтъ, другъ Симоне, шерстью торговать
Твоя профессія. Моимъ талантамъ
Другое примѣненіе.

БІАНКА. Добрый принцъ,
Не гнѣвайтесь на мужа моего:
Его душа всегда живетъ на рынкѣ,
А сердце бьется лишь отъ цѣнъ на шерсть.
Но все-таки, по-своему, онъ честенъ.
Къ Симоне.
И какъ тебѣ не стыдно! Добрый принцъ

- Оказываетъ честь намъ посѣщеньемъ,
 А ты ему нелѣпой болтовнею
 Надоѣдаешь. Извинись скорѣе!
- Симонѣ. Прошу простить. Поговоримъ сегодня
 О чемъ другомъ. Есть слухъ, святой отецъ
 Письмо отправилъ королю французовъ,
 Прося его перешагнуть съ войсками
 Тотъ снѣжный шить, что Альпамъ зовется,
 И миръ внести въ Италию. Тотъ миръ,
 Что будетъ хуже войнъ жестокихъ самыхъ
 Кровавѣ междоусобныхъ ссоръ.
- Гвидо. Охъ, этотъ намъ король французовъ! Вѣчно
 Сулятъ прійти, однако, не приходитъ!
 Но мнѣ-то что до этого, мой другъ?
 Есть много дѣлъ, что мнѣ важнѣй и ближе.
- Бланка къ Симонѣ.
 Нѣтъ, право же ты гостя утомишь.
 Ну что ему король французскій? То же,
 Что шерсть твоя.
- Симонѣ. Пожалуй, ты права
 Правителей, какъ вижу, кругозоры
 Всѣ сузились въ предѣлы этой кельи,
 И въ три души замкнулся цѣлый міръ.
 Какъ у красильщика плохого въ чанѣ
 Сжимается сукно, такъ временами
 Сжимается вселенной безконечность
 До ширины ладони. Чтожъ, возможно,
 Что и теперь такія времена.
 Пусть будетъ такъ. и комната пусть эта
 Той сценою величественно станетъ,
 Гдѣ гибнуть короли, а наши жизни
 Ничтожныя бросаются, какъ ставки,
 Которыми игру ведетъ Господь.
 Не знаю самъ, зачѣмъ такъ говорю.
 Усталъ съ дороги. Конь мой спотыкался
 Три раза. Да, примѣта не къ добру!

И то сказать, синьоръ, вся наша жизнь
 Грошевая, пустячнѣйшая сдѣлка;
 На низкомъ рынкѣ сбытъ находимъ мы.
 Родимся мы,—надъ нами плачетъ мать,
 Умремъ—никто надъ нами не заплачетъ,
 Никто!

Уходить въ глубину сцены.

БІАНКА. Вотъ, рѣчь достойная купца.
 Противенъ мнѣ онъ тѣломъ и душою,
 На блѣдномъ лбу его клеймо боязни,
 А руки блѣдны. Какъ весной прохладной
 Листъ тополя, онъ дрожатъ безсилно
 Въ какой-то немочи. Его уста
 Безмысленную пѣну словъ ничтожныхъ,
 Какъ воду изъ фонтана изрыгаютъ
 И заплетаются.

ГВИДО. Повѣрь, Біанка,
 Не стоитъ онъ ни словъ твоихъ, ни мыслей.
 Онъ—честный плутъ. На торжищѣ житейскомъ
 Въ карманъ за словомъ въ сдѣлкѣ не полѣзетъ
 И выгодно продать, что купить сходно.
 Пустой крикунъ на пошломъ рынкѣ словъ,
 И рѣдкій типъ изъ глупыхъ краснабаевъ.

БІАНКА. Хоть смерть его на мѣстѣ поразила-бъ!

СИМОНЕ оборачивается.
 Кто помянулъ о смерти? О, никто,
 Никто пускай не говоритъ о смерти!
 Что дѣлать ей въ такомъ веселомъ домѣ,
 Гдѣ лишь жена, и мужъ, и добрый другъ
 Для встрѣчи ей? Пусть смерть идетъ въ домъ,
 Гдѣ грѣшныя свершаются дѣянья,
 Гдѣ жены благородныя, которымъ
 Мужья наскучили, спустивъ завѣсы
 Надъ брачными кроватями, стремятся

На простыняхъ, запятанныхъ, позоромъ,
 Своимъ страстямъ распущеннымъ дать волю...
 Все это странно, да! Но это такъ.
 Біанка, ты еще не знаешь свѣта,
 Ты слишкомъ одинока, благородна...
 Свѣтъ знаю я. Увы, съ годами только
 Приходитъ мудрость; волосы мои
 Уже бѣлы, и юности нѣтъ въ тѣлѣ.
 Но, нѣтъ! довольно говорить объ этомъ.
 Сегодня ночь—веселья жадно просить.
 Веселымъ буду я, какъ подобаеть
 Хозяину, что въ домѣ встрѣтилъ гостя
 Любезнаго, нежданнаго, который
 Привѣта ждетъ.

Но это что, синьоръ?
 Вы лютню принесли? Сыграть намъ пѣсню?
 Сыграйте, принцъ! Простите, если смѣлъ я,
 Но я прошу: сыграйте!

Гвидо.

Не теперь!

Когда-нибудь въ другой разъ, мой Симоне.
 Обращаясь къ Біанкѣ.
 Когда вдвоемъ мы будемъ, ты и я,
 И слушать насъ лишь будутъ звѣзды неба,
 Луна ревнивая...

Симонь.

Нѣтъ, нѣтъ, синьоръ!
 Нѣтъ, я прошу. О, я слыхалъ не разъ,
 Что лишь прикосновеньемъ пальцевъ къ струнамъ
 Дыханьемъ нѣжнымъ въ стебель тростника,
 Иль вздохомъ въ грудь упругой гулкой мѣди,
 Искусники умѣютъ извлекать
 Изъ стѣнъ тюрьмы тоскующія души.
 И слышалъ также я, что чары скрыты
 Вотъ въ раковинахъ этихъ, властью коихъ
 Затворы прочь спадаютъ у темницъ,
 Невинность въ косы грозди винограда
 Вплетаетъ и блуждаетъ какъ мѣнада...

Но ваша лютня, знаю я, чиста
 А потому—играйте, насладите
 Мой слухъ какимъ-нибудь напѣвомъ нѣжнымъ,
 Душа моя въ темницѣ, и нужна
 Ей музыка, чтобъ избѣжать безумья.
 Проси, Біанка, гостя.

БІАНКА.

Не спѣши.

Любезный гость безъ просьбы знаетъ мѣсто
 И знаетъ время. Время не пришло,—
 Наставать напрасно.

ГВИДО.

Другъ Симоне!

Когда-нибудь въ другой разъ. Въ этотъ вечеръ
 Довольствуюсь я музыкой иной:
 Напѣвомъ нѣжнымъ голоса Біанки,
 Что рѣчью зачаровываетъ воздухъ,
 Полетъ земли съ орбиты уклоняетъ
 На новый кругъ, гдѣ центръ—ея краса.

СИМОНЕ.

Вы льстите ей. Безспорно, добродѣтель
 Ей свойственна, какъ женщинъ большинству,
 Но красота—одно изъ украшеній,
 Которыхъ ей носить не суждено.
 И къ лучшему, быть можетъ.

А теперь,

Ужъ если не хотите усладить вы
 Мой скорбный слухъ напѣвомъ вашей лютни,
 Хоть выпейте со мной, по крайней мѣрѣ.

Видать столъ.

Ужъ столъ накрытъ и вамъ приборъ поставленъ.
 Біанка, дай мнѣ стулъ! Закрой окно,
 Задвинь болты у ставень: не хочу я,
 Чтобъ праздный людъ, нескромный въ любопытствѣ
 Веселье наше подсмотрѣлъ.

Теперь,

Синьоръ, скажите здравицу, поднявши
 Стаканъ, виномъ наполненный до края.

ОСКАРЪ УАЙЛДЪ.
Съ ксилографин Дж. Гекстера.

Желудокъ отравляетъ, отвращенье
Внушая мнѣ на мѣсто аппетита.

Отходить въ сторону.

Гвидо. Біанка милая, торгашъ твой скучный
Несносенъ мнѣ, я думаю уйти.

Наутро я приду, назначь мнѣ время.

Біанка. Едва взойдетъ заря. Пока не встрѣчу
Тебя опять, вся жизнь моя—пуста.

Гвидо. О, распусти волосъ твоихъ змѣистыхъ
Спадающую полночь; словно въ звѣздахъ
Въ твоихъ глазахъ дай видѣть мнѣ мой образъ,
Какъ въ зеркалѣ. Тамъ сохрани его,
Хотя бъ какъ тѣнь. И не гляди вокругъ
На скучные предметы, что не могутъ
Меня тебѣ напомнить. Я ревную
Ко всѣмъ вещамъ, къ которымъ прикоснуться
Твой можетъ взоръ.

Біанка. Увѣренъ будь, твой образъ
Отнынѣ навсегда со мною будетъ.

Любовь дастъ смыслъ напоминаній нѣжныхъ
Ничтожной самой вещи. Но не позже,
Чѣмъ жаворонокъ звонкимъ пѣньемъ въ небѣ
Разбудить міръ уснувшихъ, ты приди;
Здѣсь на балконѣ буду ждать я друга.

Гвидо. Затѣмъ ко мнѣ по лѣстницѣ изъ шелка
И жемчугомъ по алому расшитой,
Ты спустишься, ступая бѣлой ножкой,
Какъ легкій снѣгъ на кустъ осеннихъ розъ.

Біанка. Какъ хочешь. Знай, отнынѣ я твоя
И на любовь и на смерть!

Гвидо. Мнѣ, Симонѣ,
Пора итти...

Симонѣ. Такъ скоро? Почему?
Еще соборный колоколъ не пробилъ
Часъ полночи, и стражники, чьи трубы
По улицамъ пустыннымъ дразнить мѣсяць,

Еще въ своихъ покойно дремлють башняхъ.
 Немного подождите. Я боюсь,
 Что мы васъ здѣсь ужъ больше не увидимъ.
 И сердце мнѣ печалитъ этотъ страхъ.

Гвидо. Напрасный страхъ, Симоне, я всегда
 Останусь вѣрнымъ нашей дружбѣ. Только
 Сегодня мнѣ пора уже, пора!
 До завтра же, Біанка!

Симоне. Что-жъ, пусть такъ!
 Хоть съ вами радъ бесѣдовать я дольше,
 Вновь обрѣтенный другъ, высокій гость,
 Но, знать, не быть тому. При томъ, я знаю,
 Васъ ждетъ отецъ, скучаетъ онъ по васъ,
 По голосъ, по звукамъ вашихъ шпоръ.
 Вы у него одинъ, одна опора,
 Единственный цвѣтокъ средь сорныхъ травъ.
 Племянники...—но гѣ его не любятъ.
 Такъ говорятъ,—по слухамъ я сужу.
 Наслѣдство ваше зависть возбуждаетъ
 Въ сердцахъ у нихъ, на виноградникъ вашъ
 Они глядятъ такими же глазами,
 Какъ царь Ахавъ на поле Навуея.
 Конечно, сплетни все, болтаютъ мало ль
 По городу.

Покойной ночи, принцы!
 Біанка, факель! Лѣстница стара,
 Прогнила кое-гдѣ, а блѣдный мѣсяцъ
 Какъ скряга сталъ жалѣть свои лучи
 И прячетъ ликъ за тюлевою маской,
 Какъ проститутки выходя на ловъ,
 Чтобъ въ грѣхъ вовлечь неопытную душу.
 Сейчасъ я вамъ достану плащъ и шпагу.
 Позвольте, нѣтъ, я долженъ услужить вамъ,
 Кто мой почтилъ мѣщанскій, блѣдный домъ,
 Со мной отпилъ вина, отвѣдалъ хлѣба
 И былъ такъ добръ и простъ. Жена и я

Не разъ мы вспомнимъ радость этой ночи
И всѣ ея послѣдствія...

Ну, шпага!

Закалъ Феррары, гибкостью—змѣя!
И какъ змѣя, конечно, смертоносна.
Что говорить! На жизненныхъ дорогахъ
Съ такою сталью нечего бояться.
Я не встрѣчалъ столь дивнаго клинка.
И у меня есть шпага, да немного
Заржавлена теперь! Мы—люди мира.
Смиренью учать насъ, насъ учать шею
Сгибать подъ тяжкой ношей, не роптать
На кривду свѣта, молча выносить
Неправыя обиды, и подобно
Жиду, что терпитъ вѣчно, мы находимъ
Въ страданьяхъ нашихъ пользу для себя.
Но, помню, разъ, близъ Падуи, въ пути
Отнять хотѣлъ разбойникъ у меня
Коня съ товарами. Такъ все же горло
Ему я перерѣзалъ. Да, могу
Я вынести безчестье, оскорбленье
И всякія позорныя слова,
И явное къ себѣ пренебреженье,
Но тотъ, кому бѣ явилась мысль украсть
Хоть что-нибудь такое, что мое,
Пусть будетъ то лишь глиняный сосудъ,
Изъ коего я утоляю жажду—
Рискуеть онъ душой своей и тѣломъ
Въ томъ воровствѣ. Изъ странной глины люди,
Мы, слѣплены.

Гвидо.

Къ чему твои слова?

Симонв. Хочу я знать, синьоръ, не лучше ль въ шпагѣ
Моей закалъ, чѣмъ въ этомъ вотъ клинкѣ.
Желаете, устроимъ испытанье?
Иль, можетъ быть, для васъ зазорно будетъ
Скрестить клинокъ съ моимъ, будь то шутя

Иль не шутя?

Гвидо.

Нѣтъ ничего пріятнѣй,
Чѣмъ стать лицомъ къ лицу съ тобой и шпаги
Скрестить, будь то шутя иль не шутя.
Дай мнѣ мою, достань свою скорѣе.
Пусть эта ночь рѣшитъ вопросъ великій,
Чья закаленнѣй сталь—купца иль принца.
Не такъ ли ты сказалъ? Зачѣмъ же медлишь?

Симонѣ.

Изъ милостей, которыми мой домъ
Осыпать вамъ, синьоръ, угодно было,—
То милость величайшая.

Біанка!

Дай шпагу мнѣ! Отлично! Отодвинь
Столы и стулья. Нуженъ кругъ свободный
Для поединка нашего. Свѣти
Намъ факеломъ, чтобъ это состязанье
Не перешло изъ шутки вдругъ въ серьезъ.

Біанка. Къ Гвидо.

Убей его! Убей!

Симонѣ.

Біанка, факель!

Начинають биться.

Разъ! А! Ага! А что? Вотъ такъ! Ну что-жъ?
Его ранить Гвидо.

Царапина, не больше; слишкомъ факель
Мнѣ билъ въ глаза. Но не смотри такъ грустно,
Жена моя, все это пустяки.

Я раненъ, но легко, подай-ка тряпку,
Перевяжи мнѣ руку,—слишкомъ крѣпко,
Нѣжднѣе, милая! Зачѣмъ грустить?

О, не грусти!.. Нѣтъ, прочь ее, не надо!
Бѣда ль, что летится кровь!

Срываетъ повязку.

Еще, еще!

Симонѣ выбиваетъ шпагу у Гвидо.

Вотъ видите, синьоръ, сказалъ я правду,
И мой клинокъ былъ лучше закаленъ,
И сталь его покрѣпче. Но кинжалы
Попробуемъ.

БІАНКА. Къ Гвидо. Убей его! убей!

СИМОНЕ. Гаси твой факель, Бьянка!

Бьянка гасить факель. И теперь,
Теперь на смерть, синьоръ, пока не ляжетъ
Одинъ изъ насъ, иль оба, или всѣ,
Всѣ три, быть можетъ.

Дерутся. Такъ, и такъ, и такъ!

А, дьяволъ! Да, теперь въ моей рукѣ ты.

Симоне беретъ верхъ надъ Гвидо и бросаетъ его на полъ.

ГВИДО. Дуракъ, сними клещи свои мнѣ съ горла.
Я у отца единственный вѣдь сынъ;
У государства лишь одинъ наслѣдникъ.
Коварный врагъ нашъ, Франція, ужъ ждетъ
Конца отцовской линіи, готовый
Врасплохъ напасть на городъ нашъ.

СИМОНЕ. Молчи!

Бездѣльнымъ ставъ, повѣрь, счастливѣй будетъ
Отецъ твой; а Флоренціи не нужно
Прелюбодѣя—кормчимъ у руля.
Своею жизнью ты лишь загрязняешь
Святыню нашихъ лилій.

ГВИДО. Руки прочь!

Проклятыя прочь руки, говорю я!

Пусти меня!

СИМОНЕ. Ну нѣтъ! Ты ловко такъ

Попался мнѣ, что тщетны всѣ надежды.
Теперь свелась въ одинъ моментъ позора
Вся жизнь твоя, и кончится позоромъ.

ГВИДО. Священника прошу я передъ смертью..

СИМОНЕ. Къ чему? Грѣхи свои повѣдай Богу,

Котораго ты въ эту ночь увидишь,

Чтобъ больше не увидѣть никогда,—
Тому, Кто справедливъ, но безпощаденъ,
И милосердъ, хоть справедливъ... А я...

Гвидо. О, помоги мнѣ, милая Біанка,
Вѣдь знаешь ты, я зла не сотворилъ.

Симонъ. Какъ! Смерть еще губъ лживыхъ не сковала?
Умри, какъ песь, съ повисшимъ языкомъ!
Умри! Рѣка твой трупъ безмолвно приметъ
И въ море неопознаннымъ снесетъ.

Гвидо. Прими, Господь, несчастный духъ мой съ миромъ!

Симонъ. Аминь! Теперь чередъ другой!

Гвидо умираетъ. Симонъ поднимается и глядитъ на Біанку. Она подходитъ къ нему, словно ослѣпленная изумленіемъ, съ широко раскрытыми руками.

Біанка. Зачѣмъ ты

Мнѣ не сказалъ, какъ ты могучъ?

Симонъ. Зачѣмъ

Ты не сказала мнѣ, какъ ты прекрасна?

Цѣлуетъ ее въ губы.

Занавѣсъ.

ОГНЕННЫЙ АНГЕЛЪ

ИЛИ ПРАВДИВАЯ ПОВѢСТЬ, ВЪ КОТОРОЙ РАЗКАЗЫВАЕТСЯ
О ДЬЯВОЛѢ, НЕ РАЗЪ ЯВЛЯВШЕМСЯ ВЪ ОБРАЗѢ СВѢТЛАГО ДУХА
ОДНОЙ ДѢВУШКѢ И СОБЛАЗНИВШЕМСЯ ЕЕ НА РАЗНЫЕ ГРѢ-
ХОВНЫЕ ПОСТУПКИ, О БОГОПРОТИВНЫХЪ ЗАНЯТИЯХЪ МАГІЕЙ,
АЛХИМІЕЙ, АСТРОЛОГІЕЙ, КАББАЛИСТИКОЮ И НЕКРОМАНТИЕЙ,
О СУДЬ НАДЪ ОНОЮ ДѢВУШКОЮ ПОДЪ ПРЕСѢДАТЕЛЬСТВОМЪ

ЕГО ПРЕПОДОБІЯ АРХІЕПИСКОПА ТРИРСКАГО,

А ТАКЖЕ О ВСТРѢЧАХЪ И БЕСѢДАХЪ

СЪ РЫЦАРЕМЪ И ТРИЖДЫ ДОКТОРОМЪ

АГРИПШОЮ ИЗЪ НЕТТЕСГЕЙМА

И ДОКТОРОМЪ ФАУСТОМЪ,

НАПИСАННАЯ

ОЧЕВИДЦЕМЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ
РУССКАГО ИЗ-
ДАТЕЛЯ. ♦♦♦♦

Предлагаемая читателямъ
повѣсть XVI вѣка дошла до
насъ въ единственной рукописи,
находящейся нынѣ въ частныхъ ру-
кахъ. Ея владѣлецъ,—благодаря лю-
безности котораго мы имѣемъ возмож-
ность обнародовать русскій переводъ ра-
нѣе появленія въ печати подлинника,—намѣ-

ренъ предпослать нѣмецкому изданію обстоятельное критическое вступленіе. Отсылая любопытныхъ къ его работѣ, гдѣ дано будетъ всестороннее описаніе рукописи и подробно разсмотрѣны вопросы о ея подлинности, времени написанія, историческомъ значеніи и т. под., — мы ограничимся здѣсь по этому поводу лишь нѣсколькими словами.

Рукопись представляетъ собою тетрадь in 4°, въ 118 страницъ синеватой бумаги, изъ которыхъ 4 послѣднихъ — безъ текста, переплетенную въ пергаментъ, съ застежками. Писана она, готическимъ шрифтомъ, на томъ «обще-нѣмецкомъ» языкѣ, не чуждомъ, однако, діалектическихъ особенностей, на которомъ печатались книги въ Германіи въ самомъ концѣ XV и началѣ XVI вѣка; только посвященіе составлено по-латыни. Рукопись ни въ какомъ случаѣ не автографъ руки автора, который самъ говоритъ, что писалъ свою исповѣдь въ концѣ 1535 года, но — списокъ, сдѣланный значительно позднѣе, повидимому, уже въ самомъ концѣ XVI вѣка, неизвѣстнымъ намъ лицомъ, какъ можно догадываться, — католикомъ. Есть явные слѣды, что языкъ повѣсти нѣсколько подновленъ переписчикомъ. Имъ же, вѣроятно, дано повѣсти и ея витіеватое заглавіе, нѣсколько противорѣчащее тону всего разказа, въ общемъ простого и безыскусственнаго. На корешкѣ переплета поставлено чернилами заглавіе сокращенное: «Правдивая Повѣсть» (*Eine wahrhaftte Geschichte*), можетъ быть, принадлежащее автору. Сохранность рукописи почти не оставляетъ желать ничего лучшаго, такъ какъ всѣ строки могутъ быть прочитаны, а немногія попорченныя мѣста легко возстанавливаются по контексту.

Добросовѣстность автора, его строгое намѣреніе безпристрастно и вѣрно описать то, что онъ пережилъ, — можетъ быть поставлена внѣ сомнѣнія. Въ XVI и XVII столѣтіяхъ колдовство и вѣдовство были не столько народными суевѣріями, сколько опредѣленными доктринами, развиваемыми въ книгахъ самыхъ выдающихся естествоиспытателей и юристовъ. Неопредѣленныя колдованія и гаданія Среднихъ Вѣковъ выросли въ эпоху Возрожденія и Реформациі въ стройно-разработанную дисциплину наукъ, которыхъ ученые насчитывали свыше двадцати

(см., напр., сочиненіе Агриппы: «De species magiae»). Лучшіе умы тѣхъ вѣковъ не только вѣрили въ сношенія съ дьяволомъ, но и посвящали этому вопросу отдѣльныя работы. Такъ, Жакъ Бодэнъ, знаменитый авторъ «De republica», котораго Бокль признавалъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ историковъ, написалъ обширное сочиненіе, доказывающее существованіе вѣдьмъ; Амбруазъ Парэ, преобразователь хирургіи, описалъ природу демоновъ и виды одержанія; Кеплеръ защищалъ свою мать отъ обвиненія въ вѣдовствѣ, не возражая противъ самаго обвиненія, и т. д. Папы издавали спеціальныя буллы противъ вѣдьмъ, и во главѣ извѣстнаго «Malleus maleficarum» стоитъ текстъ: «Haeresis est maxima opera maleficarum non credere», т.-е.: не вѣрить въ дѣянія вѣдьмъ—высшая ересь. Число этихъ не вѣрящихъ было очень невелико и среди нихъ на видное мѣсто должно поставить упоминаемаго въ нашей «Повѣсти» Юганна Вейера (или, по другой транскрипціи его имени, Жана Вира), который первый призналъ въ вѣдовствѣ особую болѣзнь. Такимъ образомъ нисколько не удивительно, что авторъ «Правдивой Повѣсти» рассказываетъ о разныхъ сверхъестественныхъ явленіяхъ съ тѣмъ же спокойствіемъ лѣтописца, какъ и о всѣхъ иныхъ происшествіяхъ своей жизни.

При передачѣ «Повѣсти» на русскій языкъ мы имѣли въ виду, что ея авторъ удѣлялъ значительное вниманіе художественности разсказа. Поэтому мы не считали нужнымъ воспроизводить мелкія особенности въ стилѣ подлинника, и нашъ переводъ долженъ быть названъ свободнымъ. Въ концѣ «Повѣсти» будутъ приложены необходимѣйшія объясненія переводчика.

Изд.

ПОСВЯЩЕНИЕ АВТОРА.

NON ILLUSTRIVM QUIQVAM VIRORVM
 ARTIVM LAVDE DOCTRINAEVE FAMA CLARORVM
 AT TIBI
 DOMINA LVCIDA, DEMENS INFELIX
 QVAE MVLTVM AMAVERAS
 AMANDOQVE PERIERAS
 NARRATIONEM HAVD MENDACEM
 SERVVS DEVOTVS
 AMATOR FIDELIS
 SEMPIETERNAE MEMORIAE CAUSA
 DEDICAVI
 SCRIPTOR

Т.-С.

НЕ КОМУ-ЛИБО ИЗЪ ЗНАМЕНИТЫХЪ ЛЮДЕЙ,
 ПРОСЛАВЛЕННЫХЪ ВЪ ИСКУССТВАХЪ ИЛИ НАУКАХЪ,
 НО ТЕБѢ,
 ЖЕНЩИНА СВѢТЛАЯ, БЕЗУМНАЯ И НЕСЧАСТНАЯ,
 КОТОРАЯ ВОЗЛЮБИЛА МНОГО
 И ОТЪ ЛЮБВИ ПОГИБЛА,
 ПРАВДИВОЕ ЭТО ПОВѢСТВОВАНИЕ,
 КАКЪ ПОКОРНЫЙ СЛУЖИТЕЛЬ
 И ВѢРНЫЙ ЛЮБОВНИКЪ,
 ПОСВЯЩАЕТЪ
 АВТОРЪ.

AMICO LECTORI

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА, ГДѢ РАЗСКАЗЫВАЕТСЯ
ЕГО ЖИЗНЬ ДО ВОЗВРАЩЕНІЯ ВЪ НѢМЕЦКІЯ ЗЕМЛИ.

Мнѣ думается, что каждый, кому довелось быть свидѣтелемъ событій необычныхъ и малопонятныхъ, долженъ оставлять ихъ описаніе, сдѣланное искренно и безпристрастно. Но не одно только желаніе содѣйствовать такому сложному дѣлу, какъ изученіе загадочной власти Дьявола и области ему доступной, побуждаетъ меня предпринять это, лишенное прикрасъ, повѣствованіе о всемъ удивительномъ, что пережилъ я за послѣдніе двѣдцать мѣсяцевъ. Меня привлекаетъ также возможность — открыть, на этихъ страницахъ, свое сердце, словно въ нѣмой исповѣди, предъ невѣдомымъ мнѣ слухомъ, такъ какъ больше не къ кому мнѣ обратиться свои печальныя признанія, и трудно молчать человѣку, испытавшему слишкомъ много. Для того же, чтобы было видно тебѣ, благосклонный читатель, насколько можешь ты довѣрять безхитроственному разсказу и насколько способенъ я быть разумно оцѣнивать все, что наблюдаю, хочу я въ короткихъ словахъ передать и всю мою судьбу.

Прежде всего скажу, что я не былъ юношей, неопытнымъ и склоннымъ къ преувеличеніямъ, когда повстрѣчался съ темнымъ и съ тайнымъ въ природѣ, такъ какъ переступилъ уже черезъ грань, раздѣляющую нашу жизнь на двѣ части. Родился я въ Трирскомъ курфюршествѣ въ концѣ 1504 года отъ Воплощенія Слова, февраля 5, въ день Святой Агаты, что было въ среду, — въ небольшомъ селеніи, въ долинѣ Гохвальда, въ Лозгеймѣ. Дѣдъ мой былъ тамъ цирульникомъ и хирургомъ, а отецъ, получивъ на то привилегію отъ нашего курфюрста, практиковалъ какъ медикъ. Мѣстные жители всегда высоко цѣнили его искус-

ство, и, вѣроятно, по сей день прибѣгаютъ къ его внимательной помощи, заболѣвъ. Въ семьѣ насъ было четверо дѣтей: два сына, считая со мной, и двѣ дочери. Старшій изъ насъ, братъ Арнимъ, успѣшно изучивъ ремесло отца, дома и въ школахъ, былъ принятъ въ корпорацію Трирскими медиками, а обѣ сестры удачно вышли замужъ и поселились — Марія въ Мерцигѣ, а Луиза въ Базелѣ. Я, получившій при святомъ крещеніи имя Рупрехта, былъ въ семьѣ самымъ младшимъ и оставался еще ребенкомъ, когда братъ и сестры стали уже самостоятельными.

Объ образованіи своемъ придется мнѣ говорить довольно подробно, потому что, будучи лишень школьной выучки, не почитаю я себя ничѣмъ ниже нѣкоторыхъ, гордящихся двойнымъ и тройнымъ докторатомъ. Отецъ мой мечталъ, что я буду его преемникомъ и что мнѣ передастъ онъ, какъ богатое наслѣдство, и свое дѣло и свой почетъ. Едва обучивъ меня грамотѣ, счету на абакѣ и начаткамъ латыни, онъ сталъ посвящать меня въ тайны составленія лѣкарствъ, въ афоризмы Гипократа и въ книгу Іоаннікія Сирійскаго. Но мнѣ съ самаго дѣтства были ненавистны занятія усидчивыя, требующія одного вниманія и терпѣнія. Только настойчивость отца, который со старческимъ упрямствомъ не отступалъ отъ своего намѣренія, и постоянныя увѣщанія матери, женщины доброй и робкой, принудили меня сдѣлать нѣкоторые успѣхи въ изучаемомъ предметѣ.

Для продолженія моего образованія отецъ, когда мнѣ было четырнадцать лѣтъ, послалъ меня въ городъ Кельнъ, на Рейнѣ, къ своему старому другу Отфриду Герарду, думая, что мое прилежаніе возрастетъ отъ соревнованія съ товарищами. Однако, университетъ этого города, откуда доминиканцы только-что вели свою постыдную борьбу съ Іоганномъ Рейхлиномъ, не могъ оживить во мнѣ особое рвеніе къ наукѣ. Въ то время тамъ, хотя и начинались нѣкоторыя преобразованія, но среди доцентовъ почти вовсе не было посядователей новыхъ идей нашего времени, и факультетъ теологіи все еще высился среди другихъ, какъ башня надъ кровлями. Мнѣ предлагали учить наизусть гексаметры изъ «Doctrinale» Александра и вникать въ мертвую «Ars distandi» Боэція. И если за годы моего пребыванія въ уни-

верситетѣ, я научился чему-либо, то, конечно, не изъ школьныхъ лекцій, а только на урокахъ оборванныхъ, странствующихъ преподавателей, которые появлялись порой и на улицахъ Кельна.

Не долженъ я (то было бы несправедливо) назвать себя лишеннымъ способностей. Правда, меня часто влекло отъ рабочаго стола и переплетовъ изъ ослиной кожи — въ горы и въ лѣсъ, къ шелесту зелени и къ широтѣ далей, все же, обладая хорошей памятью и быстрой сообразительностью, я сумѣлъ позднѣе собрать достаточное количество свѣдѣній и просвѣтить свой умъ лучами философіи. То, что мнѣ случилось узнать о работахъ Нюрнбергскаго математика Бернгарда Вальтера, объ открытіяхъ и соображеніяхъ доктора Теофраста Парацельса, а тѣмъ болѣе объ увлекательныхъ воззрѣніяхъ живущаго во Фрауенбургѣ астронома Николая Коперника, позволяетъ думать, что благодѣтельное оживленіе, переродившее въ нашъ счастливый вѣкъ и свободныя искусства и философію, перейдетъ въ будущемъ и на науки. Но пока не могутъ онѣ не быть чужды каждому, сознающему себя, по своему духу, современникомъ великаго Эразма, путникомъ долины челоуѣчности, *valli humanitatis*. Я, по крайней мѣрѣ, и въ годы отрочества—безсознательно, и взрослымъ челоуѣкомъ—послѣ размысленій, всегда не высоко цѣнилъ знаніе, почерпнутое новыми поколѣніями изъ старыхъ книгъ и не провѣренное изслѣдованіемъ дѣйствительности. И вмѣстѣ съ пламеннымъ Джованни Пикко Мирандолою, авторомъ божественной «Рѣчи о достоинствѣ челоуѣка», готовъ я послать проклятіе «школамъ, гдѣ люди занимаются прискиваніемъ новыхъ словъ».

Чуждаясь въ Кельнѣ университетскихъ лекцій, я, однако, съ тѣмъ болѣею страстностью предался вольной жизни студентовъ. Послѣ строгости отчаго дома мнѣ очень по вкусу пришли и удалое пьянство, и часы съ покладистыми подругами, и картежная игра, захватывающая духъ смѣнами случайностей. Я быстро освоился съ разгульнымъ времяпрепровожденіемъ, какъ и вообще съ шумной городской жизнью, преисполненной вѣчной суетни и торопливости, которая составляетъ отличительную особенность нашихъ дней и на которую съ недоумѣніемъ и не-

годованіемъ смотрять старики, вспоминая тихое время добраго императора Фридриха. Цѣлые дни проводилъ я съ товарищами въ проказахъ, не всегда невинныхъ, переходя изъ питейныхъ домовъ въ веселіе, распѣвая студенческія пѣсни, вызывая на драку ремесленниковъ и не гнушаясь пить чистую водку, что тогда, пятнадцать лѣтъ назадъ, далеко не было такъ распространено, какъ теперь. Даже влажная темнота ночи и звонъ замыкаемыхъ уличныхъ цѣпей не всегда заставляли насъ итти на покой.

Въ такую жизнь былъ я погруженъ почти три зимы, пока не кончились для меня эти забавы несчастно. Неискушенное мое сердце разгорѣлось страстью къ нашей сосѣдкѣ, женѣ хлѣбопекаря, бойкой и красивой, — со щеками, какъ снѣгъ, посыпанный лепестками розъ, съ губами, какъ сицилійскіе кораллы, и зубами, какъ пейлонскіе перлы, если говорить языкомъ стихотворцевъ. Она не была неблагосклонна къ юношѣ, статному и острому на слово, но желала отъ меня тѣхъ маленькихъ подарковъ, на которые, какъ отмѣтилъ еще Овидій Назонъ, падки всѣ женщины. Денегъ, посылаемыхъ мнѣ отцомъ, не доставало, чтобы выполнять ея прихотливыя причуды, и вотъ, съ однимъ изъ самыхъ отчаянныхъ своихъ сверстниковъ, вовлекся я въ очень нехорошее дѣло, которое не осталось скрытымъ, такъ что мнѣ грозило заключеніе въ городскую тюрьму. Только благодаря усиленнымъ хлопотамъ Отфрида Герарда, пользовавшагося расположеніемъ вліятельнаго и очень замѣчательнаго по уму каноника, графа Германа фонъ Нейенара, былъ я освобожденъ отъ суда и отправленъ къ родителямъ для домашняго наказанія.

Тогда-то именно началось для меня то, не школьное, ученіе, которому обязанъ я своимъ правомъ называться человекомъ просвѣщеннымъ. Мнѣ было семнадцать лѣтъ. Не получивъ въ университетѣ даже степени бакалавра, поселился я дома въ жалкомъ положеніи тунеядца и запятившаго свою честь человека, отъ котораго всѣ отступились. Но въ уединенномъ нашемъ Лозгеймѣ нашелъ я вѣрнаго друга, полюбившаго меня кротко, успокоившаго мою ожесточенную душу и выведшаго меня на новую дорогу. То былъ сынъ нашего аптекаря, Фридрихъ, юноша, немного меня старше, болѣзненный и странный.

Отецъ его любилъ собирать и переплетать книги, особенно новыя, печатныя, и тратилъ на нихъ весь излишекъ своихъ доходовъ, хотя самъ читалъ рѣдко. Фридрихъ же предавался чтенію, какъ упоительной страсти, и не зналъ высшей радости, какъ повторять вслухъ любимыя страницы. И когда я не бродилъ съ самострѣломъ по кручамъ и склонамъ окрестныхъ горъ, шелъ я въ маленькую каморку своего друга, на самомъ верху дома, подъ черепицами, и мы часы за часами проводили среди толстыхъ томовъ древности и тоненькихъ книжекъ современныхъ писателей.

Такъ, помогая другъ другу, то вмѣстѣ восхищаясь, то упорно споря, читали мы, и въ зимніе прохладные дни, и въ лѣтнія звѣздныя ночи, все, что могли достать въ нашемъ захолустьи, обращая чердакъ аптеки въ академію. У тѣхъ древнихъ, о которыхъ не было рѣчи въ университетѣ ни на ординаріяхъ, ни на диспутахъ,— у Катуллы, Марціала, Кальпурнія, нашли мы, навсегда непревосходимые, образцы красоты и вкуса, а въ твореніяхъ богоподобнаго Платона заглянули въ самыя глухія глубины челоѳческой мудрости, не все понимая, но всѣмъ потрясенные. Въ сочиненіяхъ нашего вѣка, менѣе совершенныхъ, но болѣе намъ близкихъ, научились мы сознать то, что уже раньше, не имѣя словъ, жило и роилось въ нашей душѣ. Мы увидѣли свои собственные, до тѣхъ поръ еще туманные, взгляды, — въ неистоцимо-забавной «Похвалѣ Глупости», въ остроумной и благородной, что бы тамъ ни говорили, «Губкѣ», въ мощномъ и неумолимомъ «Торжествѣ Венеры», и въ тѣхъ «Письмахъ темныхъ людей», которыя мы шесть разъ перечли отъ начала до конца и которымъ сама древность можетъ противопоставить развѣ одного Лукіана.

Кругомъ гремѣли, между тѣмъ, великія событія, еще памятные всѣмъ. То было время, о которомъ теперь говорятъ: кто въ 23 году не умеръ, въ 24 не утонулъ, а въ 25 не былъ убитъ, — долженъ благодарить Бога за чудо. Насъ, впрочемъ, занятыхъ бесѣдами съ благороднѣйшими умами, мало увлекали черныя бури современности. Мы никакъ не могли сочувствовать нападенію на Триръ рыцаря Франца фонъ Зикенгена, котораго нѣкоторые прославляли какъ друга лучшихъ людей, но который на дѣлѣ былъ че-

ловѣкъ стараго закала, изъ числа разбойниковъ, ставящихъ дешевой ставкой свою голову, чтобы ограбить проѣзжаго. Нашъ архіепископъ далъ отпоръ насильнику, показавъ, что времена Флоризеля Никейскаго стали дѣдовскими преданіями. Два слѣдующихъ года по вѣсѣмъ нѣмецкимъ землямъ, словно въ сатанинской пляскѣ, проносились народные мятежи и буйства; мужики врывались въ селенія и замки, жгли, избивали, истязали. Мечтателю Фридриху сначала казалось, что этотъ огненный и кровавый ураганъ поможетъ установить въ нашей странѣ больше порядка и справедливости, но я не могъ ждать ничего отъ нѣмецкихъ крестьянъ, слишкомъ еще дикихъ и невѣжественныхъ. Все свершившееся оправдало меня и горькія слова одного изъ писателей: *rustica gens optima flens pessima gaudens*.

Большіе раздоры вызывали между нами первые слухи о Мартинѣ Лютерѣ, этомъ «непобѣдимомъ еретикѣ», имѣвшемъ уже тогда не мало сторонниковъ среди владѣтельныхъ князей. Увѣряли, будто девять десятыхъ Германіи восклицало въ тѣ дни: «Да здравствуетъ Лютеръ», а позднѣе, въ Испаніи, говорили, что у насъ религія мѣняется, какъ погода, и майскій жукъ летаетъ между тремя церквами. Но меня лично нисколько не занималъ споръ о благодати и пресуществленіи, и я никогда не понималъ, какъ Дезидерій Эразмъ, этотъ единственный гений, могъ интересоваться монашескими проповѣдями. Сознывая вмѣстѣ съ лучшими людьми современности, что вѣра заключается въ глубинѣ сердца, а не во виѣшнихъ проявленіяхъ, я по тому самому не чувствовалъ никогда затрудненія ни въ обществѣ добрыхъ католиковъ, ни среди изступленныхъ лютеріанцевъ. Напротивъ, Фридрихъ, котораго въ религіи на каждомъ шагѣ пугали какія-то мрачныя пропасти, находилъ лучезарное откровеніе въ книжкахъ Лютера, въ которыхъ мнѣ нравилась только нѣкоторая сила и цвѣтистость, хотя и необработаннаго, слога,—и наши споры переходили, порой, въ обидныя ссоры.

Въ началѣ 26 года, тотчасъ послѣ Святой Пасхи, пріѣхали къ намъ въ домъ сестра Луиза съ мужемъ. Жизнь при нихъ стала для меня совсѣмъ нестерпима, такъ какъ они безъ устали осыпали меня упреками за то, что, въ двадцать лѣтъ, остаюсь я яр-

ПОЛЬ ВЕРЛЕНЪ.

Съ офорта А. Цорна.

момъ на плечахъ отца и жерновомъ на очахъ матери. Около того же времени рыцарь Георгъ фонъ Фрундсбергъ, славный побѣдитель французовъ, по порученію Императора, вербовалъ въ нашихъ краяхъ рекрутовъ. Тогда пришло мнѣ на умъ стать вольнымъ ландскнехтомъ, такъ какъ не видѣлъ я другого способа измѣнить свою жизнь, которая готова была застояться, какъ воды пруда. Фридрихъ, мечтавшій было, что я сдѣлаюсь виднымъ писателемъ, очень опечалился, но не нашелъ доводовъ разубѣдить меня. И я объявилъ отцу, рѣшительно и настойчиво, что выбираю военное ремесло, ибо мнѣ болѣе присталъ мечъ, чѣмъ ланцетъ. Отецъ, какъ я и ожидалъ, пришелъ въ гнѣвъ и запретилъ мнѣ и думать о военномъ дѣлѣ, сказавъ: «Всю жизнь я поправлялъ человѣческія тѣла и не хочу, чтобы мой сынъ уродовалъ ихъ». Своихъ денегъ, чтобы купить вооруженіе и одежду, не было ни у меня, ни у моего друга, и потому я рѣшилъ покинуть родной кровъ тайно. Ночью, помнится на 5 іюня, незамѣтно вышелъ я изъ дому, взявъ съ собою 25 рейнскихъ гульденовъ. Мнѣ очень запомнилось, какъ Фридрихъ, проводивъ меня до выхода въ поле, обнялъ меня, — можетъ быть, въ послѣдній разъ, — плача, у сѣрой ветлы, блѣдный, въ лунномъ озареніи, какъ мертвецъ.

Я же въ тотъ день не чувствовалъ на сердцѣ тяготы разлуки, такъ какъ сіяла передо мной, какъ глубь майскаго утра, новая, жизнь. Былъ я молодъ и силенъ, вербовщики приняли меня безъ спора, и я вступилъ въ итальянское войско Фрундсберга. Всѣ легко поймутъ, что потянувшіеся затѣмъ дни были не легки для меня, если только вспомнить, что такое наши ландскнехты: люди— буйные, грубые, неученые, щеголяющіе пестротой одежды да затѣйливостью рѣчи, ищущіе только, какъ бы напиться пьянѣе да поживиться получше добычей. Почти страшно было послѣ утонченныхъ, какъ игла, шутокъ Марціала или возвышенныхъ, какъ полетъ коршуна, соображеній Марсиліо Фичино, участвовать мнѣ въ безудержныхъ забавахъ новыхъ сотоварищей, и иногда казалась мнѣ моя жизнь сплошнымъ душащимъ сномъ. Но начальники мои не могли не замѣтить, что я отличаюсь отъ товарищей и знаніями и обхожденіемъ, а такъ какъ я притомъ

хорошо владѣлъ аркебузомъ и не гнушался никакимъ дѣломъ, — то меня всегда отличали и поручали мнѣ должности, болѣе мнѣ подходящія.

Ландскнехтомъ совершилъ я весь трудный походъ въ Италію, когда приходилось въ зимнюю стужу переходить черезъ снѣжныя горы, итти въ бродъ черезъ рѣчки по горло въ водѣ и по цѣлымъ недѣлямъ стоять лагеремъ въ топкой грязи. Тогда же я участвовалъ во взятіи приступомъ, соединенными испанскими и нѣмецкими войсками, вѣчнаго города, 6 мая 27 года. Мнѣ довелось своими глазами видѣть, какъ озвѣрѣвшіе солдаты грабили церкви Рима, совершали насилія въ женскихъ монастыряхъ, ѣздили по улицамъ, надѣвъ митры, на папскихъ мулахъ, бросали въ Тибръ Святыя Дары и мощи Святыхъ, устроили конклавъ и провозгласили папой Мартина Лютера. Послѣ того я около года провелъ въ разныхъ городахъ Италіи, ближе узнавъ жизнь страны, истинно просвѣщенной, остающейся блистающимъ образцомъ для другихъ. Это дало мнѣ возможность ознакомиться съ плѣнительными созданіями итальянскихъ художниковъ, столь опередившихъ нашихъ, кромѣ развѣ неподражаемаго Альбрехта Дюрера, — въ томъ числѣ и съ произведеніями послѣдняго времени: вѣчно оплакиваемаго Рафаэля д'Урбино, достойнаго его соперника Себастьяно дель Пиомбо, молодого, но всеобъемлющаго генія Бенвенуто Челлини, съ которымъ намъ пришлось столкнуться и какъ съ врагомъ, и нѣсколько пренебрегающаго красою формъ, но все-же сильнаго и своебытнаго, Микель-Анджело Буонаротти.

Весною слѣдующаго года лейтенантъ испанскаго отряда, донъ Мигуэль де Гамесъ, приблизилъ меня къ себѣ, какъ медика, ибо я уже нѣсколько освоился съ испанскимъ языкомъ. вмѣстѣ съ дономъ Мигуэлемъ пришлось мнѣ отправиться въ Испанію, куда онъ былъ посланъ съ тайными письмами къ нашему Императору, и эта поѣздка опредѣлила всю мою судьбу. Найдя дворъ въ городѣ Толедо, мы повстрѣчали тамъ и величайшаго изъ нашихъ современниковъ, героя, равнаго Аннибаламъ, Сципіонамъ и другимъ мужамъ древности, — Фердинанда Кортеса, маркиза дель Валье-Оахаки. Пріемъ, устроенный гордому завоевателю царствъ, а так-

же рассказы людей, прибывшихъ изъ страны, увлекательно описанной Америго Веспуччи, убѣдили меня искать счастья въ этой обѣтованной для всѣхъ неудачниковъ землѣ. Я присоединился къ одной дружеской экспедиціи, которую затѣяли нѣмцы, поселившіеся въ Севильѣ, и поплылъ съ легкимъ сердцемъ черезъ Океанъ.

Въ Вестъ-Индіи первоначально поступилъ я на службу къ Королевской Аудиенсіи, но вскорѣ, убѣдившись, сколь недобросовѣстно и неискусно ведетъ она дѣла и какъ несправедливо относится къ дарованіямъ и заслугамъ, предпочелъ исполнять порученія тѣхъ нѣмецкихъ торговыхъ домовъ, которые имѣютъ свои отдѣленія въ Новомъ Свѣтѣ, преимущественно Вельзеровъ, владѣющихъ на Санъ-Доминго мѣдными рудниками, но также и Фуггеровъ, Эллингеровъ, Кромбергеровъ, Тецелей. Я совершилъ четыре похода на Западъ, на Югъ и на Сѣверъ, въ поискахъ за новыми жилами руды, за россыпями драгоценныхъ камней,—аметистовъ и изумрудовъ,—и за мѣстороженіемъ дорогихъ деревьевъ: дважды подъ начальствомъ другихъ лицъ, а дважды лично руковаля отрядомъ. Такимъ образомъ исходилъ я всѣ страны отъ Чпкоры до гавани Тумбесъ, проведя долгіе мѣсяцы среди темнокожихъ язычниковъ, видѣвъ въ туземныхъ бревенчатыхъ столицахъ такія богатства, предъ которыми всѣ сокровища нашей Европы ничто, и нѣсколько разъ избѣжавъ нависавшей гибели почти-что чудомъ. Пришлось мнѣ извѣдать и жестокія душевныя потрясенія, въ любви къ одной индѣйской женщинѣ, подъ темной кожей скрывавшей сердце привязчивое и страстное, но было бы здѣсь неумѣстно рассказывать о томъ подробнѣе. Скажу кратко: какъ тихіе дни, проведенные за книгами съ милымъ Фридрихомъ воспитали мою мысль, такъ тревожные годы странствій закалили на огнѣ испытаній мою волю и дали мнѣ самое драгоценное качество мужчины: вѣру въ себя.

Конечно, ошибочно воображаютъ у насъ, что за Океаномъ золото надо просто, нагибаясь, подбирать на землѣ, но все же, проведя пять лѣтъ въ Америкѣ и Вестъ-Индіи, я, благодаря неуклонному труду, и не безъ поддержки счастья, собралъ достаточ-

няя сбереженія. Тогда-то овладѣла мною мысль поѣхать вновь въ нѣмецкія земли, не съ тѣмъ, чтобы мирно поселиться въ нашемъ, словно дремотномъ, городкѣ, но не безъ суетнаго намѣренія похвалиться своими успѣхами передъ отцомъ, который не могъ не считать меня бездѣльникомъ, его обокравшимъ. Не скрою, впрочемъ, что я испытывалъ и язвительную тоску, которой никогда не ожидалъ, по роднымъ горамъ, гдѣ я, бывало, озлобленный, бродилъ съ самострѣломъ, и что страстно желалъ я увидѣть какъ свою добрую мать, такъ и своего покинутаго друга, ибо еще надѣялся застать его живымъ. Однако, у меня уже тогда было твердое рѣшеніе, посѣтивъ родное селеніе и возстановивъ связи съ семьей, вернуться въ Новую Испанію, которую почитаю своимъ вторымъ отечествомъ.

Ранней весной 34 года отплылъ я на кораблѣ Вельзеровъ изъ гавани Вилла Рика де ла Вера-Крусъ и послѣ бурнаго и труднаго плаванія прибылъ въ богатый Антверпенъ. Нѣсколько недѣль ушло у меня на выполненіе разныхъ принятыхъ на себя порученій, и только въ августѣ мѣсяцѣ могъ я, наконецъ, пуститься въ путь въ Прирейнскую область. Съ этого времени, собственно, и начинается мой разсказъ.

Валерій Брюсовъ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

БЕЗЪ МИРА.

Свободная Совѣсть. Литературно-философскій сборникъ. Книга вторая. М. 1906. Ц. 1 р. 70 к.

Вопросы Религiи. Сборникъ. М. 1906. Ц. 1 р.

Мнѣ думалось сначала написать о двухъ московскихъ сборникахъ, вышедшихъ почти одновременно: „Свободная Совѣсть“ (вып. II) и „Вопросы религiи“. Но я, кажется, напишу только о второмъ. И во второмъ-то многое мнѣ непонятно; самый же смыслъ существованiя перваго, „Свободной Совѣсти“,—его живое лицо, — окончательно отъ меня ускользаетъ. Пришлось бы утверждать, что ни смысла, ни живого лица у этого сборника нѣтъ; а я этого не хочу. Я знаю многихъ участниковъ его, какъ людей талантливыхъ и значительныхъ; если данныя ихъ статьи и не изъ лучшихъ-то —то это еще ничего не значить. Я смысла соединенiя ихъ, въ одной тяжелой книжкѣ подъ одной сѣрой обложкой Свободной Совѣсти—не понимаю,—и лучше не буду никого судить, оставляя это на совѣсти участниковъ. Можетъ быть С. Соловьевъ и А. Бѣлый знаютъ, гдѣ и чѣмъ ихъ произведенiя связаны съ длинной дамской повѣстью о храбрѣмъ генералѣ, любящемъ розы, и его героической дочери, защищавшей крѣпость во время усмиренiя Кавказа и поддерживавшей честь полка; я этой связи не вижу, и лгать не хочу, что вижу. Не вижу въ „сборникѣ“, въ его фактъ—никакого „дѣла“, ничего „общаго“. Оттого и не могу ничего писать.

„Вопросы Религии“... это, прежде всего, дѣйствительно сборникъ, собраніе людей, связанныхъ между собою одной нитью. Если не однимъ пониманіемъ (это мы сейчасъ увидимъ, однимъ ли пониманіемъ они связаны),—то во всякомъ случаѣ однимъ... словомъ. И слово это—христіанство. Въ краткомъ предисловіи сборника сказано, что „отдѣльныя статьи внутренне будутъ объединяться общностью христіанскаго міровоззрѣнія“. И добавлено: „но при этомъ авторамъ предоставляется полная свобода для выраженія индивидуальныхъ мнѣній и даже разногласій по вопросамъ второстепенной важности“. Общность „христіанскаго“—(то-есть одного и очень опредѣленнаго),—міровоззрѣнія (то-есть міропониманія, все-пониманія),—вотъ чѣмъ связаны участники сборника, какъ они думаютъ.

Дѣйствительно, при такой крѣпкой связи, такой все-охватывающей общности, не страшны частныя, личныя разногласія. Но что называютъ участники сборника „вопросами второстепенной важности“? Вопросы о насиліи, объ аскетизмѣ, объ устроеніи общественной жизни, ея идеалѣ и завтрашней практикѣ по пути устремленія къ идеалу,—что это, важные или неважные вопросы? Должны ли они рѣшаться, или хоть ставиться, не разногласно у людей одного и того же міропониманія? Или они столь второстепенны, а кругъ „христіанскаго міропониманія“ такъ узокъ, что вопросы эти естественно рѣшаются индивидуально, каждымъ по-своему, за чертой?

Нѣтъ, конечно, нѣтъ. Авторы сборника „Вопросы религии“—люди глубокіе, талантливые и—это главное!—искренніе. Они искренно убѣждены, что вопросы эти не второстепенны. Они искренно вѣрятъ, что объединены, для рѣшенія вопросовъ, христіанствомъ, и что христіанство есть извѣстное пониманіе міра. Они это говорятъ—и я вѣрю, что они такъ вѣрятъ. Вѣрю въ вѣру—но не въ фактъ. Потому, что еслибъ объединяло ихъ не слово „христіанство“, а одно и то же міропониманіе, одинъ и тотъ же взоръ на жизнь и на міръ, одно и то же его ощущеніе и воспріятіе, — не было бы въ сборникѣ такихъ одинокихъ, одиноко-мучающихся людей, ставящихъ самые важные, самые глубокіе человѣческіе вопросы, и одиноко, различно, по-христіански—но по-своему, только по-своему, ихъ разрѣшающіе.

Книга начинается статьей В. Свенцицкаго „Христіанское отношеніе къ власти и насилію“, а кончается Булгаковымъ: „Церковь и социальный вопросъ“. Весь сборникъ посвященъ отношенію христіанства къ общественности; слишкомъ ясно, что для авторовъ это не второстепенное нѣчто, а самое главное, самое важное; тутъ-то и жаждутъ они единодѣйствія, вѣря въ свое единомысліе. Булгаковъ послѣднее время пишетъ почти исключительно о созиданіи устоевъ для „христіанской общественности“. Онъ вѣритъ въ нее мягко, тре-

петно, оптимистически, нѣжно-любовно; ему кажется, что вотъ-вотъ, еще немного,—и она уже тутъ, уже все есть. Онъ почти правъ, потому что въ своей, очень христіанской, мягкости ему немного и нужно. Церковь христіанская, въ частности православная, истинная во всемъ, и вѣчная,—въ данный моментъ исторіи еще чего-то не поняла, еще держится, внѣшними своими проявленіями, за самодержавіе,—но она пойметъ, вотъ сейчасъ пойметъ, и все будетъ хорошо. И добрые, прогрессивные священники будутъ служить въ храмахъ,—окруженныхъ „внѣшнимъ дворомъ“,—міромъ, „христіанской“ мирной жизнью, государствомъ,—конечно самымъ тоже „христіанскимъ“, на соціальныхъ началахъ. Это будущее христіанское устройство Булгаковъ представляетъ себѣ непремѣнно съ „внѣшнимъ дворомъ“, много разъ настаиваетъ на „внѣшнемъ дворѣ“. Выраженіе онъ взялъ „отъ писаній“: онъ любитъ тексты, особенно изъ апостоловъ, но на этотъ разъ онъ взялъ Апокалипсисъ. И неудачно. Ибо тамъ говорится: „...а внѣшній дворъ храма исключи и не измѣряй его; ибо онъ данъ язычникамъ: они будутъ попираť святыи городъ сорокъ два мѣсяца“.

Въ самомъ дѣлѣ, какая же христіанская общественная жизнь съ „внѣшними дворами“ и внутренними притворами? Но что дѣлать, Булгаковъ истинно-христіански мягокъ. И въ сборникѣ онъ доводитъ послѣдовательно, мягкую ширину свою до полного разьединенія, даже до противоположенія Церкви и Жизни, устраниая въ жизни всякое дѣйствіе, дѣланіе, всякій реальный шагъ. Дѣйствіе заключается лишь въ „религіозномъ пропитываніи“ того положенія, въ которомъ христіанское сознаніе тебя застало. Если ты фабрикантъ, если ты чиновникъ, если ты офицеръ, прими это безъ протеста, не ломай;—„оставайся въ томъ званіи, въ какомъ призванъ“, приводитъ Булгаковъ цитату изъ посланія и добавляетъ: только пропитывай дѣло свое христіанскимъ духомъ. Дальше въ терпимости, кажется, нельзя итти. Самъ авторъ оговаривается: „Въ такомъ отношеніи иные усмотрятъ „оппортунизмъ и приспособляемость“... Онъ хочетъ отклонить отъ себя это обвиненіе, не измѣняя, однако, высказанному. О, конечно, это не „оппортунизмъ“, не „лѣнивое, холодное, боязливое“ отношеніе къ дѣлу. Это только искренній, свой, взглядъ на міръ, и сообразно своему темпераменту принятое слово „христіанство“. Это нисколько не мѣшаетъ Булгакову искренно (лично и уединенно), вѣрить во Христа. Въ этомъ смыслѣ Булгаковъ, несомнѣнно, былъ и остается христіаниномъ.

А вотъ другой, такъ же искренно, можетъ быть болѣе пламенно вѣрующій во Христа—Свенцицкій. Какъ же онъ, идя изъ своего міропониманія, освѣщаетъ эти не второстепенные, а самые перво-степенные вопросы? Если у Булгакова—христіанская мягкость, нѣж-

ность и терпимость—у Свенцицкаго христіанская суровость, безпощадность, рѣзкость, часто похожая на жестокость. Тихихъ мечтаній Булгакова онъ, вѣроятно, и не слышитъ. За словами его такъ и чудится строгій коричневый ликъ со скатыми бровями, съ тяжкимъ золотымъ нимбомъ, мерцающимъ въ лампадныхъ лучахъ. „Кто не отрѣшится отъ этого, и отъ того, и еще отъ этого... тотъ недостойнъ Его“, — вотъ что говоритъ все время Свенцицкій. И говоритъ такъ, что мягкіе, нѣжные христіане, вроде Булгакова, непременно должны пугаться и трепетать,—когда онъ говоритъ. Пока говоритъ. Онъ для нихъ не убѣдительнъ, но — внушительнъ. Хотя по своему онъ правъ не больше, а ровно столько же, такъ же, какъ и они. Онъ въ той же мѣрѣ, такой же дѣйствительный „христіанинъ“.

Въ статьѣ своей Свенцицкій, доказавъ какъ-то психо-философически, малоубѣдительно, но сложно, что насиліе и убійство—двѣ вещи совершенно разныя, что можно, признавая насиліе (надъ плотью это замѣтьте!), не признавать убійства, какъ онъ и дѣлаетъ, — кончаетъ совсѣмъ не по-Булгаковски, и даже наоборотъ: „Да, христіане могутъ и должны прибѣгать къ насилію въ отношеніи невѣрующихъ (понимая это слово въ нашемъ смыслѣ *). Насиліе христіанъ должно быть направлено не на насильственный приводъ ко Христу, а на ограниченіе той похоти, которая растлѣваетъ челоувѣчество. А потому христіане могутъ и должны бороться съ экономическимъ гнетомъ насильственными (курсе. подлинника) приемами, забастовками и т. д.“ ...„во имя Христова, во имя изгнанія изъ тѣла челоувѣческаго развращающихъ его силъ“ ...„и когда Церковь отдѣлится отъ государства, она должна будетъ начать съ невѣрующими борьбу противъ существующаго капиталистическаго строя“.

Таково заключеніе статьи. Раньше (стр. 17) Свенцицкій, подчеркивая, выразилъ очень вѣрную мысль: „Никакое христіанское государство немыслимо“. Онъ думаетъ, что еслибы весь міръ сдѣлался „христіанскимъ“, то не было бы вовсе государства, а была бы одна Церковь. Пока же—Церковь должна бороться съ „вишними“ насильственными мѣрами. Да, ужъ тутъ не до того, чтобы всякій фабрикантъ, какъ и рабочій, оставались мирно тѣмъ, что они едятъ, исподволь пропитывая свою жизнь христіанскимъ духомъ! Не до ожиданія близкаго пришествія добрыхъ, сознательныхъ священниковъ! Напротивъ, Свенцицкій называетъ „церковное либеральничанье“—„полуистинной“ и сурово его осуждаетъ.

Хорошо, такъ что же все-таки дѣлать и какъ мыслить христіа-

* Т.-е. не то, что некрещенные, а только не такіе «христіане», какъ Свенцицкій, не такіе же точно.

пину? По Булгакову или по Свенцицкому? Они оба претендуют на христіанское міровозрѣнїе. Мало того, они оба почему то считаютъ, что они въ одной и той-же христіанской Церкви, и даже именно православной. Какое же міропониманье у Церкви? Булгакова или Свенцицкаго? Съ кѣмъ же она? Или гдѣ она? Впрочемъ, къ Церкви мы вернемся, а пока взглянемъ добросовѣстно внутрь сборника, нѣтъ ли все-таки у Булгакова единомышленника; нѣтъ ли хоть двухъ, если не трехъ, съ одинаковымъ „міро-пониманьемъ“.

Вотъ методистъ Эрнъ. Это очень умный человѣкъ; не писатель; несомнѣнно тоже вѣрующій. Онъ скромно озаглавилъ свою статью „о приходѣ“—но пишетъ явно о христіанской общинѣ, какъ обособленной единицѣ, подробно развиваетъ ея экономическое положеніе, требуя все время „общенія имуществъ“,—земли, орудій производствъ и т. д. Онъ опирается всею тяжестью, со многими ссылками и текстами, на первые вѣка христіанства, на первые общины апостольскія. Со 132 страницы перевернемъ листы до 314. Булгаковъ пишетъ: „Мы отрицаемъ въ самой идеѣ церковно-хозяйственные общины, которыхъ мы не знаемъ и въ первые вѣка христіанства, и такъ учить объ этомъ и ап. Павелъ, требовавшій, чтобы каждый оставался въ томъ званіи, въ которомъ призванъ (1 Кор. VII. 2), рабовъ оставлявшій попрежнему рабами, а господъ господами“... и т. д. Выписывать дальѣ не стоить, дальѣ идетъ уже столько же противъ Эрна, какъ и противъ Свенцицкаго съ его насильственной борьбой.

Но у Эрна есть въ сборникѣ и еще противникъ. Еще одинъ вѣрующій христіанинъ, еще одинъ, изъ „объединенныхъ тѣмъ же міровозрѣньемъ“. Это Волжскій. О, не методистъ-Эрнъ, не мягкій христіанинъ Булгаковъ, и не Саванаролла-Свенцицкій—это пламенный и слабый мистикъ, мятущійся и беспомощный, любящій и отвергающій, жаждущій и сомнѣвающійся, спасенный и погибающій. Литературу, слова, какъ плоть ея,—онъ чувствуетъ больше всѣхъ другихъ, и съ трогательной горечью рвется къ ней. Если сказать, что онъ не вѣритъ во Христа, онъ не „христіанинъ“ въ этомъ смыслѣ, — то кто-жъ вѣритъ? Въ то время, какъ Свенцицкій зоветъ вѣрующихъ къ насилію надъ невѣрующими, Булгаковъ, какъ тактику, прописываетъ „пропитываніе“, и какъ идеаль рисуетъ себѣ храмы и „внѣшніе дворы“, Эрнъ обсуждаетъ устройство общинъ, отрицаемыхъ въ принципѣ Булгаковымъ, и неизмѣнно подкрѣпляетъ свои доводы ссылками на первые вѣка: „И такъ было въ Церкви Апостольской, но такъ должно быть и въ Возрожденной Церкви“ (стр. 124). „Такъ и было въ Церкви Апостольской“ (стр. 134), — пока все это происходитъ,—Волжскій съ надеждой отчаянія протягиваетъ руки къ Соловьевскому и даже, можетъ быть, за-Соловьевскому идеалу „религіознаго цѣлаго свободной теократіи“, и тутъ же, не замѣтивъ,

опрокидываетъ Эрна со всѣми его опорами... „Христіанское дѣйствование,—говоритъ Волжскій,—не можетъ быть возвращеніемъ къ опыту первыхъ христіанъ; религіозный опытъ—въ исторіи, а исторія не возвращается. Религіозно-христіанское дѣланіе, „христіанская политика“ не можетъ быть повтореніемъ дѣла первыхъ христіанъ еще и потому, что оно уже сдѣлано, новое должно претворить его въ себя вмѣстѣ съ претвореніемъ вѣковой культуры, и осложнено живымъ предвкушеніемъ, только еще чаемаго, обѣтованнаго...“ Кончаетъ Волжскій „трагизмомъ противорѣчій“, и говоритъ, что трагизмъ, „внутренно принятый“,—„глубочайшій трагизмъ христіанства въ жизни — трагизмъ аскетизма по преимуществу“. „Только здѣсь, только въ аскетическомъ трагизмѣ возможенъ подъемъ“ надъ правдой жизни къ совершенству правды Христовой.

Это куда темнѣе, чѣмъ приходы Эрна, забастовки Свенцицкаго, благодушная святая нѣжность Булгакова, но вѣдь это тоже „христіанское міровоззрѣніе“, и оно опять совершенно иное, даже исключющее всѣ другія изъ данныхъ, совершенно такъ же, какъ и оно исключается любымъ; хоть Эрновскимъ, хоть Булгаковскимъ. Страннѣе же всего, что и Волжскій тоже считаетъ свое аскетическое христіанское міровоззрѣніе единственнымъ „истинно-христіанскимъ“, ибо присущимъ сердцу единой истинной христіанской Церкви, и опять той-же,—православной. Господи, да что-же тутъ происходитъ? Неужели одиночество этихъ людей такое послѣднее, такое страшное, что они даже не видятъ въ лицо того, кто стоитъ рядомъ, никто никого не слышитъ? Или слышатъ лишь звукъ одного произносимаго всѣми слова — „христіанство“, иногда еще „Церковь?“ И вотъ они, для религіознаго соглашенія, довольствуются лишь общимъ словомъ: а то согласіе, которое ими безсознательно ощущается и которое и свело ихъ вмѣстѣ—совершенно простое, чисто-человѣческое, совершенно внѣ-религіозное согласіе: единодушный протестъ русскихъ интеллигентовъ противъ устарѣвшихъ, непереносимыхъ болѣе, формъ русской государственной общественности. Тутъ они и согласны, а далѣе,—при вопросѣ во имя чего протестъ,—начинается и у нихъ, какъ во всякихъ обыкновенныхъ кружкахъ и соединеніяхъ,—разногласія личностей: одинъ склоненъ больше къ перманентной революціи, другой къ постепеннымъ реформамъ, третій... еще къ чему-нибудь, и такъ до безконечности.

Держась ихъ точки зрѣнія, принявъ ихъ взглядъ на Церковь, какъ на носительницу истины и единого истиннаго міропониманія, нельзя, невозможно признать, что всѣ христіане сборника „Вопросы Религіи“ къ ней принадлежатъ. Принадлежитъ только который-нибудь одинъ. Они не могли бы сами съ этимъ не согласиться, если бы

захотѣли выслушать другъ друга. Не измѣнивъ своей точки зрѣнія, они не имѣютъ никакого ни внѣшняго, ни внутренняго права, и ни малѣйшихъ основаній считать себя сынами какой бы то ни было одной матери.

Но это основаніе имѣю я.

И я, дѣйствительно, смотрю на нихъ, какъ на соединенныхъ и религиозно, соединенныхъ „христіански“,—въ той единственной точкѣ, въ которой только и возможно „христіанское“ соединеніе: въ вѣрѣ каждаго въ Личность Христа. Понимая христіанизмъ такимъ образомъ, можно допустить, что они—сыны одной и той же, не православной непремѣнно, а всякой „Церкви“, исповѣдующей вѣру во Христа. Если, конечно, соединеніе людей въ одной этой точкѣ, въ личной вѣрѣ въ Единую Личность Христа, соединеніе, еще не обусловливающее общаго отношенія къ міру, еще не дающее никакого на міръ и человѣчество опредѣленнаго взора—можетъ быть названо Церковью.

Да, всякому изъ христіанъ, о которыхъ мы говоримъ, дорогъ Христосъ—дорога и міровая человѣческая исторія. Они хотятъ соединить Христа съ исторіей міра, оправдать исторію передъ Христомъ. Но это съ ихъ христіанствомъ невозможно. Они хотятъ „возродить“ христіанство, „возставить“ христіанскую церковь. Ужъ если надо „возрождать“ и „возоставлять“,—значитъ, признаютъ и они, что „христіанство“ умираетъ, падаетъ. Въ исторіи, значитъ, пошло что-то не то, не туда, и давно уже. Такъ давно началось это „паденіе“ христіанской церкви, и такъ это общеизвѣстно, что въ любомъ учебникѣ можно прочесть спокойную фразу: „когда же вскорѣ благодатные дары церкви прекратились“...Прекратились! До соборовъ, чуть ли не во времена апостоловъ—прекратились! Что же, все человѣчество такъ „развратилось“, что смело истину, шутя побѣдило ее, и вѣра въ сердцахъ оскудѣла, и праведниковъ не стало? Нѣтъ, отнюдь нѣтъ. И вѣра не оскудѣла, и праведники были и есть. Только „Церковь“ и оскудѣла, собраніе, соборность вѣрующихъ—а вѣрующіе живы и цѣлы. Если не предаваться досужимъ мечтамъ о чудесномъ „возрожденіи“ церкви,—то человѣку, упорно вѣрующему въ „христіанство“, остается проклясть весь историческій путь человѣчества чуть не со второго вѣка и затѣмъ, отойдя, погибать вмѣстѣ съ какой-нибудь „церковью“ изъ погибающихъ: католической, православной—безразлично.

А между тѣмъ (неужели такъ трудно это увидѣть) вѣдь намъ дано, не умаляя истины Христа, не снимая ни единой черты отъ вѣры въ Его Божественную Личность, и даже именно изъ этой вѣры исходя—не только оправдать исторію, но признать, что иною она и не могла быть. Почему не хотимъ мы взглянуть правдѣ въ глаза?

Почему не хотимъ мы сказать себѣ разъ навсегда: не „не удалось“ христіанство, но христіанства общаго, общественнаго, всечеловѣческаго, церковнаго въ высшемъ смыслѣ,—не было, не могло и не можетъ быть, потому что христіанство не церковно? Я не знаю, я не могу постичь,—что отнять у христіанина, то-есть у человѣка съ личной, искренней вѣрой во Христа,—у Булгакова, у Свенцицкаго, у Волжскаго,—признаніе, что „христіанство“ и есть именно полная, личная вѣра въ одну Божественную Личность? Если мы скажемъ, что Христось открылъ намъ только эту необходимѣйшую „правду о личности“, „правду о человѣкѣ“, которая не есть еще соединеніе отдѣльныхъ людей, познающихъ лишь себя и Единаго, въ одно новое тѣло, если мы скажемъ, что Христось—только Путь къ такому соединенію всѣхъ—умалить ли это Христа? Христіанство не церковно, но оно—путь къ церкви, путь самоуглубленія въ одинокой еще, личной, вѣрѣ,—и этому пути человѣческая исторія не измѣнила. Она вѣрно послужила Христу, вѣрно и неприкосновенно пронеся Его истину сквозь двадцать вѣковъ, углубляя ее, воплощая ее въ каждой отдѣльной вѣрующей душѣ. Церковь Христовой, только Христовой, начинающейся Христомъ и заключающейся Имъ Однимъ—быть не можетъ, потому что Христось только тамъ, гдѣ Отець и Духъ, гдѣ полнота; истинная Церковь и есть полнота. Почему, если мы на мертво воспринимаемый догматъ о Троицѣ, взглянемъ живо, реально, если скажемъ, что церковь, соединеніе отдѣльно-вѣрующихъ, подлечитъ воплощенію лишь въ пришествіи Духа, котораго пошлетъ Сынъ, и который „будущее возвѣститъ намъ“; почему, если мы возьмемъ Христа лишь какъ истину, жизнь и путь къ церкви—мы умалимъ Христа?

И пусть не возражаютъ мнѣ, что въ христіанской церкви—не мертвый догматъ о Троицѣ, а сама Троица. Достаточно капли трезвости, капли искренности, чтобы признать, что во всѣхъ христіанскихъ церквахъ всегда былъ и понынѣ живъ только одинъ Христось, объ Отцѣ же и Духѣ лишь упоминается. Весь трепеть, вся молитва, все сердце каждаго вѣрующаго были отданы только Христу. И это благо. Если же не такъ, если права „церковь“ существующая, утверждая себя истинной Церковью всечеловѣчества, ибо уже во времена апостольскія сошелъ на нее Духъ, излилась благодать, то не въ этомъ ли утвержденіи послѣдняя гибель христіанства и Христа, побѣда надъ ними исторіи? Потому что если въ тѣ времена уже исполнилось обѣтованіе „о будущемъ“, уже излилась вся благодать,—то вѣдь она и изсякла. „Прекратились въ церкви благодатные дары“. Чего же и откуда ожидаемъ мы еще, если все уже было—и перешло? Тогда конецъ, тогда воистину „тщета и вѣра ваша“ въ живого Христа, нынѣшніе хри-

стіане! Но не тщетна вѣра, ибо не церковно ученіе „церкви“ о Духѣ. Былъ путь, было воздыханье, чаянье и надежда въ каждой отдѣльной вѣрующей душѣ,—а исполненья не было еще. Былъ только залогъ его: одинокая крѣпкая вѣра,—живая—въ Одного Христа.

Но съ однимъ Христомъ, взявъ Его за единственную и е д в и ж н у ю точку,—мы еще не имѣемъ ни міра (космоса), ни человечества. Мы принуждены смотрѣть на нихъ, относиться къ нимъ внѣ круга нашей вѣры, внѣрелигіозно. На личной вѣрѣ во Христа еще нельзя построить никакого міровоззрѣнья, тѣмъ болѣе общаго. Обманывать себя можно, но ничего изъ этого не выходитъ, какъ мы только что видѣли. Стараться „возродить“ христіанскую, въ частности православную, „церковь“—можетъ быть и можно, но для этого уже слѣдуетъ сойти въ ея послѣднія глубины, въ ея истинное сердце—въ подвижничество, въ схимничество,—съ откровенностью отвернувшись отъ міра, презрѣвъ времена и путь, намъ во времени данный и во времени пройденный. Возвратиться къ уединенному совмѣстному житью углубляющихъ свою личную вѣру праведниковъ. Снова, самимъ, начинать оконченное, дѣлать сдѣланное,—и сдѣланное такъ велико, такъ прекрасно! Неужели не послужило оно намъ, неужели оказалось намъ не нужнымъ, точно и вовсе его не было? Отрицай и э т у исторію—„какъ бы не оказаться намъ богопротивниками?“

Я не могу вѣрить, однако, чтобы порывъ людей, вѣрующихъ во Христа, къ созданію „религіозной общественности“, такъ и разлился бесплодно въ бесплодныхъ попыткахъ найти общественность „христіанскую“. Самая жажда „Церкви“,—общности, соединенности людей не безъ Христа, а со Христомъ,—эта жажда есть уже показатель путей и времени.

Только надо, идя, смотрѣть не назадъ,—а впередъ.

3. Гиппюсъ.

НОВОЕ О ДЕКАБРИСТАХЪ

НѢКОТОРЫЕ ИТОГИ ЗА 1906 Г.

Долгое время русская легальная печать была лишена возможности говорить всю правду о декабрьскихъ событіяхъ 1825 года; долгое время цѣнные и важные матеріалы лежали за семью печатями въ казенныхъ учрежденіяхъ, недоступные ученымъ изслѣдователямъ. Лишь въ самое послѣднее время стала возможна работа надъ „Слѣдственнымъ дѣломъ о декабристахъ“, хранящемся въ Государственномъ Архивѣ М. П. Дѣль. Только теперь стали знакомиться широкіе слои русской читающей публики съ завѣтными мыслями и планами „рыцарей 14 декабря“ по ихъ многочисленнымъ запискамъ и мемуарамъ. Истекающій годъ ознаменованъ появленіемъ обширной и богатой литературы декабристовъ и о декабристахъ.

Къ сожалѣнію, до сихъ поръ не предпринято изданіе всего „Слѣдственнаго дѣла“; между тѣмъ это дѣло является главнымъ и наиболѣе важнымъ источникомъ при изученіи декабрьскихъ событій. Кромѣ высоко-интересныхъ показаній, здѣсь сгруппированы записки, воспоминанія, планы преобразованій, проекты конституцій, воззванія, письма и т. д.; и этотъ матеріалъ имѣетъ, несомнѣнно, большую цѣнность, чѣмъ записки, написанныя отдѣльными декабристами „post factum“ въ Сибири.

Во второй половинѣ этого года вышли два изданія, основанныя на слѣдственномъ дѣлѣ и приводяція изъ него рядъ чрезвычайно любопытныхъ документовъ. Проф. Довнаръ-Запольскій подѣ узкимъ и не совсѣмъ правильнымъ заглавіемъ — „Мемуары декабристовъ“ (Кіевъ. 1906. Вып. I.) опубликовалъ весьма цѣнный матеріалъ. Здѣсь прежде всего обращаютъ вниманіе записки кн. С. П. Трубецкого (болѣе интересныя, чѣмъ его позднѣйшія), проектъ манифеста, найденный въ бумагахъ Трубецкого, проектъ конституціи, найденный въ бумагахъ его-же и имѣющій сходство съ конституціей Никиты Муравьева; сама конституція Никиты Муравьева приведена въ другомъ спискѣ, чѣмъ опубликованная В. Е. Якушкинымъ (въ книгѣ послѣдняго „Государственная власть и проекты государственной реформы въ Россіи“). Большое покаянное письмо полковника Булатова къ великому князю Михаилу Павловичу и показанія Поджіо знакомятъ насъ съ душевными переживаніями декабрьскихъ дѣяте-

лей въ плѣну. Для исторіи тайныхъ обществъ 20-хъ годовъ представляютъ интересъ показанія о тайномъ обществѣ извѣстнаго генерала М. Ѳ. Орлова и записка полковника Комарова о тульчинскомъ отдѣлѣ Союза Благоденствія.

Другое изданіе — „Изъ писемъ и показаній декабристовъ“ построено нѣсколько иначе. Редакторъ—проф. Бороздинъ, задался цѣлью извлечь изъ слѣдственнаго дѣла тѣ матеріалы, которые рисуютъ отношенія декабристовъ къ современному имъ строю Россіи и ихъ планы преобразованія. Умѣло подобранные и въ большинствѣ ранѣе не опубликованные документы представляютъ большой интересъ. Отмѣтимъ особенно любопытнѣйшія письма А. Бестужева, Каховскаго и Якубовича къ Николаю I; весьма цѣнны показанія Рылѣева, воззваніе и катехизисъ Муравьева-Апостола и извлеченія изъ бумагъ гр. Мамонова.

Въ новомъ историческомъ журналѣ „Былое“, который отводитъ весьма видное мѣсто декабристамъ, опубликованы Н. П. Павловымъ-Сильванскимъ высоко-интересныя показанія „республиканца“ Пестеля („Пестель передъ Верховнымъ Уголовнымъ судомъ“—„Былое“ №№ 2—5). П. Е. Щеголевъ издалъ знаменитую „Русскую Правду“ Пестеля; но, къ сожалѣнію, въ основу положенъ списокъ, сдѣланный Дубровинымъ и грѣшащій неточностями (см. солидныя замѣчанія сдѣланныя В. И. Семевакимъ въ рецензіи, помѣщенной въ майской книгѣ журнала „Былое“).

Въ русскомъ изданіи вышли обширныя „Записки Д. И. Завалишина“, изданныя ранѣе въ Мюнхенѣ. Эти записки представляютъ извѣстный интересъ, но требуютъ къ себѣ очень осторожнаго и критическаго отношенія (рядъ справедливыхъ замѣчаній по этому поводу дѣлаетъ г. Богучарскій въ „Выломѣ“, январь). Журналъ „Всемирный Вѣстникъ“ напечаталъ въ видѣ приложенія и затѣмъ выпустилъ отдѣльно „Записки кн. С. П. Трубецкаго“; изданіе—буквальная перепечатка (со всеми ошибками и опечатками) съ лейпцигскаго изданія Каспровича. Въ противоположность этому изданію пріятно отмѣтить недавно появившіяся „Записки декабриста А. Е. Розена“; изданіе подъ редакціей П. Е. Щеголева выполнено вполне научно и тщательно.

Вторымъ изданіемъ въ Берлинѣ вышли довольно цѣнныя матеріалы, собранные проф. Шиманомъ (Schiemann — Zur Geschichte der Regierung Pauls I und Nikolaus I).

Г. Ѳоминъ предпринялъ дорогое и неполное изданіе „Собранія стихотвореній декабристовъ“ (вышло два выпуска). Недавно появился первый выпускъ „Библіотеки декабристовъ“ подъ ред. Г. Балицкаго, заключающій въ себѣ первую часть сочиненій Рылѣева.

Переходя теперь къ литературѣ о декабристахъ, мы, прежде

всего, должны отмѣтить попытку дать на основаніи „Слѣдственнаго Дѣла“ и другихъ матеріаловъ общій очеркъ исторіи декабристовъ. Такую цѣль поставилъ себѣ проф. Довнаръ-Запольскій, выпустившій двѣ первыя части задуманнаго труда (третья часть, посвященная самой революціи, появится въ ближайшемъ будущемъ). Въ первой части—„Идеалы декабристовъ“—авторъ очень обстоятельно знакомитъ насъ съ идеологіей декабристовъ, съ ихъ планами государственнаго преобразованія, съ ихъ критикой существующаго строя; въ началѣ дана общая характеристика періода реакціи второй половины царствованія Александра I. Вторая вышедшая книга—„Тайное общество декабристовъ“—даетъ очень подробный и полный очеркъ исторіи тайныхъ обществъ, ихъ организаци и дѣятельности; при этомъ особое вниманіе удѣлено вождямъ южнаго и сѣвернаго общества—Пестелю и Рылѣву.

Литературной дѣятельности декабристовъ посвященъ цѣлый рядъ статей г. Н. Котляревскаго въ „Русскомъ Богатствѣ“ (въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ); въ нынѣшнемъ году вышелъ первый томъ этихъ статей, посвященный кн. Одоевскому и Бестужеву-Марлинскому. Статьи написаны весьма добросовѣстно, но мало даютъ новаго.

Въ журналѣ „Былое“, о которомъ намъ часто приходится вести рѣчь, помѣщена прекрасная статья В. И. Семевскаго—„Вопросъ о преобразованіи государственнаго строя въ Россіи въ XVIII и въ первой четверти XIX вѣка“, удѣляющая большое мѣсто конституціоннымъ проектамъ декабристовъ. Въ томъ-же журналѣ помѣщены превосходный этюдъ г. Щеголева о Каховскомъ, „Николай I — тюремщикъ декабристовъ“ — его-же, „Семья декабристовъ“ г. Гершензона и др.

По „иконографіи“ декабристовъ надо указать на дорогое, но не вполне отвѣчающее своей высокой цѣнѣ, изданіе Зензинова „86 портретовъ“. Помѣщенные портреты представляютъ большой интересъ, но не всѣ они удачно исполнены. Изданію предпослано введеніе, написанное г. Мякотиннымъ. Къ портретамъ приложены сухіе и безцвѣтные біографическіе очерки, составленные г. Головачевымъ.

Подъ многообъщающимъ названіемъ „Жены декабристовъ“ В. И. Покровскій выпустилъ нѣчто въ родѣ хрестомати, составленной изъ цѣлага ряда отрывковъ, неискусно подобранныхъ и неумѣло склеенныхъ. Статьи, представленныя въ этой книгѣ, неравнобѣрнаго достоинства; и, въ общемъ, это элементарное изданіе производитъ отрицательное впечатлѣніе.

Изъ ряда брошюръ, трактующихъ о декабристахъ (гг. В. Якушкина, К. Левина и др.), слѣдуетъ отмѣтить небольшую рѣчь Г. В. Плеханова, „14 декабря 1825 г.“.

✓ К. Бальмонтъ. Злые Чары. Книга заклятій. Обложка Е. Лансере. Изд. „Золотого Руна“. М. 1906. Ц. 1 р. 50 к.—Иванъ Вуничъ. Стихотворенія 1903—1906 г. Изд. т-ва „Знаніе“. Спб. 1906. Ц. 1 р.—Иванъ Рукавишниковъ. Стихотворенія. Книга IV. Изд. „Содружества“. Спб. 1906. Ц. 1 р. 50 к.—Л. Вилькина-Минская. Мой Садъ. Сонеты и рассказы. Обложка Вас. Миліоти. К-во „Грифъ“. М. 1906 г. Ц. 1 р.—А. Ѳедоровъ. Сонеты. Издательство „Шиповникъ“. Спб. 1906. Ц. 40 к.

Въ теченіе десятилѣтія К. Бальмонтъ нераздѣльно царилъ надъ русской поэзіей. Другіе поэты или покорно слѣдовали за нимъ, или съ большими усиліями отстаивали свою самостоятельность отъ его подавляющаго вліянія. Но расцвѣтъ творчества Бальмонта уже въ прошломъ. Высшей точкой, которой достигъ онъ въ своемъ побѣдномъ шествіи, были „Горячія Зданія“. Это—вершины, уходяція въ ясную лазурь, это—льдистые вѣнцы, горячіе золотомъ на разсвѣтѣ и пламенемъ предъ закатомъ. За ними раскинулось высокое и гордое плоскогоріе, съ широкими кругозорами и свѣжительнымъ разрѣженнымъ воздухомъ, залитое чистымъ неумолимымъ свѣтомъ:—книга „Будемъ какъ Солнце“. Со слѣдующаго сборника, „Только Любовь“ начинается уже спускъ внизъ, становящійся болѣе крутымъ въ „Литургіи Красоты“ и почти обрывистый въ „Злыхъ Чарахъ“. На пути только маленькая площадка, поросшая благоухающими горными цвѣтами, „Фейныя сказки“, радуешь, успокаиваетъ и обнадеживаетъ. Хочется вѣрить, что Бальмонту, какъ соловью, какъ нашему Фету, суждено пѣть только по „зарямъ“,—на утренней зарѣ и на вечерней. Утреннія пѣсни Бальмонта мы слышали,—намъ предстоитъ услышать вечернія,—не самыя ли плѣнительныя, не самыя ли чудесныя изъ его пѣсенъ? Но откроется ли ему за низиной, къ которой онъ близится теперь, новый всходъ, къ инымъ, еще выше вознесеннымъ вершинамъ?

Основной недостатокъ „Злыхъ Чаръ“—отсутствіе свѣжести вдохновенія. Бальмонтъ повторяетъ самъ себя, свои образы, свои раз-

мѣры, свои приемы, свои мысли. Въ новой книгѣ, то, какъ великое откровеніе, съ особымъ удареніемъ, возвѣщаются истины, которыя раньше проповѣдывались въ „Горящихъ Зданіяхъ“, то опять звучитъ нѣжная мелодія изъ давней, любимой нами „Типины“, то киваетъ знакомый, милый образъ изъ „Будемъ какъ Солнце“. Рядомъ съ этимъ недостаткомъ, съ которымъ все же мириться, потому что любимое и желанное не утомляетъ, стоятъ другіе, гораздо болѣе значительные. Со времени своего перевода Шелли, Бальмонтъ привыкъ обращаться со словомъ небрежно. Онъ нерѣдко разставлялъ теперь слова въ стихѣ не по внутреннему ихъ значенію, а по вѣшнему принужденію размѣра (см., напр., стихотвореніе „Міровыя Розы“ и многія другія). Онъ ставитъ ненужныя частицы для заполнения стиха (напр., „Рытвины, вотъ (?), примѣчай“, стр. 34, или: „Чу, шорохъ. Вотъ (?). Безглазый взгляды“, стр. 45). Онъ насилуетъ смыслъ ради приемы (напр., „Горитъ тотъ камень-чудо, что лучше изумруда“, стр. 91,—почему именно „изумруда“?); онъ нарушаетъ стиль стихотворенія, допуская въ него совершенно не идущія къ мѣсту выраженія (напр., „вольготный“, стр. 46, „перуны“, стр. 58, и др.) и т. д. и т. д. Совершенно неудачны почти всѣ попытки Бальмонта поддѣлаться подъ складъ русской народной поэзіи, всѣ его „заговоры“, „ворожбы“, „сказанія“. Русской стихіи въ его душѣ нѣтъ, и ея не замѣняютъ трафаретныя словечки: „Солнце красно“, „море-Океанъ“, „чисто-поле“ и т. под. Въ этихъ стихотвореніяхъ хороши только тѣ стихи, которые Бальмонтъ щедрою рукою (не слишкомъ ли щедрою?) позаимствовалъ цѣликомъ изъ подлинныхъ народныхъ пѣсень. Есть, наконецъ, въ книгѣ цѣлыя пьесы, до такой степени поэтически-бессодержательныя, вялыя по изложенію и безцвѣтныя по стиху, что почти непонятно, какъ поэтъ могъ включить ихъ въ свою книгу. Таковы особенно „Подмѣнышь“, „Притча о Великанѣ“, „Червь сняго озера“, „Лихо“.

... И я ударила ножомъ.

И вдругъ—

Не тѣло предо мной, мякина,

Солома, и въ соломѣ кровь,

Да (!), въ каждомъ стеблѣ кровь и тина (?).

И вотъ я на пруду. Трясина.

И въ домѣ я опять.

„Неужели это стихи? Можно сомнѣваться“,—какъ писалъ когда-то на страницахъ „Вѣсовъ“ самъ К. Бальмонтъ.

Однако, нѣсколько стихотвореній въ „Злыхъ Чарахъ“ доказываютъ, что „пѣвучая сила“, которой однажды похвально Бальмонтъ, не изсякла въ немъ окончательно. „Талисманы“, „Смѣна чаръ“,

„Сѣверное взморье“, „Міровое древо“, „Тѣсный гробъ“, „Отсвѣты“, „Заря-заряница“ и нѣкоторыя отдѣльныя строфы достойны быть подписаны именемъ Бальмонта. Мы, повидимому, переживаемъ не закатъ его дарованія, а только ущербъ. И книга, въ которой есть прекрасныя страницы, западающія въ душу, должна быть признана желанной книгой.

Ив. Бунинъ во многомъ противоположенъ Бальмонту. Насколько Бальмонтъ, въ своей поэзіи, „стихійно-разрѣшенный“, настолько Бунинъ—строгъ, сосредоточенъ, вдумчивъ. У Бальмонта почти все—порывъ, вдохновеніе, удача. Бунинъ беретъ мастерствомъ, работой, сознательностью. По духу Бунинъ ближе всего къ французскимъ парнасцамъ, чуждымъ жизни и преданнымъ своему искусству. Поэзія Бунина холодна, почти безстрастна, но не лучше ли строгій холодъ, чѣмъ притворная страстность? Бунинъ понялъ особенности своего дарованія, его ограниченность, и, какъ кажется, предпочитаетъ быть господиномъ у себя, чѣмъ терпѣть неудачи въ чужихъ областяхъ. Мы, по крайней мѣрѣ, ставимъ въ особую честь Бунину (особенно принимая во вниманіе ту литературную группу, къ которой онъ примыкаетъ), что въ переживаемые нами годы онъ не сталъ насиловать своей поэзіи, не погнался за дешевыми лаврами политическаго пѣвца, а продолжалъ спокойно итти своимъ путемъ.

Въ новой книгѣ Бунина только точнѣе и опредѣленнѣе выразились тѣ же свойства его поэзіи, которые означались и въ болѣе раннихъ сборникахъ. Лучшія изъ стихотвореній 1903—1906 г., какъ и прежде,—картины природы: неба, земли, воды, лѣса, звѣриной жизни. Въ Бунинѣ есть зоркая вдумчивость и мечтательная наблюдательность. Такія пьесы какъ „Съ обрыва“, „На дачѣ“, „На ущербѣ“ принадлежатъ къ безупречнымъ созданіямъ искусства. Стихотворенія, гдѣ появляются люди, уже слабѣе. Зоркость поэта здѣсь ослабѣваетъ, и взоръ его подмѣчаетъ только болѣе грубыя, болѣе знакомыя черты. Совѣзмъ слабы всѣ стихи, гдѣ Бунинъ порой хочетъ морализировать или, еще того хуже, философствовать. Онъ падаетъ при этомъ до истертыхъ трафаретовъ:

О да, не время убѣгаетъ,
Уходитъ жизньъ, бѣжить какъ сонъ.

или:

О да, не Богъ насъ создалъ. Это мы
Боговъ творили рабскимъ сердцемъ.

Стихъ Бунина, въ лучшихъ вещахъ, отличается чистотой и ясностью чеканки. Но, если можно такъ выразиться, это—ветхозавѣтный!

стихъ. Вся метрическая жизнь русскаго стиха послѣдняго десятилѣтїя (нововведенїя К. Бальмонта, открытїя А. Бѣлаго, исканїя А. Блока) прошла мимо Бунина. Его стихи (по ихъ метру) могли бы быть написаны въ 70-хъ и 80-хъ годахъ. Въ своихъ неудачныхъ стихотворенїяхъ Бунинъ, срываясь въ мучительные прозаизмы, начинаетъ писать какіе-то „пустыя“ строки, заполненные незначущими словами и частицами (напр., восклицанїе „о да!“ мы встрѣчаемъ на стр. 114, 115, 137, 139). Въ общемъ его стихи, лишенные настоящей напѣвности, живутъ исключительно образами и при ихъ отсутствїи обращаются въ скучную прозу.

Ив. Рукавишниковъ, въ 4 своемъ сборникѣ стиховъ, остается тѣмъ же, какимъ былъ въ трехъ предыдущихъ. Изъ десяти его стихотворенїй почти всегда девять очень плохи, но въ десятомъ есть строфы или стихи истинной проникновенности. Рукавишниковъ не умѣетъ или не хочетъ работать надъ своими созданїями; они всегда неустроены, недовершены; въ нихъ всегда много лишняго и случайнаго. Это какой-то маленькій Державинъ, который, по выраженїю Пушкина, „не только не выдерживаетъ оды, но не можетъ выдержать и строфы“. Досадно, что, попавъ на удачный прїемъ или удачное выраженїе, Рукавишниковъ начинаетъ пользоваться имъ безъ мѣры, повторяетъ, его десятки разъ, надѣдаетъ имъ. Мы очень боимся, что Ив. Рукавишникову такъ и суждено остаться растрепаннымъ романтикомъ съ декадентскими проповѣдями на устахъ („Чтобы жизнь твоя была трагедїя!“), въ книгахъ котораго только исключительные любители будутъ разыскивать дѣйствительно цѣнные строки.

Стиль г-жи Вилькиной обладаетъ странной особенностью: онъ какъ бы намѣренно избѣгаетъ всякой изобразительности. Въ самомъ дѣлѣ, почти нельзя назвать эпитетами такїя скудные и общїя опредѣленїя, какъ: „небесныя мечты“, „надземный мїръ“, „жизненная тропа“, „мертвенный покой“, „пламенный адъ“, „забвенный мракъ пустой“, „звѣздъ блѣдное мерцанье“, „скользкія кольца змѣи“, „смертныя жала“, „вѣрная раба“, „тѣсная землянка“, „счастливый прїютъ“, „тяжелыя оковы“, „стыдливые взоры“, „страстная мысль“, „страстный взоръ“, „двѣтущїя гряды“, „спящїя воды“, „бурная ночь“, „шумящїй потокъ“, „недвижныя тучи“, „столѣтнїе льса“, „мерзкій червь“ и т. под. Въ такой же мѣрѣ не даютъ никакого образа такїе глаголы, какъ: „потокъ шумитъ“, „вѣтеръ воетъ“, „фонари мигаютъ“, „мракъ стоитъ“, „день проходитъ“, „духъ томится“, „красота приковываетъ“, „взоръ горитъ“, „кровь бунтуетъ“, „страсть зажигается“ и т. д. и т. д. Впечатлѣнїе прозы, которое производятъ сонеты г-жи Вилькиной, еще усиливается тѣмъ, что ея стихъ лишѣнъ музыкальности, а

порой и прямо неблагозвученъ. Такъ несомнѣннымъ метрическимъ промахомъ надо признать ямбы, составленныя изъ двухсложныхъ словъ,—напр.:

Въ толлѣ | людей | она | всегда | одна |
Но правда | страсти | въ тайнѣ. | Страсти | нѣтъ

Содержаніе „Моего Сада“ исчерпывается кругомъ „декадентскаго“ міровоззрѣнія. „Я—цѣлый міръ“, „Я—въ пустынь“, „Мнѣ жизнь мигъ на мигъ, чѣмъ навсегда“, „Я и обычное считаю чудомъ“, „Люблю я не любовь,—люблю влюбленность“ и т. под.—все это мысли, которыя уже довольно давно перестали быть новыми даже у насъ.

Замѣтимъ, что стихъ:

И несомъ рождена на свѣтъ вакханкой

возбуждаетъ вопросъ: вакханка ли родила небо или небо родило вакханку.

Если бы, однако, для поэзіи было достаточно однихъ образовъ—г. А. Федоровъ былъ бы прекраснымъ поэтомъ. Въ его сонетахъ, въ противоположность сонетамъ г-жи Вилькиной,—много яркихъ эпитетовъ и смѣлыхъ уподобленій. „Песокъ пустыни—какъ желтая парча“, „миражъ пишетъ сказки жизни“, „верблюдъ влачить за собой зной“,—все это не лишено красоты. Но въ поэзіи, кромѣ, такъ сказать, „абсолютной“ образности, мы ждемъ еще гармоніи этихъ образовъ между собой и подчиненія ихъ общему замыслу; отъ стиха, кромѣ внѣшней правильности, мы требуемъ еще напѣвности, мелодіи; мы хотимъ, наконецъ, чтобы поэтъ не только умѣлъ подбирать интересныя метафоры, но въ своемъ творчествѣ раскрывалъ бы предъ нами свое міросозерцаніе, самостоятельное, достойное нашего вниманія и глубоко прочувствованное. Всего этого трудно ждать отъ г. А. Федорова.

Валерій Брюсовъ.

Въ слѣдующемъ № „Вѣсовъ“ я буду говорить о трехъ прекрасныхъ сборникахъ стиховъ: С. Городецкаго („Ярь“), Вяч. Иванова („Эросъ“) и А. Блока („Нечаянная Радость“), а также о сборникахъ стихотворныхъ переводовъ „Молодая Бельгія“ и „Tristia“.

В. В.

Академическій Пушкинъ.

Сочиненія Пушкина. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Переписка. Подъ ред. В. И. Саитова. Т. I (1815—1826). Спб. 1906 г.

Имя В. И. Саитова, редактора „Остафьевскаго Архива“, ручается, что изданіе „Переписки“ А. С. Пушкина будетъ исполнено внимательно и со знаніемъ дѣла. Изданіе даетъ не только письма Пушкина, но и сохранившіяся письма къ Пушкину,—и этого нововведенія нельзя не привѣтствовать. Въ появившемся томѣ не мало новаго,—преимущественно черновые варианты къ письмамъ уже извѣстнымъ и поправки ихъ текста, но есть и письма, печатаемыя въ первый разъ (напр., нѣсколько очень интересныхъ къ кн. П. А. Вяземскому). Въ послѣднемъ изданіи П. А. Ефремова за 1815—1826 г. собрано 197 писемъ; у В. И. Саитова за тѣ же года значится 212 писемъ Пушкина.

Къ сожалѣнію, въ расположеніи матеріала не все можно одобрить. Подстрочныя примѣчанія то принадлежатъ Пушкину, то редактору, и это ничѣмъ не отмѣчено. Во главѣ каждого письма поставлены его даты, которыя можно принять за подлинныя помѣтки Пушкина, тогда какъ онѣ большею частью принадлежатъ редактору. Въ этихъ помѣткахъ нѣкоторыя слова заключены въ прямыя скобки [], что, по объясненію предисловія, означаетъ „зачеркнутыя въ рукописи слова“—между тѣмъ въ данномъ случаѣ это—догадки редактора. Иногда черновые наброски, писемъ, приводятся цѣликомъ (№№ 30, 50, 66, 68 и др.), иногда изъ нихъ выбираются только варианты, сообщаемые подъ строкой (№№ 57, 58, 103 и др.) и т. д.

Пропусковъ мы не замѣтили, если не считать одного наброска письма въ тетради Румянцевскаго музея № 2364 (гдѣ нѣтъ записей позднѣе 1819 года), листъ 54. Изъ листа, гдѣ былъ написанъ этотъ набросокъ, вырванъ большой кусокъ, такъ что уцѣлѣли лишь начальныя и заключительныя слова строкъ, не дающія никакого смысла. Но въ изданіи В. И. Саитова есть и другіе примѣры такихъ безсвязныхъ набросковъ (см. № 31), такъ что оно должно было бы дать и тѣ реликвіи письма, на которыя мы указываемъ. Приводимъ ихъ цѣликомъ. Буквы, поставленныя въ прямыя скобки, добавлены по догадкѣ

нами, въ круглыя—зачеркнуты въ подлинникѣ; отмѣченное звѣздочкой—вписано надъ строкой.

О	прос
Милый	своими
любили	въ, Нови-
ковъ	[му]щия
Орловъ *	
Тур[гевевъ]	[м]олодится
у *	
(На)	аловъ
К	[цен]зура
р	
—	
—	
Ц	

В. И. Саитовъ отнесъ свои примѣчанія въ конецъ всего изданія. Отсутствие ихъ очень затрудняетъ пользованіе книгой. Замѣтимъ, что въ ней нѣтъ даже простаго оглавленія.

Валерій Ершовъ.

Новое изданіе сочиненій гр. А. Толстого.

„Вѣстникъ Европы“, честно относящійся къ памяти своего бывшаго сотрудника и напечатавшій въ этомъ году, кромѣ обычной порціи переписки Алексѣя Толстого, двѣ довольно обширныя о немъ статьи, словно накликаль, наконецъ, новое, значительно пополненное изданіе сочиненій покойнаго поэта. Изданіе это, предпринятое фирмою Марксъ, какъ приложение къ „Нивѣ“, обѣщаетъ много интереснаго. Въ небольшой замѣткѣ о немъ, напечатанной въ той же „Нивѣ“ П. В. Быковымъ, кромѣ нѣсколькихъ стихотвореній, не вошедшихъ въ предшествующія изданія, упоминаются рассказы, какъ напечатанные („Упырь“, „Два дня въ киргизской степи“, „Семья вурдалака“), такъ и не напечатанные: „Амена“ и юмористическій рассказъ про помѣщика, любителя гигиены. Сюда же вѣроятно, войдетъ не упоминаемый П. В. Быковымъ дневникъ А. К. Толстого за 1831 г. (Путешествіе по Италіи) и напечатанныя письма къ Н. Жемчужникову. Что касается до переписки, то ее, конечно, желательно было бы увидѣть въ болѣе полномъ видѣ, нежели въ „Вѣстникѣ Европы“, гдѣ письма приводились съ весьма серьезными сокращеніями.

Есть основаніе думать, что у литературной наслѣдницы поэта,

Софьи Петровны Хитрово, сохранились еще интересныя письма Толстого и къ Толстому. Повидимому, нельзя надѣяться на появленіе двухъ прозаическихъ его вещей: юношескаго разсказа „Le rendez-vous dans trois cents ans“, пропавшаго, вѣроятно, у Маркевича * и „Записокъ Охотника“, неоконченная рукопись которыхъ хранится у князя Цертелева. Цензурныя соображенія помѣшаютъ, надо думать, напечатать коллекцію юмористическихъ произведеній А. К. Толстого, имѣющуюся, по слухамъ, у Стасюлевича. Врядъ ли найдется юношеское стихотвореніе поэта, напечатанное А. Перовскимъ въ одномъ изъ журналовъ рядомъ со строгой на него критикой. Нельзя также рассчитывать на то, что въ проектируемомъ собраніи сочиненій появятся „эллинскія стихотворенія“ Толстого, которыя такъ нравились Жуковскому, или первые дѣтскіе его опыты въ видѣ басенъ...

Критико-біографическій очеркъ о А. К. Толстомъ будетъ принадлежать перу С. А. Венгерова. Слѣдуетъ пожелать, чтобы почтенный профессоръ не упустилъ подобно А. Левенстиму („В. Е.“ сентябрь 1906 г.) нѣкоторыхъ важныхъ источниковъ для біографіи А. К. Толстого (наприм., статью Никитина въ „Русск. Вѣстникъ“ за февраль 1894 г. или „Воспоминанія В. П. Мещерскаго“) и не сдѣлалъ бы нѣсколькихъ крайне досадныхъ промаховъ, какъ К. Чуковский, у котораго, напр., о воспитаніи юнаго поэта заботится Жуковский, въ юности А. К. Толстого не было „ни одного осязательнаго горя“, а „семейное счастье было у этого царевича изъ волшебной сказки какъ-то слишкомъ чрезмѣрно“... (Ежемѣс. Лит. Прил. къ „Нивѣ“, декабрь 1906 г.).

Кромѣ того лицу, которое будетъ редактировать новое собраніе сочиненій слѣдуетъ провѣрить, дѣйствительно ли перу А. К. Толстого принадлежатъ приписываемыя ему сомнительныя стихотворенія, одно изъ которыхъ попало даже въ перечень Ыкова.

Александръ Кондратьевъ.

* Хотя есть основаніе думать, что разсказъ этотъ кто-то перевелъ, и онъ былъ напечатанъ въ одномъ изъ иллюстрированныхъ журналовъ начала восьмидесятихъ годовъ.

Некрологъ.

† 21 ноября, 1906 г., ст. ст., въ Люблинѣ (Крайна) проф. Викентій Ивановичъ Шерцль, языковѣдъ, авторъ трудовъ по санскриту и сравнительному языковѣдѣнью. — 12 декабря 1906 г., въ Кіевѣ, М. И. Коноваловъ, орд. профессоръ химіи въ Кіевскомъ Политехническомъ институтѣ, авторъ многихъ ученыхъ трудовъ. — 16 декабря 1906 г., въ Петербургѣ, Николай Лукичъ Пушкаревъ, поэтъ и журналистъ. — 21 января 1907 г., въ Петербургѣ, Д. И. Менделѣевъ. — Въ ночь на 23 января, въ Петербургѣ, Н. А. Меншуткинъ.

Неизданные стихи А. С. Пушкина.

Стихи А. С. Пушкина, помѣщенные на стр. 5 этого № „Вѣсовъ“, взяты нами изъ Пушкинской рукописи, хранящейся въ Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ за № 2365 (страница 59—по нумераціи черными чернилами, или 58,—по нумераціи красными чернилами). Въ этой рукописи находится одинъ изъ окончательныхъ вариантовъ „Кавказскаго Пльнника“ и черновыя различныхъ стихотвореній Пушкина 1820—1824 годовъ. Однако, печатаемые нами стихи, какъ видно по авторской помѣтѣ, относятся къ 1833 году.

Стихи эти до сихъ поръ не были напечатаны, такъ какъ изслѣдователямъ не удалось прочесть рукопись. Въ известномъ трудѣ В. Якушкина „Рукописи А. С. Пушкина“ („Русс. Старина“ 1884 г.) эта страница описана такъ: „9-го дек. 1833 (сначала было: 1832). С.-П.-Б., (т.-е. С.-Петербургъ) 7½ веч. (т.-е. вечера). Эта помѣта показываетъ, что Пушкинъ, черезъ десять лѣтъ, въ Петербургѣ обращался къ своимъ кишиневскимъ тетрадамъ. Къ сожалѣнію, за этой помѣтой идетъ лишь нѣсколько зачеркнутыхъ и неоконченныхъ строкъ“.

Въ этомъ описаніи мы считаемъ невѣрнымъ указаніе, что вмѣсто „1833“ сначала было „1832“. Цифра года, дѣйствительно, въ рукописи поправлена, но и исправленное чтеніе и первоначальное—одинаково „1833“.

Даемъ здѣсь точную транскрипцію рукописи, съ обозначеніемъ всѣхъ поправокъ. Цифры внѣ скобокъ отмѣчаютъ стихи, по поряд-

ку. Цифры въ скобкахъ отмѣчаютъ послѣдовательные варианты каждаго стиха. Зачеркнутыя слова поставлены въ скобки. Возстановленные слова—набраны съ разрядкой. Подчеркнутыя—курсивомъ, ?—означаетъ, что мы не увѣрены въ правильности чтенія предыдущаго слова, (нрѣб.)—замѣняетъ неразобранное нами слово.

9 дек. 1833 г. С. П. Б. 7¹/₂ вѣч.

1. (поэзи) толпа глухая (?)
2. Крылатой истины (любовница) слѣная.
(3) (Любить) (?) (баловней) (кумиры) (еть) (?)
3. (1) (Любимцевъ) — — мѣня(ть) каждый (часъ)
(2) (день)
(3) (п а л и) (?) (на землю) (?)
(2) (стуча)
4. (1) И (падаютъ) — съ ступени на ступень
(2) (Въ ихъ)
- 5а. (1) (Ихъ) (нрѣб.) (миг) (ихъ) (кумиры)
(3) (нрѣб.)
- 5в. Кумиры ихъ увѣнчанные сю—

Стихи 1 и 2 взяты нами въ послѣднемъ чтеніи рукописи. Стихъ 3 и 4 въ первоначальныхъ вариантахъ, потому что поправки или не разборчивы или не даютъ стиха. Стихъ 5—во второй редакціи.

Валерій Брюсовъ.

НОВЫЯ КНИГИ

ДОСТАВЛЕННЫЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ «ВѢСОВЪ» СЪ 20 ОКТЯБРЯ 1906 Г. ПО 20 ЯНВАРЯ 1907.

Изд. И. Балашова.

Д. 1905 и 1906 годы въ Петербургскомъ Университетѣ. Спб. 1907.
Ц. 40 к.

Изд. Е. и Ю. Бромлей.

Анатолий Франсъ. Таисъ. Пер. со вступ. статьей Н. По-
яркова. М. 1906. Ц. 1 р.

К-во „Грифъ“.

Л. Вилькина. Мой садъ. Сонеты и рассказы. Обложка Вас.
Миліоти. М. 1907. Ц. 1 р.

А. Кондратьевъ. Сатиресса. Миеологическій романъ. Об-
ложка. М. 1907. Ц. 1 р.

Изд. журнала „Золотое Руно“.

А. Ремизовъ. Посолонъ. М. 1907. Ц. 1 р.

К-во „Идея“.

Ал. Боровой. Общественные идеалы современнаго человѣче-
ства. М. 1906.

К-во „Mathesis“.

Пр.-д. Перри. Вращающийся волчекъ. Одесса. 1906. Ц. 60 к.

Rich. Dedekind. Непрерывность и ирраціональные числа.
Одесса 1906. Ц. 40 к.

Изд. журнала „Миръ Божій“.

А. Федоровъ. Камни. Романъ. Спб. 1907. Ц. 1 р.

А. Купринъ. Рассказы. Томъ III. Спб. 1907. Ц. 1 р.

А. Розенбергъ. Исторія Искусства. Спб. 1906.

К-во „Общественная Польза“.

Л. Пфаундлеръ. Физика обыденной жизни. Спб. 1906. Ц. 3 р.

Бар. Розенъ. Декабристы. Спб. 1906. Ц. 3 р.

В. Кошtedтъ. Аграрный вопросъ въ Германской социалдемо-
кратіи. Спб. 1907. Ц. 75 к.

Изд. В. Пирожкова.

З. Гиппюсъ. Алыи Мечъ. Спб. 1906. Ц. 2 р.

З. Гиппюсъ. Новые Люди. 2-е изд. Спб. 1907. Ц. 2 р.

К-во „Посредникъ“.

- Л. Н. Толстой. О Шекспирѣ и драмѣ. М. 1906. Ц. 20 к.
 Л. Н. Толстой. Земля и трудъ. М. 1907. Ц. 10 к.
 Л. Н. Толстой. Голодь. М. 1906. Ц. 10 к.
 Л. Н. Толстой. Единственно возможное рѣшеніе земельного
 вопроса. М. 1907. Ц. 3 к.
 Л. Н. Толстой. О значеніи русской революціи. М. 1906. Ц. 15 к.
 Г. Гауптманъ. Ткачи. Пер. Э. Маттерна. М. 1907. Ц. 15 к.
 Генри Джорджъ. Что такое единый налогъ. М. 1907. Ц. 3 к.
 Календарь для всѣхъ. М. 1907. Ц. 30 к.

К-во „Прибой“.

- С Шницеръ. Не по той дорогѣ. Эскизъ. Спб. 1906. Ц. 5 к.

Библиотека „Свѣточа“.

- М. К. Цебрикова. Письмо къ Александру III, подъ ред. С. А.
 Венгерова. Спб. 1906. Ц. 20 к.
 Эрн. Ренанъ. Жизнь Иисуса. Пер. Усовой. Спб. 1906. Ц. 1 р. 50 к.
 Эдв. Арнольдъ. Свѣтъ Азіи. Пер. А. М. Федорова. Спб. 1906. Ц. 1 р.

Изд. С. Скирмунта.

- Новыя вѣянья. Первый еврейскій сборникъ. М. 1907. Ц. 1 р. 25 к.

Изд. „Содружества“.

- Ив. Рукавишниковъ. Стихотворенія. Кн. IV. Спб. 1906.
 Ц. 1 р. 50 к.

Изд. М. О. Цетлина.

- Вас. Смирновъ. Стихотворенія. Кн. I. М. 1906. Ц. 15 к.

Изд-во „Шиповникъ“.

- Г. Чулковъ. Мистическія идеи въ драмахъ Ибсена. Спб. 1907.
 Ц. 30 к.
 О. Бердсей. Альбомъ. Спб. 1907. Ц. 1 р. 50 к.
 Ө. Сологубъ. Политическія сказочки. Спб. 1906. Ц. 70 к.

Разныхъ издателей.

- Філянскій. Лірика. Т. I. М. 1906. 1 карб. 50 к.
 Юлій Словецкій. Ангелин. Пер. В. Высоцкаго. М. 1906.
 Ц. 25 к.
 Н. А. Поповъ. Впередъ. Стихотворенія. Спб. 1907. Ц. 50 к.
 С. Ф. Годлевскій. Всемирная послѣдняя борьба. Спб. 1907.
 Ц. 10 к.
 Люціанъ Рыдель. День Гнѣва. Пер. Н. Лернера. Спб. 1906.
 Ц. 15 к.
 Н. П. Васильевъ. Правда о кадетахъ. Спб. 1907. Ц. 10 к.
 Н. Пояркоу. Поэты нашихъ дней. М. 1907. Ц. 1 р.

ПИСЬМА О ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЭЗИИ.

V*. Несостоятельность реакціи. — Новые поэты, исходящіе изъ принциповъ «Научной Поэзіи».

Умственное и духовное убожество всего созданнаго за минувшій 1906 годъ въ области поэзіи (я говорю пока о книгахъ читаемыхъ, уже выдвинувшихся авторовъ) можно было бы признать совершеннымъ, если бы не два замѣчательныхъ сборника стиховъ, неожиданно появившихся среди безсильныхъ и безчестныхъ издѣлій поэтовъ „романтическаго“ или „нео-эллинскаго“ возрожденія съ ихъ сентиментальнымъ эгоизмомъ и съ ихъ риторическими пересказами античныхъ мифовъ. Я говорю о книгахъ Ф. Вьеле-Гриффина и Э. Верхарна.

Новый сборникъ стиховъ Ф. Вьеля-Гриффина уже былъ оцѣненъ на этихъ страницахъ **. Среди поэтовъ-символистовъ одинъ только Вьеле-Гриффинъ сумѣлъ изъ торжественныхъ формулъ Миаэ извлечь общее чувство Жизни, что непремѣнно должно повести къ новому этапу его сильный и глубоко-сознательный талантъ.

Другая книга, которую мы упомянули, это — „La Multiple Splendeur“ Э. Верхарна ***, который, если и не подвигается впередъ въ своемъ творчествѣ, то величественно остается равенъ самому себѣ, въ своемъ трепещущемъ пониманіи зрѣлища Жизни и дѣятельности Человѣчества, въ своемъ мастерствѣ выразительнаго и многозвучнаго Слова. Можетъ быть, надо поставить въ вину Верхарну, что это Слово порой получаетъ романтическую окраску въ духѣ Виктора Гюго... Но, съ другой стороны, воспринимая въ свое творчество всѣ

* См. „Вѣсы“ 1904, 1905 и 1906.

** Francis Vielé-Griffin. Plus loin. Poèmes. Mercure de France. Paris. 1906.
См. „Вѣсы“ 1906, № 8.

*** Emile Verhaeren. La Multiple Splendeur. Mercure de France. Paris. 1906.

тѣ носящіяся въ воздухѣ идеи, которымъ суждено властвовать, онъ приближается, съ неутомимой живучестью, къ новому для него союзу:

Ainsi l'âpre Science et la recherche sûre
Tirant de l'univers les lois et les mesures
Dédient aux penseurs pour leurs tâches graduées
Et les grappes des faits et des preuves sans nombres
Mèlent leur feux précis aux feux mêlés d'ombre
Que les hauts constructeurs dressent, dans les nuées...

И по временамъ, подъ этимъ новымъ вліяніемъ, возсоздаетъ онъ въ мечтахъ первые образы „Лучшаго Будущаго“ и поетъ славу безмѣрныхъ небесъ съ истинно „научнымъ“ одушевленіемъ:

O ces brassins de vie où bout en feux épars
A travers l'infini la Matière féconde!
Ces flux et ces reflux de mondes vers des mondes
Dans un balancement de toujours à jamais!

Рядомъ съ книгами Вьеле-Гриффина и Верхарна можно упомянуть еще нѣсколько сборниковъ, въ которыхъ если и не выразились съ равной силой самостоятельныя поэтическія личности, то все же проявились искренность и непосредственность, давшія намъ право разобрать ихъ на этихъ страницахъ (книги Н. de Regnier, E. Desprax, L. Mandin, L. Thomas, T. Werm). Но громадное большинство поэтовъ, вновь появившихся или жалко запоздавшихъ, послѣдніе годы всѣ силы свои устремляли на то, чтобъ противостать мощному творчеству недавняго прошлаго и привести нашу Поэзію въ то низкое состояніе, когда рѣшающее значеніе получаетъ интрига и ловкость и когда единственной гордостью, — какъ у состязателей въ циркѣ. — является призъ, выплачиваемый звонкой монетой. Не надо забывать, что у насъ существуетъ „Академическая премія“, которая, конечно, не достается никогда проповѣдникамъ новаго, но которая, впрочемъ, присуждается иногда за порядочную книгу. Что у насъ есть еще „премія Сюлли-Прюдона“, которой естественно, — если принять во вниманіе враждебное отношеніе ея основателя ко всему новому въ поэзіи—могутъ и не должны быть награждаемы только посредственности (притомъ, неизмѣнно остающіяся въ неизвѣстности). Что въ этомъ году къ нимъ прибавилась кромѣ того, „Римская премія поэтовъ“, назначенная министромъ Искусствъ и присуждаемая однимъ изъ самыхъ несостоятельныхъ комитетовъ, какой только когда-либо существовалъ. Эта послѣдняя была присуждена нѣкому г. Боннару, сборникъ стиховъ котораго, незамѣ-

ченныи одними и осмѣянный другими, наполненъ стихотвореніями, о которыхъ даютъ достаточное понятіе уже ихъ заглавія: „Клопы“, „Травяныя вши“, „Пѣніе комаровъ“, „Совѣтъ хозяйкѣ противъ клещей“. Присужденіе этой преміи, съ его интригами, скрытыми и явными, не можетъ интересовать насъ здѣсь, хотя и взволновало заразы и г. Доршэня и графиню де Ноайль. Слѣдуетъ только вспомнить пророчество Эмиля Золя: „Когда будетъ основана Римская премія за литературу, она не достанется бѣдняку, она не достанется оригинальному дарованію: она достанется уму посредственному и угодливому, умѣющему срывать всѣ придорожные цвѣты. Но къ чему ободрять этихъ господъ, у которыхъ и такъ бодрости сколько угодно!“

Однако и тѣ поэты, которыхъ нельзя обвинить въ интриганствѣ и исканіи протекцій, но которые по дѣтскому самомнѣнію, или по духовной немощи, или, наконецъ, по лѣности, не желаютъ ознакомиться съ расцвѣтомъ поэзіи недавняго прошлаго (я говорю о поэзіи „символической“ и „научной“, съ ихъ философскими обоснованіями), — не могутъ, выходя изъ общей эволюціи литературы, создать ничего, кромѣ реакціонныхъ движеній, кромѣ регресса къ формамъ и темамъ романтиковъ и парнасцевъ. Точно также и тѣ, которые, не будучи не освѣдомлены о литературномъ движеніи 80-хъ годовъ, оказались неспособны воспринять его и войти въ его теченіе, избѣгаютъ окончательнаго паденія только тѣмъ, что усвоивъ себѣ отдѣльныя, отрывочныя идеи своихъ предшественниковъ, разрабатываютъ ихъ какъ свое откровеніе. Такимъ образомъ, у насъ возникъ „Натюрризмъ“, который еще недавно гальванизировалъ университетскій критикъ Эрнестъ Шарль въ одномъ бельгійскомъ журналѣ, и „Гуманизмъ“ Фернана Грега; такъ возникла „Французская школа поэзіи“ и „Общество Французскихъ Поэтовъ“ и, наконецъ, не лишенный ловкости, хотя ученическій плагиатъ: „Интегрализмъ“. Обо всѣхъ этихъ школахъ, въ отдѣльности, говорилось на страницахъ „Вѣсовъ“ въ свое время. И все это сливается въ аморфное творчество, въ которомъ мелькаютъ воспоминанія обо всѣхъ когда-либо читанныхъ поэтахъ, и которому нѣтъ иного имени, кромѣ ничтожества, сравнительно съ движеніемъ недавняго прошлаго и тѣмъ, которое приведетъ намъ близкое будущее!

И вотъ — уже какъ бы чувствуется первый разсвѣтъ истинно Молодой Поэзіи на медленно озаряющемся небосклонѣ. И скажу прежде всего, что я не одинокъ въ этомъ моемъ привѣтствіи гордому и сильному жесту юнаго, возникающаго передъ нами таланта. Очевидно, что одинаковое со мной чувство испытывалъ тотъ, кто по поводу первой книги г. Дюамеля писалъ на этихъ дняхъ: „Это вѣстину созданіе молодого дарованія! Наконецъ-то, наконецъ-то!

Ибо рѣдко кто бываетъ молодъ между 18 и 24 годами! Это „нако-
нецъ-то“ нисколько не преувеличено. Книга г. Жоржа Дюамеля
заслуживаетъ такой привѣтъ, обращенный къ сознательной волѣ,
не знающей компромиссовъ, какъ заслуживаетъ его и другой, не-
давно появившійся сборникъ стиховъ—г. Ренэ Арко, устремленныхъ
на тотъ же путь искренности и новой красоты. И къ этимъ двумъ
книгамъ, какъ подобныя имъ, должны быть присоединены первые
сборники стиховъ г. Эсмера-Вальдора и г. Шарля Вильдрака, имена
которыхъ уже упоминались въ „Вѣсахъ“. Объединенные дружбой и
общимъ стремленіемъ—быть достойными довѣрія и завѣтовъ своихъ
предшественниковъ,—эти четыре поэта составляютъ душу новой ли-
тературной группы, которая вступить въ дѣятельность, какъ вѣкая
коллективная единица. И я вѣрю въ силу этого единенія: они умѣютъ
концентрировать свою волю, умѣютъ логически раскрывать ее и
властно налагать, умѣютъ уклоняться отъ заигрываній разныхъ
посредственностей, желающихъ пристроиться къ нимъ. Я вѣрю въ
ихъ силу еще по той гордости, съ какой они открыто указываютъ
на своихъ предшественниковъ и учителей и на точку своего отпра-
вленія, и на какую рѣшительно неспособны слабые (какъ это намъ
не разъ случалось видѣть).

Въ первой книгѣ г. Эсмера-Вальдора * прежде всего почувство-
вался нами поэтъ, заботящійся объ томъ, чтобы дать новое; мы
увидѣли въ ней самостоятельную личность съ поразительной остро-
той ощущеній; мы нашли въ ней своеобразные и увлекательные
приемы творчества, тонкое и смѣлое чутье ритма: Поэтъ старается
дѣйствовать внушеніемъ, передавая читателю свои изысканныя,
утонченныя, совершенно индивидуальныя переживанія. Въ поэзіи
г. Эсмера-Вальдора есть не слабѣющая напряженность, есть вѣянье
тайны. Какъ много говорить, напримѣръ, такіа строки:

Des gouttes d'heures sombres clapotent doucement
au silence des Cathedrales...

Г. Эсмеръ-Вальдоръ, безспорно, обладаетъ выдающимся поэтиче-
скимъ даромъ (въ немъ есть „новый трепеть“, по выраженію Жюль
Кларти): это—поэтъ съ сильной фантазіей, непосредственный, внима-
тельно влюбленный въ свои ритмическія и музыкальныя задачи,
въ свой своеобразный синтаксисъ, въ свои изысканныя слова. Его
первая книга, выдѣлившая его имя и удостоенная злобныхъ напа-
докъ, — общается намъ въ будущемъ самостоятельнаго художника,
въ котораго должно вѣрить.

* Eshmer-Valdor. „Les Thuribulums affaissés“. Poèmes. Edition de „La Vie“. Paris. 1906.

Почти то же самое намъ пришлось говорить о Ш. Вильдракѣ *, сборникъ стиховъ котораго являлъ не только поэта, владѣющаго сильнымъ и прочувствованнымъ ритмомъ, но и человѣка, ищущаго глубокаго смысла Жизни.

Но сознательное выраженіе идей, одушевляющихъ эту группу поэтовъ, мы найдемъ въ предисловіяхъ къ сборникамъ стиховъ Ш. Дюамеля и Ренэ Арко,—предисловіяхъ, ясныхъ и смѣлыхъ, какъ манифестъ, объявляющій войну. Указавъ на современное паденіе поэзіи во Франціи, г. Дюамель ставитъ существенно вопросъ: „Не можетъ ли искусство поэзіи, которое такъ долго было только выразителемъ своей эпохи, стать предвѣстникомъ, стать вилеемской звѣздой, заключивъ въ своей сверкающей сокровищницѣ всѣ темныя надежды грядущаго?“. А чтобы выяснитъ, на какихъ основахъ будетъ утверждена новая поэзія и какова будетъ точка ея отправленія, г. Дюамель приводитъ свои слова: „Сущностью поэзіи должна быть страстная метафизика Человѣка и Вселенной въ ихъ отношеніяхъ, опредѣленныхъ Наукой, а поэтъ долженъ стать пѣвцомъ Науки. Искусство, отнынѣ, если оно хочетъ мыслить, должно принять эту концепцію за свою основу“.

Г. Дюамель говорить далѣе: „Наше искусство хочетъ мыслить,—и, конечно, это не будетъ новостью. Жизнеспособнымъ до сихъ поръ было и всегда будетъ лишь искусство, которое мыслить. Это показываетъ, что мы воистину то звено въ развивающейся традиціи, какого ждала наша эпоха. Въ теченіе вѣковъ Искусство жило божественнымъ. Для поэтовъ оказался даже недостаточнымъ неисчерпаемый источникъ античной мифологіи, и въ стихахъ появились Богъ, Небо, Дьяволъ и Преисподняя. Еще въ наши дни Верленъ показалъ намъ, какъ много можетъ извлечь гений даже изъ такого использованнаго матеріала. Быть можетъ, найдутся и еще поэты, и даже великіе поэты, богатство духа которыхъ сумѣетъ освѣжить и оживить эти трупы. Но мы,—иные,—не должны ли мы пѣть нашу Юную Легенду, какъ другіе, столько столѣтій, пѣли Легенду Древнюю? Въ насъ есть пламенная увѣренность, что въ этихъ новыхъ пѣсняхъ мы обрѣтемъ поэзію, болѣе всеобщую, болѣе многообразную и съ болѣе широкимъ размахомъ крыльевъ!“

Съ своей стороны, г. Ренэ Арко говорить такъ: „Наше искусство? Мы хотимъ, чтобы оно стояло въ соотношеніи съ тайной эволюціей всего... Мы хотимъ дѣйствовать сознательно и по волѣ. Мы хотимъ мыслящаго искусства, искусства воспитаннаго, исполненнаго

* Charles Vildrac. Poèmes. Edition de l'Abbaye. Paris (5, rue de Rennes) 1907. См. „Вѣсы“, 1906, № 5.

всѣмъ богатствомъ знанія, которое передаетъ человѣкъ человѣку, и потому имѣющаго свои корни въ самой глубинѣ вѣковъ... И желаніе научно мыслить не помѣшаетъ намъ остро чувствовать. Ощущеніе это сущность и черезъ то даже откровеніе. Многіе раньше насъ шли по тому же пути: въ Элладѣ—Парменидъ, Эмпедокль; въ Римѣ—Лукрецій, Манилій, въ Средніе Вѣка—Готье де Мець; въ XVI вѣкѣ—Саллюстій де Барта, Агриппа д'Обиньи; позже, въ Германіи,—Гете, въ Англіи—Шелли, во Франціи—Рене Гиль, Эмиль Верхарнъ*.

Рене Арко заканчиваетъ такъ: „Наши противники знаютъ, чего мы хотимъ и что мы любимъ. Пусть они не гнѣваются на насъ. Мы оставляемъ имъ добрую честь. Мы оставляемъ имъ всю миеологию съ неисчерпаемыми богатствами; мы оставляемъ имъ поэзію полей, луговъ, овечьихъ и четыре декорации четырехъ временъ года; мы оставляемъ имъ: большіе запасы добраго оптимизма, пѣсни пригородовъ, націоналистическую лирику и защиту униженныхъ; наконецъ, мы оставляемъ имъ—стихотворенія по поводу открытій памятниковъ, оды по заказу и всѣ конкурсы на премію.“

Опредѣленности этихъ предисловіи отвѣчаютъ и стихи, собранныя въ обѣихъ книгахъ. О книгѣ г. Дюамеля *, самое настроеніе которой обѣщаетъ, что авторъ ея въ будущемъ дастъ книги, проникнутыя, при всей ихъ сложности, строгимъ единствомъ замысла,—я скажу, что духъ Научной Поэзіи выложенъ въ ней въ созданіяхъ дикой красоты, что въ ней есть яростная человѣчность, какъ бы пронизанная многобразными силами Природы и глубоко трепещущая ощущеніемъ стихійныхъ Основъ. Эта книга, — человѣчная до мучительности—есть выраженіе великаго конфликта между пессимизмомъ и вѣрой въ лучшее будущее,—конфликта, который переживаетъ душа, охватывающая всѣ человѣческіе трепеты, воплощающая въ себѣ страданія, сомнѣнія и боренія всего поколѣнія. Эти страданія ждуть себѣ въ Любви утѣшенія и забвенія:—душа жаждетъ забыть то слишкомъ многое, что она знаетъ, все ужасное, что свершилось отъ начала міра; душа жаждетъ забыть то слишкомъ многое, чего она хочетъ, свои надежды, свои исканія, опять и опять!

Oh! Comme il t' attendait, le petit que je fus...
 O Bien-Aimée, pourquoi jamais n'as tu rien su!
 Les pâles nuits d'hiver, si tu l'avais pu voir,
 Son frêle corps saoulé de blanc, de froid, d'espoir!
 Grelottant de tous ses seize ans de songes ivres,
 Te regarder venir, lumière des givres,
 Te regarder avec les yeux de tous ses livres...

* Georges Duhamel. Des Legendes, des Batailles. Edition de l'Abbaye. Paris. 1907.

Но Она не пришла. И онъ позналъ „заботливое и древнее знаніе человечества:

Si ma mémoire est si pesante
C'est que tout l'Univers y chante
Et que je suis l'Eternité...

Онъ понялъ, — увы! — что — не пришедшая Возлюбленная была добродѣтелью Расы, враждебной эволютивной силѣ Вида:

C'est toi, qui de tous temps
T'es faite Eve pour les chûtes!

Стихи, единство которыхъ образуетъ вторую часть книги, вмѣстѣ съ затаенной въ нихъ скорбью личнаго „Я“, вызываютъ передъ нами мощныя силы вселенной. И вотъ нашъ взоръ и нашу мысль наполняютъ „Легенда Океана“ сиволическимъ изображеніемъ пламенныхъ и первобытныхъ морей. Единый Океанъ властвуетъ и зарождаетъ Жизнь:

Il fut une matrice et il fut un linceul.
Il fut très grand, il fut très fort, il fut très seul..

Далѣе встаетъ другая пѣсня, съ еще большимъ размахомъ, еще болѣе захватывающая своимъ замысломъ — пѣсня о самомъ началѣ земли, „Вѣковая Эпопея“. Въ этомъ всемірномъ, всепроницающемъ экстазѣ самыя основы пессимистическаго міровоззрѣнія, обращающаго въ ничто, становятся великой, пантеистической радостью, пьянымъ счастьемъ — исчезнуть, какъ личное существо, въ неизмѣнности Великаго Всего.

... Ce fut toujours, ce fut partout
L'Etreinte interminée que voulut notre geste...
Va! demain nous serons les poussières célestes,
Nous nous retrouverons au cœur des astres roux:
Tu n'es plus rien! sois donc plus fière et sois donc tout!..

Другое стихотвореніе, „Mourez mes vœux“, пѣсня атавизма, еще увеличиваетъ это головокруженіе страсти, въ которое „Я“ влечетъ и смертельную тоску — сознавать себя безконечно-малой величиной въ безпредѣлностяхъ Времени и Пространства, и крикъ гордости — чувствовать себя необходимымъ созданиемъ вѣчныхъ силъ:

Les gertes ébauchés ont peuplé l'air de lignes,
Les échos vont pérenniser le chant des cygnes,
Et les racines du présent s'en vont, sans fin..

...Et cependant vibrez, et cependant chantez,
 Sens affolés de remembrance!
 Effarez-vous de vieux et de jamais fini...
 La poussière d'antan couve dans les vieux nids...
 Un souvenir bourdonne aux ouïes: battez, paupières!
 Vers l'essor épuisé des parfums d'autrefois
 Frissonez, ô narine ailée, nevrose altièrre!
 Et tout le moite effort des mains crispant les doigts!..

Такъ изъ чисто научныхъ основъ вырастаетъ эта книга, которую всю проникаетъ сознание эволюціи и страстный призывъ къ Волѣ, къ движенію впередъ.

Тотъ-же самый лейтъ-мотивъ затаеннаго, скорбнаго энтузіазма то же самое устремленіе души къ высшему напряженію воли находимъ мы въ книгѣ Рене Арко „La Tragédie des Espaces“. * И это естественно, потому что именно такое устремленіе легче всего даетъ выразиться научному раздумію. Но г. Дюамель, избравшій своимъ методомъ широкой синтезъ, приходитъ къ выводамъ гораздо менѣ пессимистичнымъ, чѣмъ г. Рене Арко, въ творчествѣ котораго, среди синтетическихъ построеній, часто чувствуется работа анализа и объединяющаго эгоизма.

Оставаясь вѣрнымъ своей программѣ, г. Арко, какъ онъ самъ выражается, „хранитъ на своемъ челѣ свинцовую повязку космической скорби“. Его „Я“—прототипъ всякой индивидуальности во времена сомнѣній и надеждъ, часто въ его стихахъ выступаетъ отчетливо, врываясь въ болѣе широкія концепціи міровыхъ отношеній. Черезъ это въ отдѣльныхъ стихотвореніяхъ получается особый родъ антропоморфизма, какъ, на примѣръ, въ слѣдующемъ простомъ и разительномъ стихѣ:

Ah! que la terre a mal au front des ses enfants.

Книга г. Арко, проникнутая болѣе или менѣе и сознательнымъ единствомъ, открывается короткими стихотвореніями, въ которыхъ поэтъ вспоминаетъ библейское проклятіе горделивому грѣху Земли, пожелавшей познанія и осужденной на вѣчныя исканія своего начала и своей судьбы. Далѣе слѣдуютъ поэмы, воплощающія въ страстной мелопеѣ космическую жизнь земнаго шара:

Terre pétrié de notre sang, de notre boue,
 Centre du cercle humain. Centre d'où irradie,
 Mouvement en aspects inombrables: la Vie.
 Terre! moyen de la vertigineuse roue!

* René Arcos. La Tragédie des Espaces. Ed. de l'Abbaye. P. 1907.

Затѣмъ встають новые образы изъ глубины темныхъ временъ: бѣлые образы первобытной жизни и мелькающія картины древнихъ цивилизацій. И вотъ уже мы слышимъ похоронный звонъ „скорбнаго плача въ вечеръ“ Христіанствъ:

Amis, nous sommes ceux qui descendent des marches.
 Nous sommes d'éternels revenus des sommets...
 Notre épaule a plié au poids des à jamais,—
 Nous sommes les futurs cimetières qui marchent!

Начинаются исканія новой вѣры и восторга увѣренности. Всѣ сомнѣнія и всѣ надежды ищутъ прибѣжища въ познаніи. И „статуя“, символизирующая будущее человѣчество, встаетъ на путяхъ будущаго:

Progressive statue de l'ascension humaine
 En la compréhension de l'Immense homogène!

И каковы бы ни были сомнѣнія и отчаянія, звучащія порой въ дальнѣйшихъ стихотвореніяхъ,—тайное устремленіе къ высшему напряженію воли торжественно звучитъ въ поэмѣ, озаглавленной «Вершины»:

Cimes, grands sphinx nourris d'extases sidérales;
 Sphinx rêvant par les nuits aux proches Saturnales,
 Et par les midis fous de braise et de vermeil;
 Catapultes! lançant des aigles au soleil...

Къ сожалѣнію, я долженъ кончить. Ибо хотѣлось бы безъ конца цитировать прекрасныя и многозначашіе стихи этихъ двухъ книгъ! Безъ страха взять на себя слишкомъ большую отвѣтственность, я даю совѣтъ всѣмъ поэтамъ и всѣмъ любителямъ поэзіи, которые дѣлаютъ мнѣ честь, читая мои строки, пополнить свою бібліотеку этими первыми книгами двухъ начинающихся поэтовъ, а также книгами г. Эсмэра Вальдора и г. Шарля Вильдрака.

Эти поэты дѣйствительно продолжаютъ движеніе вчерашняго дня и выходятъ на новую дорогу, принося съ собою истинную пѣсню всемірнаго одушевленія, одушевленіе познанія.

René Ghil.

М. МАТЕРЛИНКЪ О БЕЗСМЕРТІИ.

Цитаты изъ статьи. *

Намъ совершенно безразлично, что въ Вѣчности наше тѣло или его сущность познаетъ все блаженство и всю славу, подвернется самымъ восхитительнымъ и самымъ великолѣпнымъ превращеніямъ, станетъ цвѣткомъ, благоуханіемъ, красотой, свѣтомъ, эфиромъ, звѣздой. Въ той - же мѣрѣ намъ безразлично, что наше сознаніе прояснится до того, что сольется съ жизнью міровъ, постигнетъ и овладѣетъ ею. Нашъ инстинктъ говоритъ намъ, что все это не будетъ насъ касаться, не доставитъ намъ никакого удовольствія, просто не дойдетъ до насъ самихъ, если только тамъ не будетъ сопровождать насъ, какъ свидѣтельница этихъ воображаемыхъ радостей, память о нѣкоторыхъ фактахъ, почти всегда незначительныхъ. Для меня не важно, будутъ ли вѣчно жить и сіять въ предѣльномъ блаженствѣ самыя возвышенныя, самыя свободныя и самыя прекрасныя части моего духа: онѣ болѣе не принадлежать мнѣ, я ихъ болѣе не знаю. Смерть перерѣзала сплетеніе нервовъ или воспоминаній, связывавшихъ ихъ съ какимъ-то центромъ, гдѣ находится та чувствительная точка, которую я считаю въ самомъ дѣлѣ самимъ собой. Судьба этихъ частей моего духа, отрѣзанныхъ отъ всего остального и носящихся во времени и пространствѣ, такъ-же чужда мнѣ, какъ судьба отдаленнѣйшихъ звѣздъ.

Такимъ образомъ, наше желаніе безсмертія уничтожается, какъ только мы пытаемся формулировать это желаніе, потому что весь интересъ нашего бытія мы основываемъ на самыхъ второстепенныхъ и на самыхъ хрупкихъ частяхъ всей нашей жизни. Намъ кажется, что нечѣмъ будетъ отличить наше существованіе отъ другихъ, если только не будетъ продолжаться большинство тѣхъ бѣдствій, тѣхъ мелочей и тѣхъ недостатковъ, которые его характеризуютъ; что оно сдѣлается каплей невѣдѣнія въ океанѣ неизвѣст-

* Съ 1907 г. бельгійскій журналъ „Antée“, издающійся въ Брюгге, выходитъ по расширенной программѣ. Почти въ полномъ составѣ перешли въ его редакцію сотрудники прекратившагося журнала „L'Ermitage“. Январскій № „Antée“ даетъ новыя произведенія М. Матерлинка, Реми де Гурмона, Альбера Мокеля, Лорана Тальяда, С. Жоржъ де Буэлье, Анри Шеопи и др. Извлекаемъ изъ этой книжки нѣсколько любопытныхъ раздумій Матерлинка о безсмертіи.

наго и съ того мгновенія не будетъ къ намъ имѣть никакого отношенія. Какое-же безсмертіе можно обѣщать людямъ, которые почти съ необходимостью мыслятъ объ немъ именно такъ? — Всякое безсмертіе, которое не влечетъ за собой въ вѣчность, какъ шаръ каторжника, смѣшное наше сознаніе, образованное въ теченіе многихъ лѣтъ движенія, всякое сознаніе, на которомъ нѣтъ неизгладимаго знака нашей тождественности, для насъ какъ бы не существуетъ. Требовать, чтобы это маленькое сознаніе, это чувство маленькаго спеціальнаго „я“, почти ребяческаго и, во всякомъ случаѣ, крайне ограниченнаго, чтобы эта вѣроятная немощь нашего современнаго познанія сопровождала насъ въ безконечности времени, помогала намъ понять ее и наслаждаться ею — не есть ли это желаніе воспринять предметъ при помощи органа, не приспособленнаго къ его воспріятію? Не есть ли это желаніе, чтобы рука наша открывала свѣтъ или чтобы нашъ взоръ былъ чувствительнымъ къ благоуханіямъ? Не значить ли это, съ другой стороны, раздражать больному, который, чтобы найти самого себя, чтобы убѣдиться, что это именно онъ, воображаетъ, что ему необходимо, и выздоровѣвъ длить свою болѣзнь въ безконечномъ рядѣ дней.

Но изъ того, что мы пользуемся нашимъ „я“ подъ одной исключительной формой, столь спеціальной, столь несовершенной, столь хрупкой, столь эфемерной, слѣдуетъ ли, что нѣтъ другихъ способовъ сознанія и никакихъ другихъ средствъ наслаждаться жизнью. Развѣ не ясно для насъ, что среди тысячи другихъ чувствъ, которыхъ не достаетъ намъ здѣсь на землѣ, не достаетъ намъ болѣе широкаго и болѣе вѣрнаго чувства нашего „я“, чѣмъ наше мнемоническое сознаніе? Что мы не въ силахъ вообразить этого иного сознанія, не можетъ быть поводомъ къ его отрицанію. Напротивъ, мнѣ кажется, что будетъ разумнѣе считать это поводомъ къ тому, чтобы признавать его. Есть одно чувство, которое пробуждается только съ приближеніемъ зрѣлости, и оно показываетъ намъ, что открытіе цѣлаго непредвидѣннаго міра, перемѣщеніе всѣхъ осей нашей жизни, можетъ зависѣть отъ случайностей нашего организма. Въ годы дѣтства мы вовсе не подозреваемъ о существованіи цѣлой вселенной страстей, опьяненій и страданій, владѣющихъ „взрослыми“. Если случайно неполное эхо этого шума доходитъ до нашихъ невинныхъ и любопытныхъ ушей, мы не можемъ даже понять, что за изступленіе или что за безуміе увлекаетъ старшихъ. Мы даемъ себѣ обѣщаніе, что въ свое время будемъ вести себя разумнѣе, но вдругъ приходитъ любовь и перемѣщаетъ центръ тяжести всѣхъ нашихъ чувствъ и большинства нашихъ идей. Изъ этого видно, какъ мало значить воспринимать или не воспринимать и какъ мало имѣемъ мы правъ сомнѣваться въ возможности того, что мы не можемъ вообразить.

Théodore Duret. Les Peintres Impressionnistes. Flourey éd. „Maîtres de l'art contemporain“. Paris 1906.

Новая книга Теодора Дюрэ, одна изъ тѣхъ книгъ, которыя появляются какъ нельзя болѣе во-время. Отъ современнаго поколѣнія художниковъ импрессионизмъ отдѣлился теперь промежуткомъ лѣтъ, достаточнымъ, чтобы стать отчетливымъ въ памяти, вчерашнимъ днемъ искусства. Отнынѣ импрессионизмъ долженъ составить заключительную главу прошлой исторіи живописи. Все, что за нимъ послѣдовало и что заполняетъ настоящее, все это еще слишкомъ хаотично и не можетъ быть окинуто безпристрастнымъ и критическимъ взоромъ изслѣдователя. Поколѣніе учителей импрессионизма уже близится къ концамъ путей жизни и творчества. Одинъ за другимъ сошли въ могилу Писарро, Сислэ, Моризо и Сезаннъ. Другіе, какъ Клодъ Моне и Ренуаръ, достигли глубокой старости. Ихъ близкій другъ, прошедшій съ ними рука объ руку долгую и трудную дорогу, „критикъ авангарда“, Теодоръ Дюрэ, посвятилъ художникамъ-импрессионистамъ эту книгу. Написанная въ тихій часъ яснаго заката жизни, она уже принадлежитъ исторіи.

На первыхъ же страницахъ Дюрэ помогаетъ разобраться въ одномъ, до сихъ поръ еще смутномъ, но крайне важномъ вопросѣ. До сихъ поръ еще широко распространено мнѣніе, опирающееся, между прочимъ, на такой сомнительный авторитетъ, какъ популярный въ Россіи проф. Р. Мутеръ, что родоначальникомъ импрессионизма былъ Эдуардъ Манэ. Мнѣніе это ошибочно. Значеніе Манэ огромно и во всякомъ случаѣ оно больше, чѣмъ значеніе художниковъ-импрессионистовъ. Отъ Манэ дѣйствительно изшла в сѣ новая живопись, въ томъ числѣ импрессионизмъ. Но исхожденіе это совершилось не непосредственно, какъ ошибочно предполагалось многими, но путемъ крайне сложныхъ перекрещивающихся вліяній и передачъ. Инициаторомъ же, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, импрессионизма Манэ не былъ. Манэ—единственный мостъ, перекинутый отъ настоящаго къ великому прошлому; въ этомъ его главная и еще нооцѣненная роль. Творецъ „Олимпіа“ стоитъ въ той же цѣпи, въ которой стояли Пуссенъ, Ватто, Давидъ, Делакруа и Энгръ. По всему внутреннему складу своему онъ ближе къ нимъ, чѣмъ къ близкому

только по случайностямъ жизненной обстановки Клоду Монэ. Известно, что и Манэ писалъ также въ манерѣ импрессионистовъ. Но теперь совершенно ясно, что, поступая такъ, онъ былъ не учителемъ ихъ, но ученикомъ. Импрессионизмъ создала работа „en plein air“. Но, какъ говорить Дюрэ: „Манэ удѣлялъ этой живописи лишь часть своего труда, тогда какъ Писарро, Клодъ Монэ, Сисле и Гильомэнъ отдались ей цѣликомъ, съ нами и Ренуаръ, хотя онъ и не былъ пейзажистомъ“ (р. 11).

Сплошь и рядомъ возникновеніе импрессионизма объяснялось еще вліяніемъ знакомства съ англичанами, Тёрнеромъ и Констаблемъ и даже съ японскими эстампами. Въ этомъ есть доля истины: и англичане и японцы оказали нѣкоторое вліяніе на импрессионистовъ, но только уже гораздо позже. Вліяніе это послужило къ развитію тѣхъ началъ, которыя зародились раньше и болѣе самостоятельно. Для того, чтобы отвѣтить на поставленный вопросъ, надо отдать себѣ отчетъ въ томъ, что же собственно такое импрессионизмъ? Глубоко ошибутся тѣ, кто станутъ искать объясненія въ самомъ значеніи слова „Impressionnisme“. Дюрэ рассказываетъ, какъ странно возникло это наименованіе. На памятной выставкѣ 1874 года (на ней и на другихъ, ей подобныхъ, замѣтимъ, не участвовалъ Манэ), въ числѣ пяти картинъ Клода Монэ была одна, носившая названіе „Impression, soleil levant“. Названіе это показалось публикѣ чрезвычайно смѣшнымъ, и, чтобы лучше осмѣять и унижить странныхъ художниковъ, уличный листокъ „Charivari“ попытался окрестить ихъ „импрессионистами“. Сначала Клодъ Монэ и его друзья протестовали, но кличка, какъ это часто бываетъ въ Парижѣ, быстро распространилась; оставалось примириться и махнуть рукой. Никто тогда не придавалъ ей того „программнаго“ значенія, которое многіе предполагаютъ въ ней теперь. Художники, которыхъ теперь называютъ импрессионистами, едва ли могли бы тогда выразить свои задачи словомъ или словами. Но они чрезвычайно ясно выразили ихъ въ своихъ произведеніяхъ. Приемы работы „en plein air“, отказъ отъ темы, отъ замысла, отъ намѣренной живописности, крайняя искренность, страстное рвеніе познать упорнымъ изученіемъ все въ природѣ,—свѣтъ, воздухъ, окраску предметовъ, жажда добиться настоящей правды,—да что же это, какъ не чистый художественный реализмъ? Неужели и тутъ надо считаться съ мнѣніемъ публики, подразумевающей подъ реализмомъ сочиненіе сенокъ изъ обывденной жизни, хотя бы онъ и трактовался совершенно условно въ ложныхъ школьныхъ краскахъ? Тѣ художники, которые зовутся импрессионистами—не только реалисты, но, вѣрнѣе, натуралисты. Они не живописцы по темпераменту, какъ Манэ, но скорѣе ученые и изслѣдователи въ духѣ Золя. Ихъ живопись прозаична сама по себѣ, она

достигаетъ поэзіи лишь случайно, въ нечаянно схваченномъ моментѣ изъ жизни природы.

Не трудно понять происхожденіе импрессионизма, если исходить изъ этого положенія и опираться на факты, приведенные въ книгѣ Дюрэ. Съ первыхъ же своихъ шаговъ въ живописи Писарро, Клодъ Монэ, Ренуаръ и другіе, натуралисты по всему внутреннему складу, инстинктивно ищутъ еще ненайденной правды. Они прислушиваются къ словамъ Коро и Курба, они сильно тяготеютъ къ пейзажу. Свѣтлыя краски „Завтрака“ и „Олимпіа“, гдѣ Манэ смѣло освободился отъ обветшалого академизма и устремился къ живописности испанцевъ, поражаютъ ихъ, какъ откровеніе. Манэ привлекаетъ ихъ и соединяетъ. Они заражаются его смѣлостью, его искренностью, но учатся не у него, а у природы. „Въ то время, какъ Манэ, коренной парижанинъ, привязанный къ бульварамъ, остался писать фигуры и темы въ мастерской, другіе раадѣлись съ Парижемъ и поселились въ деревнѣ; они перестали работать въ мастерской, чтобы „en plein air“ открыто встрѣтить природу. Можно съ увѣренностью сказать, что къ 1871 году, ко времени знакомства съ англичанами и японцами, будущее уже было предопредѣлено. Импрессионизмъ отлился въ окончательную форму на выставкахъ 1874 и 1877 года. На второй изъ нихъ были выставлены такія, нынѣ всемірнознаменитыя вещи, какъ рѣчные пейзажи Клода Монэ или „Moulin de la Galette“ и „La Balançoire“ Ренуара. Нельзя не привести здѣсь свидѣтельства Дюрэ объ отношеніи къ выставкамъ импрессионистовъ со стороны публики и критики. „Были нѣкоторые, которые въ перспективѣ ожидаемаго веселья начинали смѣяться уже на улицѣ, потомъ на лѣстницѣ и, наконецъ, войдя въ залу, они корчили отъ смѣха съ перваго же взгляда“. Критикъ Roger Ballu писалъ: „Онѣ (картины) возбуждаютъ смѣхъ и, однако, плачевны; онѣ изобличаютъ самое глубокое невѣжество въ композиціи, рисункѣ и колоритѣ. Когда дѣти забавляются бумагой и красками, они рисуютъ лучше“... (р. 29).

Книга Дюрэ раскрываетъ передъ нами тяжелыя подробности трудной борьбы, выпавшей на долю импрессионистовъ. Нельзя не преклониться передъ величіемъ духа, которое выказали въ такихъ обстоятельствахъ всѣ они. Та пора миновала давно, и крестъ Почетнаго Легіона, недавно предложенный Клоду Монэ и имъ не принятый кратко знаменуетъ совершившуюся перемѣну. Всѣ характернѣйшія особенности импрессионизма выразились полнѣе всего въ творчествѣ Клода Монэ. Дюрэ справедливо называетъ его „истиннымъ зачателемъ импрессионизма“. Наиболѣе полную формулу импрессионизма обрѣлъ въ извѣстныхъ „серіяхъ“ Клода Монэ. „Стоги“, „Тополя“, „Руанскій соборъ“, „Темаза“, „Измѣненія пруда“. Развѣ не открывается здѣсь ясно вѣрный ликъ этой полосы художественнаго

творчества ликъ трезваго, „научнаго“ труда? Значеніе импрессионизма огромно. Современное поколѣніе не можетъ, если-бы и пожелало отказаться отъ его завоеваній и открытій. Искусство грядущаго будетъ стоять на твердой почвѣ, расчищенной импрессионистами, но душой будетъ стремиться къ Манэ и черезъ Манэ къ величайшимъ мастерамъ прошедшаго.

П. Муратовъ.

Roger le Brun. Corneille devant trois siècles. Sansot-Orland éd. Paris (53 rue st. André des Arts). 1906.

Pierre Corneille. Galanteries, précédées d'une Vie Amoureuse par Sansot-Orland. Sansot-Orland éd. Paris. 1906.

Первая изъ названныхъ нами книгъ передаетъ сжато мнѣнія о Корнелѣ выдающихся писателей XVII, XVIII и XIX вѣковъ и даетъ возможность прослѣдить, сквозь какія тѣснины, черезъ какой хаосъ непониманія и противорѣчивыхъ сужденій долженъ пройти выдающійся умъ, прежде чѣмъ достигнетъ онъ безсмертія. Во всѣ времена самые неоспоримые гении были и будутъ оспариваемы официальной критикой своей эпохи и своей страны. Если бы эти критики были способны дѣлать наблюденія, соображать, рассуждать и приходить къ справедливымъ выводамъ,—они могли бы извлечь изъ этого явленія полезный для себя урокъ. Но до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать вселенная, идущая впередъ по путямъ развитія, люди будутъ дѣлиться на мыслящихъ и не мыслящихъ, на гениевъ, озаряющихъ пути Грядущаго, и на неизлѣчимыхъ слѣпцовъ, старающихся погасить эти свѣты. Книга г. Ле-Брена даетъ богатый матеріалъ для всѣхъ, желающихъ прослѣдить эволюцію идей въ рядѣ поколѣній. — Вторая книга направлена противъ критиковъ, утверждающихъ, что въ творчествѣ Корнеля самымъ слабымъ является его концепція любви. Чтобы доказать, что любовь занимаетъ значительное мѣсто въ поэзіи Корнеля, г. Сансо-Орландъ собралъ въ одномъ томикѣ, прекрасно изданномъ, любовные стихи отца французской трагедіи. Въ интересномъ предисловіи г. Сансо-Орландъ даетъ характеристику Корнеля, какъ влюбленнаго.

Eshmer Valdor.

Les Largesses de Marianne. Histoire d'un prix de Rome littéraire. G. Guyard éd. (155, rue Amelot). Paris. 1906.

Если вѣрить автору или авторамъ этого жестокаго памфлета, присужденіе „Первой Римской Преміи“, недавно состоявшееся въ Парижѣ, было результатомъ самыхъ низменныхъ интригъ. Нѣкто г. Дюпки, человекъ весьма компетентный въ поэзіи, ибо не имѣетъ къ ней никакого отношенія, имѣлъ намѣреніе выдвинуть нѣкоего Боннара,

сочиняющаго стихи, котораго къ тому же хотѣлъ сдѣлать своимъ зятемъ. И вотъ для этого было организовано жюри, г. Катюль Мендесъ получилъ 3000 фр., оплачивались хвалебныя статьи въ „Figaro“ и т. д. Не беря на себя неблагогодарнаго труда выдѣлать въ этой книжкѣ правду отъ клеветы, позволимъ себѣ только громко заявить, что г. Боннаръ не имѣетъ никакого права называть свои стихи удостоенными „народной преміи“. Не Боннаръ является въ поэзи представителемъ французскаго народа, и да послужитъ этотъ скандалъ предостереженіемъ для Маріанны-Франціи — не такъ неосмотрительно расточать свои ласки всякимъ посредственностямъ.

Eshmer Valdor.

Fernand Divoire. Cerebraux. Chroniqueur de Paris. (2 rue de Bourgonge). Paris. 1906.

„Разговоръ не есть книга, хотя можетъ быть дороже книги, потому что позволяетъ уклоняться въ сторону отъ темы“. Эти слова Ж. де Мэстра, а также слова самого автора, стоящія на первой страницѣ: „... Они говорятъ, отдаваясь случайнымъ сплетеніямъ идей“, — предупреждаетъ, что было бы бесплодно анализировать содержаніе „Cerebraux“. Впрочемъ, замѣчу, что первой половинѣ „Cerebraux“ я предпочитаю вторую. Первой частью можно заинтересоваться, вторую — полюбить. Въ ней больше живости, больше естественности, даже больше, скажу я, искренности.

Eshmer Valdor.

Accusés de réception.

Louis Thomas. La Maladie et la Mort de Maupassant. A. Herbert, éd. Bruges 1906. Pr. 2 fr. 50.

George de Dubor. Les Héroines de l'Amour. H. Daragon, éd. Paris. 1905 Pr. 7 fr. 50.

Bagneux de Villeneuve. Le Baiser en Grèce. H. Daragon, éd. Paris. 1905. Pr. 8 fr.

Nonce Casanova. L'Image des Ténèbres. Ambert et Ci-é. Paris. 1906. Pr. 3 fr 50.

Pierre d'Alheim. Rama. Le drame sacré de l'Inde. Fasc. 1. Bois le roi 1906. Pr. 20 fr.

Jules Mouquet. Les Epigrammes de Léonidas de Tarente. Le Beffroi. Lille. 1906. Pr. 2 fr.

W. Ritter. Fillette slovaque. Mercure de France. P. 1907. Pr. 3 fr. 50.

W. Ritter. Etudes d'Art étranger. Mercure de France. P. 1906. Pr. 3 fr. 50.

Emile Verhaeren. La Multiple Splendeur. Poèmes. Mercure de France. P. 1906. Pr. 3 fr. 50.

ИСКУССТВА

БЕРЛИНСКІЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ВЫСТАВКИ ВЪ 1906 ГОДУ.

1. Сецессионъ.

Въ изящномъ зданіи „Сецессиона“ на Kurfürstendamm всего лишь девять маленькихъ залъ, и въ этихъ залахъ виситъ лишь десятая часть того количества картинъ, которое выставлено въ безчисленныхъ залахъ „официальной“ выставки, „Grosse Berliner Kunstausstellung“. Но зато въ „Сецессионѣ“ почти каждая картина останавливаетъ зрителя, приковываетъ взглядъ своей смѣлостью, своей индивидуальной техникой, своей солидной и честной работой. Можно сказать, что въ этомъ году выставка Сецессиона достигла самаго высокаго общаго уровня, когда-либо ею достигнутаго. Благодаря долгимъ и ожесточеннымъ нападкамъ со стороны молодого поколѣнія критиковъ, вожди-сецессионисты какъ бы встрепенулись, вспомнили свою силу, свое призваніе, запрещающее именно имъ впадать въ рутинерство, и предстали на этой выставкѣ во всемъ блескѣ своей старой мощи. Затронутые упрекомъ, что они деспотически властвуютъ надъ молодымъ поколѣніемъ художниковъ, они допустили въ этотъ разъ особенно много молодыхъ дебютантовъ, поражающихъ оригинальностью и силой своихъ дарованій. Все это вмѣстѣ: подъемъ силъ у старыхъ вождей, появленіе новыхъ именъ, общающихся много интереснаго, оживленное участіе выдающихся иностранцевъ придало выставкѣ настроеніе какой-то бодрости, свѣжести, чего-то приподнятаго.

Максъ Либерманъ, вождь всего Берлинскаго Сецессиона, давно не давалъ такихъ поражающихъ силой кисти и блескомъ колорита картинъ какъ, выставленные имъ четыре большихъ портрета. Они принадлежатъ не только къ лучшему, что создалъ Либерманъ, но прямо къ лучшему, что создано вообще современнымъ нѣмецкимъ искусствомъ. Рутинерство, вялость, шаблонность техники — все, въ чемъ мнѣ не разъ приходилось упрекать вождя берлинскаго Сецессиона, между прочимъ и на страницахъ этого журнала, какъ бы нечезло, разсѣялось и на ихъ мѣстѣ засіяло бла-

городное мастерство выдающагося художника. Съ поразительной эlegantностью написаны всѣ эти портреты, но съ эlegantностью, которая никогда не становится фальшивой; это эlegantность самодержавнаго властителя надъ кистью и холстомъ, эlegantность, созданная увѣренностью въ каждомъ мазкѣ, получившаяся благодаря феноменальной легкости веденія кисти, въ которой Либерманъ имѣетъ не много соперниковъ. Кромѣ этихъ — поражающихъ, между прочимъ, не только своимъ техническимъ совершенствомъ, но и духовной прозорливостью — портретовъ, Либерманъ выставилъ большую картину, изображающую „Поклоненіе богомольцевъ папѣ Льву XIII“. Въ этомъ сюжетѣ Либермана, очевидно, привлекала разработка массовой проблемы. Онъ жаждалъ создать своей кистью этотъ судорожный, сдержанный порывъ необозримой толпы, надъ которой, какъ оптической центръ картины, господствуетъ бѣлое пятно — папа въ торжественномъ бѣломъ одѣяніи, несомый на балдахинѣ. Но эта картина при всѣхъ своихъ достоинствахъ все-таки не вполне удалась Либерману и страдаетъ черезъ чуръ большой сухостью.

Лейстиковъ выставилъ нѣсколько своихъ нѣжныхъ пейзажей. И о немъ можно сказать то же, что о Либерманѣ. На послѣднихъ выставкахъ пейзажи Лейстикова до мучительности походили другъ на друга. Но этотъ художникъ вспомнилъ, — очевидно, подъ впечатлѣніемъ печальныхъ прогностикъ критиковъ, — самого себя, и вотъ, съ чувствомъ глубокой радости, стоишь передъ этими новыми работами Лейстикова, и вглядываешься въ эти тонкія румяныя дали, написанныя такъ женственно-нѣжно и свидѣтельствующія въ то же время о вѣрной и сильной рукѣ. Лейстиковъ первый открылъ художественное значеніе берлинскаго пейзажа, и кто не знаетъ Берлина, никогда бы не подумалъ, что эти высокія, голыя сосны, величаво возвышающіяся на холмистыхъ склонахъ у береговъ синихъ озеръ, находятся всего лишь въ полчаса ѣзды отъ гулко рокочущей Фридрихъ-Штрассе съ ея бесконечно катящимися волнами людей.

Истинный нѣмецъ, уроженецъ восточной Германіи, — Луи Коринтъ. Его полотна какъ будто дрожатъ подъ давленіемъ дикой, сдержанной силы. Коринтъ — свѣтлокудрый варваръ, взявшій вмѣсто копыя въ свои всеокрушающія руки — кисть, вмѣсто щита — палитру. Его картины созданы широкими мощными мазками. Онъ пишетъ, какъ будто онъ рубитъ съ плеча. Его краски сочны и ярки. Чувственность, бѣшенная страсть первобытнаго германца кричитъ въ его искусствѣ. Онъ любитъ изображать кровь, голыя тѣла, раны... Я вспоминаю одну изъ его выставокъ въ салонѣ Кассирера, на которой онъ выставилъ цѣлый рядъ картинъ съ изображеніемъ свинныхъ и бычачьихъ тушъ. Изъ нихъ говорила, нѣтъ, — кричала бѣшенная жажда крови, и эти сочные, налитые кровью куски красного

мяса какъ будто были написаны въ какомъ-то опьяненіи. На этой выставкѣ Коринтъ выставилъ „Снятіе со креста“, пугающее ужасомъ бѣдныхъ, изорванныхъ гвоздями въ клочки ногъ и рукъ и блѣднаго, до невозможности измученнаго лица. Кромѣ того, Коринтъ выставилъ сцену „Изъ юности Зевса“, которая своей вакханаліей лишь одной краски: цвѣта голаго человѣческаго тѣла—является однимъ изъ типичнѣйшихъ произведеній этого художника.

Совершенно противоположенъ ему—Максъ Слефогтъ. Если у Коринта живопись — стихійная борьба кисти съ холстомъ, то у Слефогта она является стратегически тонко намѣченнымъ походомъ. У него все расчитано, каждый красочный эффектъ выслѣженъ, все какъ-то искусно обдумано. Выставленные имъ портреты всѣ сдѣланы очень умно, даже слишкомъ умно. Это и есть главный недостатокъ Слефогта. Его картины черезъ-чуръ искусственны; въ нихъ мало самобытнаго и слишкомъ сильно чувствуется расчетливость, съ которой положены краски. Въ нѣкоторыхъ картинахъ, напримеръ, въ его портретѣ генерала въ бѣломъ мундирѣ съ краснымъ воротникомъ, ауфшлагами и нашивками, который безъ этихъ стремленій къ эффекту былъ бы прямо великолѣпенъ, онъ губить своей манерностью цѣльность впечатлѣнія; въ этихъ картинахъ есть нѣчто непріятно-театральное.

Какъ величавы въ сравненіи съ бющими на эффектъ портретами Слефогта молчаливые и благородные портреты Рейнгольда Лепсіуса. Необычайная легкость соединяется въ нихъ съ глубокой серьезностью и тонкимъ душевнымъ чутьемъ. Вотъ истинный мастеръ портретной живописи! Передъ этими холстами, на которыхъ утонченнѣйшее и нѣжнѣйшее дарованіе запечатлѣло свои глубокія проникновенія въ тайны человѣческихъ лицъ невольно понимаешь, почему поэта Стефана Георге связываетъ именно съ этимъ художникомъ тѣсная дружба. Отпечатокъ благородства лежитъ и на картинахъ супруги Лепсіуса—Сабины Лепсіусъ.

Назвавъ эти имена, мы перечислили всѣхъ вождей берлинскаго Сецессиона. Обратимся, теперь отъ „мастеровъ“ къ „молодымъ“. Самые старшіе изъ нихъ: Балушекъ и Бранденбургъ-Гансъ Балушекъ извѣстенъ какъ художникъ развивающагося Берлина. Съ одинаковой любовью онъ ведетъ васъ по шумящимъ, кипящимъ народомъ улицамъ и по запустѣлымъ переулкамъ. Онъ закрѣпляетъ на полотнѣ гигантскую, тяжело дышащую жизнь берлинскихъ желѣзнодорожныхъ станцій и далѣ въ своей колоссальной картинѣ „Вокзалъ“, выставленной два года тому назадъ, одно изъ самыхъ захватывающихъ виднѣй изъ жизни современнаго Берлина. Но больше всего Балушекъ любитъ міръ нищихъ, вѣчно голодныхъ пролетаріевъ и босяковъ. Главная за-

слуга Балушека.—что онъ далъ будущимъ вѣкамъ, благодаря безчисленному количеству своихъ картинъ и рисунковъ, возможность вникнуть въ этотъ загадочный мѣръ нищеты и преступленія, и еще разъ пережить всѣ фазисы развитія гигантской машины—Берлинъ.

Это культурное значеніе картинъ Балушека значительно превышаетъ художественное; Балушекъ—хорошій рисовальщикъ, но чисто живописной стихіи въ немъ мало. Еще слабѣе, какъ художникъ,—Мартинъ Бранденбургъ, выставившій „Юва“ и цѣлый рядъ мелкихъ фантастическихъ картинъ. Здѣсь все такъ неискренно, натянуто, такъ дѣтски-неуклюже, что остается лишь удивляться, какъ жюри могло принять эти картины. Наверное, лишь изъ сожалѣнія къ уже не молодому художнику, бывшаго съ перваго дня членомъ Сецессіона и впервые недопущеннаго въ прошломъ году.

Теперь слѣдуетъ обратиться къ той группѣ „молодыхъ“, которая образуетъ своего рода „лейбъ-гвардію“ вождей Сецессіона. Эта группа играетъ главную роль на выставкахъ въ салонѣ Кассирера (связанномъ тѣсными узами съ Сецессіономъ) и ее принято считать официальнымъ наслѣдникомъ теперешнихъ предводителей Сецессіона. Все это, конечно,—„либермановцы“ и ультра-реалистичные импрессионисты. Ихъ работы стоятъ на высокомъ уровнѣ и заслуживаютъ неограниченное одобреніе, но въ нихъ слишкомъ мало побѣдной индивидуальности, а, напротивъ,—хотя похвальное, но какъ-то не вполне естественное для молодежи, поклоненіе передъ авторитетами. У Роберта Брейера, Филиппа Франка, Леопольда фонъ Кёнига, Конрада фонъ Кордорфа, и братьевъ Генриха и Ульриха Гюбнеръ—у всѣхъ этихъ молодыхъ художниковъ преобладаетъ серьезность и солидность; чувствуется гордое самосознаніе наслѣдникахъ престола берлинскаго Сецессіона, наложившее на нихъ свой отпечатокъ. Интереснѣе ихъ Куртъ Германъ, со своими сильными natures mortes, написанными смѣлыми мазками неимпрессионистической техники,—и три пейзажа Пауля Баума, написанные техникой поэтиллистовъ. Эти мириады пестрыхъ точекъ, покрывающихъ какъ безконечное число конфетти холстъ, сливаются въ нѣжиѣйшія, красочныя видѣнія, не поддающіяся инымъ способамъ закрѣпленія ихъ на полотнѣ.

Остается обратить вниманіе на подрастающее поколѣніе молодыхъ берлинцевъ. Ихъ всего трое: Тео фонъ Брокгузенъ, съ своими продуманными, но черезъ-чуръ сухими ландшафтами; нервный, быстрый Потнеръ, съ его смѣло набросанными, сильными пейзажами, и, наконецъ,—homo novus: Максъ Бекманнъ. Бекманнъ впервые появился на этой выставкѣ и сразу изумилъ всѣхъ оригинальностью и силой своего таланта. Онъ выставилъ всего двѣ картины: „Сѣрое море“, изумительное по своей гениально-смѣлой

техникъ, и большое полотно „Больныя дѣти“, пугающее своей холодной безпощадностью и мрачнымъ ужасомъ, вѣющимъ надъ этими одержимыми корчами, озвѣрѣлыми молодыми идиотами. Поэтому выдающейся заслугой Сецессіона останется всегда, что онъ познакомилъ насъ съ Бекманомъ, такъ какъ ужъ сегодня можно сказать, что въ его лицѣ нѣмецкое искусство приобрѣло новую силу, таящую въ себѣ, быть можетъ, пламя генія.

Чтобы закончить нашъ обзоръ работъ берлинскихъ художниковъ, намъ остается лишь остановиться у группы графиковъ. Самымъ интереснымъ слѣдуетъ назвать Франца Кристофа, ограничившагося, къ сожалѣнію, лишь однимъ рисункомъ. Но эти строго стилизованныя, живущія каждая своей собственной жизнью линіи опять убѣждаютъ насъ въ томъ, что въ лицѣ Кристофа, съ его почти японской легкостью кисти руки, Германія имѣетъ сильнаго и смѣлаго художника. Рядомъ съ нимъ блекнутъ рисунки Эрнста Штерна, свидѣтельствующіе, однако, объ интересномъ дарованіи. Зато поражаютъ своей скорѣе мужской мощью и увѣренностью сильныя офорты г-жи Катѣ Коллвигъ и портреты Германа Штрука, молодого художника-офортиста, создавшаго себѣ имя своими офортами: пейзажами и, особенно, портретами. На этой выставкѣ особенно хорошъ портретъ поэта Рихарда Демеля. Здѣсь Штруку вполне удалось выразить въ этомъ темномъ, какъ будто сожженномъ внутреннимъ огнемъ лицѣ съ его дикимъ, сухимъ взглядомъ подъ насупленными бровями всю сущность этого поэта, который и здѣсь является опять тѣмъ же мощнымъ, возставшимъ противъ боговъ, гигантомъ, ненавидящимъ олимпійцевъ и въ то же самое время страдающимъ подъ рокомъ, лишившимъ его ихъ божественной мудрости, величаваго спокойствія души и ихъ всеобъемлющей любви. Портреты Штруна современныхъ поэтовъ и писателей (онъ создалъ, кромѣ Демеля, еще портреты Гауптмана, Ганса Ланда, Эрнста Геккеля, Альфреда Керра и др.) для грядущихъ временъ будутъ лучшими документами для проникновенія въ душевную жизнь этихъ людей.

Отъ берлинскихъ художниковъ обратимся теперь къ искусству остальной Германіи. Прежде всего остановимся на старшемъ поколѣніи художниковъ. Изъ нихъ, пожалуй, самымъ выдающимся можно назвать живущаго въ Веймарѣ, городѣ Гете и Шиллера, — Людвигъ фонъ Гофманъ. Гофманъ—представитель чисто-германскаго искусства. Въ то время, какъ берлинцы во главѣ съ Либберманомъ являются лишь продолжателями французскихъ импрессионистовъ. Гофманъ—прямой наслѣдникъ Ансельма Фейербаха и Ганса фонъ Марэ, отчасти Бёклина. Картины, выставленныя Гофманомъ въ этомъ году, —изъ его лучшихъ, и своими чудными, ярко горя-

щими красками онѣ дають прекрасное понятіе объ этомъ художникѣ, живущемъ въ вѣчномъ красочномъ экстазѣ.

Если искусство Гофмана — опьяненіе и восторгъ, то, напротивъ, искусство штутгартцевъ — трезво и серьезно; если Гофманъ несетя въ вакхическомъ танцѣ, то графъ Калкрейтъ и Бернгардъ Панкокъ съ широко разставленными ногами мощно упираются въ землю. Отъ ихъ картинъ вѣтъ солидности. Въ большомъ пейзажѣ Калкрейта, въ маленькихъ портретахъ и въ большой семейной группѣ Панкока такъ бросается въ глаза эта тяжелая, но добросовѣстная работа. Почти то же можно сказать и о картинахъ обоихъ маститыхъ художниковъ изъ Карлсруэ: Гансъ Тома и Вильгельмъ Трюбнеръ точно такъ же трезвы и солидны, какъ Калкрейтъ и Панкокъ. Благодаря своей вялой добродѣтельности, Тома и сдѣлался любимцемъ нѣмецкихъ мѣщанъ. Нѣсколько интереснѣе Трюбнеръ, который, при всей своей сухости, — истинный художникъ и если ему и не удастся завладѣть любовью зрителя, то онъ все-таки безспорно завладѣваетъ ихъ уваженіемъ.

Значительно легче всѣхъ этихъ художниковъ — мюнхенцы. Стоить только взглянуть на набросанные съ бѣшеной лихостью портреты Шлитгена или на эlegantные, шикарно написанные, хотя не лишенные большой доли рутинерства, портреты Гуго фонъ Габермана, чтобы убѣдиться въ этой коренной разницѣ. Очень плохъ въ этомъ году Штукъ, все болѣе и болѣе впадающій въ шаблонное подраженіе самому себѣ; призракъ омертвѣлаго академизма заглядываетъ ему уже черезъ плечо. Карль Стратманъ выставилъ лишь двѣ картины. Одна, изображающая недурно написанную женщину среди гирлянды чайныхъ розъ, не стоитъ на томъ уровнѣ, на которомъ мы привыкли видѣть Стратмана; зато другая — колоссальныхъ размѣровъ ландшафтъ съ волнующимся полемъ маковыхъ цвѣтовъ и надвигающейся грозой — одно изъ лучшихъ произведеній художника. Изумительна его стилизація, распространяющаяся даже на мельчайшія детали, что при такихъ размѣрахъ картины свидѣтельствуетъ о прямо безпримѣрномъ трудѣ.

Изъ ворсведерцевъ прислали трое свои работы на выставку: Гансъ амъ Энде, Отто Модерзонъ и Фритцъ Макензенъ. Всѣ ихъ картины похожи другъ на друга, и это не удивительно, такъ какъ всѣ они находятся подъ однимъ вліяніемъ: окружающей ихъ природы, безконечнаго пустыннаго пространства, поросшаго болотными растеніями и тощими, бѣлыми березками. И эту природу, бѣдную красоты которой они такъ полюбили своей горячей и вѣрной любовью, они и изображаютъ на своихъ полотнахъ. Удивительно ли послѣ этого, если эти полотна такъ мало отличаются другъ отъ друга? Самый интересный и индивидуаль-

ный изъ колоніи Борпсведе — Генрихъ Фогелеръ — на этотъ разъ въ выставкѣ не участвуетъ, о чемъ остается лишь пожалѣть.

Изъ молодыхъ силъ, которыя отчасти мало знакомы, отчасти вообще впервые выступаютъ на этой выставкѣ передъ публикой, надо отмѣтить акварели Ганса Лихтенбергера, выказавшаго тонкій красочный вкусъ, этюдъ Э. Р. Вейсса, декоративную картину Геттнера, хотя уже черезъ-чуръ пеструю. Затѣмъ подѣ сильнымъ впечатлѣніемъ импрессионистовъ находится цѣлая группа молодежи, среди которой особенно ярко выдѣляются Г. Пуррманъ, давшій въ своей картинѣ „Улица съ флагами“ маленькій шедевръ импрессионистическаго искусства.

Какъ и въ предыдущіе годы, такъ и въ этомъ году Сецессионъ пригласилъ значительное количество выдающихся иностранныхъ художниковъ. Французы представлены особенно хорошо такъ какъ Сецессионъ, хотѣлъ дать на этой выставкѣ полный обзоръ современнаго французскаго нео-импрессионизма. Удалось даже раздобыть два интересныя полотна Эдуарда Манэ, но размѣры маленькаго зданія, заставили, пропустивъ 20 славныхъ лѣтъ французской живописи: періодъ борьбы и побѣдъ Манэ, Ренуара, Дега и Писсарро, далѣе перейти прямо къ ихъ послѣдователямъ и наслѣдникамъ — нео-импрессионистамъ: Полю Синьяку, Тео ванъ Риссельбергу, Эдмонду Кроссу, Вальтѣ (Valtat), М. Люсу, Пьеру Боннару и Вьюяру (Vuillard). Непростительно лишь, что учредителямъ выставки не удалось добыть картины Жоржа Сера (Seurat), безъ него обзоръ развитія нео-импрессионизма нельзя назвать полнымъ, такъ какъ онъ первымъ создалъ эту технику призматическаго разложенія красокъ. Хотѣлось бы также видѣть въ числѣ нео-импрессионистовъ и Ванъ-Гога.

Среди импрессионистовъ — самый аристократичный Т. ванъ Риссельбергъ. Тона его нѣжны и туманны, словно подернуты тонкой дымкой. Мужественнѣе и ярче его Поль Синьякъ. Передъ его „морскими видами“ сознаешь, какія богатая возможности даетъ художнику техника разложенія всѣхъ цвѣтовъ на отдѣльныя красочныя пятна. Благодаря ей, полотно кажется не мертвымъ клочкомъ холста, а кускомъ живой природы: красочныя пятна, сливаясь, создаютъ какъ будто бы атмосферу, дрожащій воздухъ, въ которомъ всѣ фигуры выражаются пластично и жизненно. То же можно сказать и о нѣжныхъ „Венеціанскихъ видахъ“ Эдмонда Кросса.

У Вольта еще чувствуется вліяніе Мона, но, избѣгая углубленія въ мелочи, онъ закрѣпляетъ на полотнѣ лишь самыя выдающіяся части пейзажа и, благодаря такому методу, его картины получаютъ нѣчто грандіозное, сильно захватывающее. Боннаръ и Вьюяръ выставили рядъ панно, особенно выдающихся у Вьюяра, обладающаго, несомнѣнно, болѣе развитымъ декоративнымъ инстик-

томъ, чѣмъ Боннаръ. За то чисто красочный инстинктъ сильнѣе развитъ у Боннара. Среди его картинъ есть истинный шедевръ: женскій портретъ, написанный съ неподобнымъ мастерствомъ.

Отдѣльно отъ группы старшихъ и младшихъ нео-импрессионистовъ стоятъ искатели новаго искусства, искусства грандіозныхъ линий, искусства стилизованнаго, удовлетворяющаго не только глазу, но и душу. Первымъ безумцемъ, бросившимся въ поиски за новой истиной, былъ Поль Гогенъ. Жанъ-Жакъ Руссо живописи, онъ покинулъ Европу съ ея старой культурой и поплылъ къ дѣвственнымъ берегамъ Таити въ поискахъ за новымъ искусствомъ. На выставкѣ Сецессиона Гогенъ представляетъ двумя блестящими картинами. Обѣ изъ таитянскаго періода его жизни. Одна—прекрасный пейзажъ дѣвственнаго лѣса. Другая—замѣчательнѣйшее „Рожденіе Христа“, одно изъ лучшихъ твореній художника, къ искренней радости нѣмецкихъ артистическихъ круговъ приобретенное берлинской „Национальной Галлереей“. Пресвятая Дѣва и всѣ окружающіе на полотнѣ изображены въ видѣ таитянцевъ, такъ какъ вся картина приурочена къ пониманію туземцевъ. Поэтому Пресвятая Дѣва и лежитъ не въ такъ хорошо знакомой намъ картинѣ европейскихъ художниковъ обстановкѣ, а въ малайской хижинѣ. Но, несмотря на эту экзотическую внѣшность, придающую, впрочемъ, картинѣ своеобразную прелесть, это произведеніе Гогена поражаетъ красотой своего колорита: надо видѣть эту чудную игру синихъ и желтыхъ тоновъ, чтобы понять всю прелесть этого полотна.

Другой искатель новыхъ путей—Мори съ Денисъ. Пользуясь всеми средствами современной импрессионистической техники, онъ создаетъ грандіозно-стилизованныя картины, которыя принадлежатъ къ замѣчательнѣйшимъ явленіямъ современнаго искусства. На выставкѣ Сецессиона онъ выставилъ четыре картины, изъ которыхъ двѣ: „Поклоненіе волхвовъ“ и „Мать съ ребенкомъ“—принадлежатъ къ самымъ гениальнымъ твореніямъ французскаго искусства. Ст. необычайной силой онъ вырвалъ изъ темноты истекшихъ вѣковъ архаически-нѣжную красоту и вдохнулъ ей новую жизнь. Въ его картинахъ,—все совершенно: могучая красота линий и нѣжная прелесть тонкихъ, зеленоватыхъ и фіолетовыхъ тоновъ сплетаются въ одно цѣлое, незабвенное свидѣніе.

Интересно представлена на выставкѣ также французская скульптура (нѣмецкая,—не заслуживаетъ подробнаго разбора). Господствующее положеніе занимаетъ, конечно, Роденъ представленный лишь мелкой работой, которая, однако, обнаруживаетъ всю гениальность своего творца. Вполнѣ подъ его влияніемъ находится Ромбо (Rombeaux). Его колоссальная группа „Дочери Сатаны“ обнаруживаетъ во всемъ, что она возникла подъ впечатлѣніемъ величествен-

ныхъ твореній геніальнаго старца; но ей недостаетъ совершенства и художественной законченности. Гигантское искусство Родена, этотъ міръ скорченныхъ тѣлъ, сжимающихъ другъ друга въ объятіяхъ и трепещущихъ въ безумныхъ страстяхъ, должно было вызвать реакцію. И эта реакція явилась въ лицѣ двухъ молодыхъ скульпторовъ: француза Э р и с т и да М а й о л я (Maillol) и бельгіяца Ж о р ж а М и н н а. Безумному міру Роденовскаго искусства, находящагося въ вѣчномъ судорожномъ движеніи, они противопоставили окаменѣвшую маску вѣчнаго спокойствія; крику—молчаніе; жизни—смерть. Образцами Майолю служили созданія греческихъ и египетскихъ скульпторовъ, благородное совершенство которыхъ ему удалось повторить въ нѣкоторыхъ изъ выставленныхъ имъ скульптурахъ. Жоржъ Миннъ жаждетъ возрожденія строгаго готическаго искусства. Всѣ его произведенія носятъ на себѣ отпечатокъ того одухотвореннаго отреченія, которое характерно для готики. Эти мужчины и женщины, созданные Минномъ,—всѣ длинные и мрачные, съ угловатыми движеніями и худыми руками, съ лицомъ, носящимъ печать глубокой скорби. На выставкѣ Сецессиона Миннъ выставилъ лишь одну женскую голову, обычнаго своего типа и чудной страдальческой красоты.

Число остальныхъ иностранцевъ не велико. Изъ русскихъ слѣдуетъ назвать К о н с т а н т и н а С о м о в а, пользующагося въ Германіи большою популярностью. Къ сожалѣнію, онъ ограничился маленькою акварелью „Cicisbeo“; но и въ ней встаетъ вся прелесть его нѣжнаго дарованія. Очень интересенъ въ этомъ году В а с и л і й К а н д и н с к і й. Отмѣчу еще красочную „nature morte“ А л е к с ѣ я Я в л е н с к а г о. — Норвежцевъ выставлено всего двое: В е р е н ш и л ь д ъ (Verenskjöld), пейзажи котораго радуютъ глазъ, и Э д в а р д ъ М у н к ъ, приславшій цѣлый рядъ интереснѣйшихъ полотнъ. Они оба—анархисты, съ дикимъ восторгомъ разрушающіе міръ съ его традиціями и законами и создающіе себѣ свои собственные міры. Въ портретахъ и пейзажахъ Мунка—этотъ новый міръ, въ которомъ все упрощено, въ которомъ нѣтъ переходовъ и полутоновъ, а все грозно, сильно и сурово, міръ жестокаго варвара, ненавидящаго изнѣженную культуру городовъ, но варвара съ тонкими, воспримчивыми нервами. Отчасти родствененъ съ нимъ датчанинъ В и л л у м з е н ъ, бывшій нѣкоторое время другомъ и ученикомъ Гогена. Подъ сильнымъ впечатлѣніемъ Гогеновской рѣзьбы изъ дерева исполнены скульптуры Виллумзена: „Надгробный памятникъ монаховъ-родителей“, „Голова юноши“ и „Война“.—Голландцы, англичане и испанцы представлены на выставкѣ слабо.

Максиміанъ Шкѣль.

ВЫСТАВКИ ОБЩЕСТВА ИМЕНИ „ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ“ ВЪ МОСКВѢ.

1. ВЫСТАВКИ: АФИШЪ, АКВАРЕЛЕЙ И РИСУНКОВЪ, И «МОЛОДЫХЪ».

Обычно глухая, первая половина московскаго художественнаго сезона обязана нѣкоторымъ своимъ оживленіемъ дѣятельности новаго предприятия, почему-то именующаго себя „Обществомъ имени Леонардо-да-Винчи“. За короткій срокъ это Общество успѣло устроить четыре художественныя выставки и тѣмъ самымъ обнаружило извѣстную долю энергіи. Но, конечно, энергія не есть единственное условіе, необходимое для истинно-культурной и художественно-цѣльной дѣятельности. До сихъ поръ результаты дѣятельности Общества слишкомъ невелики—одна выставка изъ устроенныхъ имъ организована совершенно плохо, другая—посредственная, третья незначительна и ненужна.

Какъ это часто бываетъ съ нашими художественными начинаніями, „выставка афишъ“ опоздала лѣтъ на десять. Въдѣ какъ разъ теперь на Западѣ миновало увлеченіе этой отраслью художественнаго дѣланія. На самой родинѣ афиши, въ Парижѣ, упадокъ замѣтенъ особенно; тамъ на этомъ поприщѣ состязаются нынѣ въ пошлости и грубости Jossot и Roubille. Разумѣется, хорошая и полная ретроспективная выставка можетъ быть всегда желанной и умѣстной. Но устроить ее нелегко; для этого надо располагать не одной только готовностью дѣйствовать, но и тонкимъ вкусомъ, солидными знаніями, большимъ опытомъ. Объ этомъ не приходится и говорить: у устроителей недавней выставки не нашлось даже того элементарнаго художественнаго такта, который долженъ былъ бы заставить ихъ вовсе отбросить три четверти выставленныхъ афишъ, какъ совершенно лишенныхъ всякой художественной цѣнности. Съ другой стороны поражаетъ крайняя неполнота. Хорошо извѣстно, что изъ всѣхъ парижскихъ рисовальщиковъ афишъ рѣзко выдѣляется и всѣхъ ихъ превосходитъ Тулузъ-Лотрекъ. Крупный художникъ, онъ — единственный изъ всѣхъ вложилъ всю душу свою и отдалъ всю свою жизнь на служеніе эту суетному дѣлу.

Съ афишами Лотрека связана цѣлая яркая полоса парижской жизни и искусства. И, несмотря на это, на недавней выставкѣ были показаны двѣ-три и не самыя лучшія афиши Лотрека. Тамъ не было ни „Jape Avril“, ни „Caudieux“, ни „Elles“ ни „Chocolat“, ни многихъ, многихъ другихъ. Не лучше поступлено и съ Шерэ. Выставлены были его рекламы для лампъ, керосина и „arétetif“ов“, на которыя художникъ размѣнялъ въ концѣ концовъ свой недюжинный талантъ. И ни одной изъ составившихъ ему заслуженную славу знаменитыхъ афишъ для маскарадовъ Оперы. Что касается Стенлена, то здѣсь хотя были извѣстныя „кошки“, но не мѣшало бы имѣть и гигантскую столь памятную афишу „La Rue“. Изъ новѣйшихъ рисовальщиковъ нѣтъ наиболѣе интересныхъ—Abel Faivre и Jean Veber. И это тогда, когда особенно преобладаютъ безобразнѣйшіе Capiello, Jossot и имъ подобные. Тотъ же въ общемъ характеръ носить и „отдѣлы“ другихъ странъ—Австрія съ пошлымъ Аухенталеромъ, и съ единственнымъ плакатомъ Климта. Швеція и Норвегія безъ Ларсона, Швейцарія съ фальшивымъ Зандрейтеромъ, Америка съ самыми неудачными изъ образцовъ Брадлея и т. д.

На выставкѣ „акварелей и рисунковъ“ тоже не чувствуется никакого объединяющаго начала. Здѣсь безо всякаго осмысленнаго выбора, какъ-то совершенно случайно, собраны произведенія художниковъ, принадлежащихъ къ разнымъ школамъ, къ разнымъ направленіямъ,—произведенія, иной разъ даже не новыя и очень часто несколько не характерныя для ихъ авторовъ. Есть, впрочемъ, на выставкѣ вещи К. Сомова, какъ всегда приковывающія вниманіе. За что ни возьмется Сомовъ, будь это большой, масляный портретъ, крошечная акварелька-фантазія, карандашный этюдикъ природы, вѣеръ, обложка книги, фарфоръ — все выходитъ тонко, высокохудожественно, умно и значительно. Сомовъ—одинъ изъ тѣхъ огромныхъ талантовъ, которые во всякомъ матеріалѣ и способѣ изображенія открываютъ какъ разъ самыя лучшія, характернѣйшія свойства. Это—геніальный „артизанъ“, одинъ изъ тѣхъ, какихъ знали позднее средневѣковье, или XVIII вѣкъ, или Японія, объемлющій всю внѣшность жизни и истончающій ее въ волшебное украшеніе. За подписью М. В. Добужинскаго есть на выставкѣ нѣсколько звучныхъ мотивовъ старинной и живописной Вильны, очень тонкія, интимныя вещицы, но, разумѣется, открывающія лишь малую часть таланта этого художника. Къ большому сожалѣнію, на выставкѣ нѣтъ другихъ блестящихъ петербургскихъ рисовальщиковъ, гг. Бакста, А. Н. Бенуа, Лансере, г-жи Остроумовой-Лебедевой. Д. Н. Кардовскій выставилъ двѣ скромныхъ вещицы. Изъ москвичей К. Ѡ. Юону чрезвычайно удалась „Зима“, одна изъ лучшихъ работъ на всей выставкѣ. Удивительно умно и тонко под-

черкнута здѣсь бѣлизна снѣговъ и небесъ яркой аlostью стѣнь избушки. Едва ли не единственные интересные рисунки карандашомъ принадлежать Н. П. Ульянову. Особенно хорошъ точный, художественно-лаконическій портретъ г-жи Морозовой. А. О. Гаушъ пробуетъ себя въ виньеткѣ; его узорная „березка“ очень мила. В. И. Денисовъ, С. Ю. Жуковский, Н. П. Крымовъ—все тѣ же, какъ и всегда. „Водное заклѣtie“ Н. К. Рѣриха страдаетъ нѣкоторой слащавостью красокъ. Б. М. Кустодѣевъ показалъ нѣсколько небрежныхъ и грубыхъ пейзажей и дурной плакатъ „молотъба“. А. В. Срединъ выставилъ множество „interieur'овъ“: это—этюды Шереметьевского дворца въ Кусковѣ или эскизы. Какъ тѣ, такъ и другіе нѣсколько сбивчивы, смазаны и нетверды въ рисункѣ. При снисходительности можно найти интересныя частности въ томъ, что выставили г-жа Линдеманъ, г-жа Луговская-Дягилева, Р. П. Браиловская, Н. С. Ефимовъ, Г. Косяковъ, С. В. Ноаковскій и П. И. Петровичевъ. Все же остальное въ огромномъ большинствѣ не заслуживаетъ никакого вниманія. Это или подражанія, преимущественно Мусатову (Якимченко, Хрустачевъ), или ученическіе опыты (Гончарова, Рождественскій и пр.) или, наконецъ, просто ребяческіе опыты, вдобавокъ проiakнутые нестерпимой претенціозностью (Браиловскій, М. Куанцовъ, Келлеръ и многіе др.).

Представители послѣдней категоріи преобладаютъ на третьей выставкѣ Общества имени Леонардо-да-Винчи, гдѣ они выступаютъ подъ заманчивымъ девизомъ „молодыхъ художниковъ“. Здѣсь фигурируютъ еще гг. Захаровъ, Кузнецовъ-Волжскій и г-жа Некрасова. Это „начинаніе“ Общества лишено даже малой доли интереса. Остативливаютъ вниманіе только Н. П. Крымовъ своей нѣжной пепельно-серебристой весной, да г. Эберманъ, который выставилъ красивую фигурку съ шалью, пріятно напоминающую старинныя гуаши.

П. Муратовъ.

2. Выставка репродукцій съ произведеній Рембрандта.

Въ Москвѣ нравственная обязанность откликнуться на юбилей Рембрандта, несомнѣнно, лежала на Румянцевскомъ музеѣ. Подлинное полотно Рембрандта изъ лучшей эпохи его творчества, коллекція его офортовъ и нѣсколько картинъ его учениковъ, которыми обладаетъ музей, могли составить очень интересное ядро соответствующей выставки, которую не трудно было бы пополнить изъ ресурсовъ частныхъ коллекціонеровъ. При умѣломъ устройствѣ она, въ цѣломъ, для значительной части московской публики, вѣроятно, была бы настоящимъ художественнымъ откровеніемъ. Но,—увы!—лица, стоящія

во главѣ нашихъ музеевъ, очень далеки отъ роли насаждателей эстетической культуры и, очевидно, вполне удовлетворяются исполненіемъ исключительно консерваторскихъ обязанностей въ отношеніи къ ввѣреннымъ имъ художественнымъ сокровищамъ.

Слѣдуетъ поэтому быть благодарнымъ Обществу имени Леонардо-да-Винчи за устройство выставки хотя бы только репродукцій съ произведеній Рембрандта, и на нашъ взглядъ это самое симпатичное проявленіе среди немного лихорадочной дѣятельности новаго Общества. Къ сожалѣнію, осуществленіе счастливой идеи было мало удовлетворительно. Приходилось мириться съ тѣмъ, что публика не имѣла возможности познакомиться со всѣмъ ходомъ творчества Рембрандта, что выставка содержала воспроизведенія лишь шестой части его масляныхъ картинъ и что далеко не всѣ репродукціи были первокласснаго качества. Все же пробѣлы изъ такихъ исключительныхъ шедевровъ, составляющихъ этапы творчества голландскаго мастера, какъ „Синдики суконщиковъ“ изъ Амстердама, „Христосъ въ Эммаусѣ“, семейный портретъ изъ Брауншвейга, или „Блудный сынъ“, изъ Эрмитажа, были очень чувствительны и отчасти непростительны. Но еще больше удивляла и раздражала произвольность размѣщенія отдѣльныхъ гравюръ, отсутствіе хронологической нити, съ помощью которой получалось бы ясное представленіе о развитіи художественной мощи Рембрандта. А вѣдь держаться хронологическаго порядка было такъ легко! Кромѣ того, очень жаль, что устроители не позаботились о большемъ количествѣ цвѣтныхъ автотипій, кстати, теперь очень дешевыхъ. Конечно, современная трехъ или четырехцвѣтка пока еще довольно несовершенна и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ вполне вѣрно передаетъ колоритъ подлинника. Но лицамъ, мало видавшимъ оригиналовъ Рембрандта, цвѣтныя репродукціи все-таки даютъ хоть нѣкоторое понятіе о магическихъ ихъ краскахъ и чарахъ ихъ золотистаго тона.

Центръ тяжести выставки, однако, лежалъ въ рисункахъ, собранныхъ въ очень большомъ количествѣ и въ большинствѣ прекрасно воспроизведенныхъ. Эти наброски, этюды, эскизы великолѣпно отражали всеобъемлющій геній Рембрандта, его поразительное мастерство и своеобразную фактуру, всегда полную такого горячаго темперамента. Тутъ и люди, хорошо знающіе художника по европейскимъ галлереймъ, навѣрно, находили много для себя новаго и всегда замѣчательнаго, такъ какъ вещи эти въ общемъ мало доступны, а полнаго изданія рембрандтскихъ рисунковъ пока не имѣется. Зато дивныя офорты мастера были представлены довольно бѣдно и блѣдно.

П. Эттингеръ.

ЗАМѢТКИ.

† Въ Краковѣ скончался Янъ Станиславскій, выдающійся польскій художникъ, сыгравшій, благодаря личнымъ качествамъ, значительную роль въ исторіи новѣйшаго польскаго искусства.

*

Отдѣленіе церкви отъ государства во Франціи неожиданно отразилось и въ области искусствъ. Министерство изящныхъ искусствъ занято проектомъ перевода Люксембургскаго музея, какъ извѣстно, находящагося въ совершенно неподходящемъ и тѣсномъ помѣщеніи, въ освободившееся зданіе бывшей семинаріи St. Suplice, которое легко можетъ быть приспособлено для этой новой цѣли.

*

Депутатъ Куйба въ объемистомъ томѣ издалъ полный списокъ всѣхъ произведеній искусства, принадлежащихъ французскому государству и находящихся въ церквяхъ, дворцахъ, префектурахъ, судебныхъ палатахъ, ратушахъ, госпиталяхъ etc.

*

Аббатство Saint Wandrille, одинъ изъ драгоценнѣйшихъ памятниковъ религіозной архитектуры XV вѣка, въ окрестностяхъ Кодбека, недалеко отъ Ивето (Uvetot), въ Нормандіи, приобрѣтено Морисомъ Матерлинкомъ. Послѣ необходимыхъ передѣлокъ, Матерлинкъ, еще съ лѣта текущаго года, думаетъ поселиться въ этомъ зданіи, представляющемъ собою цѣлый рядъ разныхъ построекъ, съ церковью, кельями и т. д.

*

Среди маленькихъ художественныхъ выставокъ, открытыхъ въ настоящее время въ Парижѣ, обращаютъ вниманіе „Выставка художниковъ-рисовальщиковъ“, гдѣ есть новыя вещи Стенлена и Валлотона, и выставка картинъ Жоржа Леммена.

*

Въ 1 №, 1907 г., журнала „Die Graphische Kunst“, г. П. Эттигеръ дѣлаетъ обзоръ произведеній русской графики, выставленныхъ на московскихъ выставкахъ 1905—1906 гг.

*

Русская музыка за границей.

Въ Прагѣ газеты и журналы отнеслись съ большимъ вниманіемъ къ музыкѣ В. Ребикова, съ которой чехи могли ознакомиться по концерту, устроенному обществомъ Mikeš и по постановкѣ оперы „Елка“ въ „Народномъ театрѣ“.—Въ Брюсселѣ Петербургскій кварталеръ (гг. Каменскій, Кранцъ, Борнганъ и Буткевичъ) дали вечеръ русской музыки, посвященный произведеніямъ Таяѣва, Бородина и Чайковскаго.—Въ Парижѣ, въ зданіи Большой Оперы, устраиваются историческіе концерты русской музыки. Исполнены будутъ въ четыре вечера, 19, 23, 26 и 30 мая, произведенія русскихъ композиторовъ отъ Глинки до нашихъ дней. Среди организаторовъ этого предпріятія стоятъ, между прочимъ, гг. Римскій-Корсаковъ, Глазуновъ и Рахманиновъ.

! Нѣсколько словъ

по поводу каталога русскаго отдѣла «Salon d'automne».

Съ обычнымъ для „Мірѣ Искусства“ художественнымъ тактомъ и вкусомъ изданъ каталогъ русскаго отдѣла „Salon d'automne“. На обложкѣ двуглавый орелъ, повидимому, съ набойки. Текстъ перебитъ группами репродукцій, что хотя нѣсколько и затрудняетъ справки, но придаетъ каталогу не совсѣмъ обычный видъ. Въ началѣ—предисловіе Дягилева и вступительная статья А. Бенуа. Отъ послѣдней, предназначенной, повидимому, руководить французской публикой, увлекательной и интересной въ исторической части, тамъ, гдѣ обзоръ переходитъ къ болѣе позднему времени, хотѣлось бы большого безпристрастія и въ особенности большого вниманія къ новымъ теченіямъ. Чѣмъ, какъ не невниманіемъ, объяснить то, что авторъ не обмолвился ни однимъ словомъ объ одномъ изъ талантливейшихъ художниковъ послѣдняго времени, къ тому же довольно полно представленномъ на выставкѣ, покойномъ Мусатовѣ, „Requiem“ котораго едва ли не одна изъ лучшихъ вещей русскаго отдѣла? Чѣмъ, какъ не тѣмъ же невниманіемъ, можно истолковать ту путаницу въ концѣ статьи, гдѣ Бенуа говоритъ о новыхъ школахъ? Переводимъ почти дословно: „Это движеніе (авторъ говоритъ о своихъ современникахъ—Коровинѣ, Сѣровѣ и Якунчиковой) еще въ полной силѣ; но вотъ уже тѣ, которые пришли первыми, видятъ появленіе болѣе молодыхъ; послѣдніе, основывая свое творчество на тѣхъ же принципахъ, ищутъ особыхъ путей, дорогихъ ихъ индивидуальнымъ склонностямъ. Въ настоящее время въ русскомъ современномъ искусствѣ можно намѣтить если не двѣ школы, то, по крайней мѣрѣ,

два разныхъ теченія—Петербургское, представителями котораго являются: К. Сомовъ, одинъ изъ самыхъ очаровательныхъ мастеровъ современнаго искусства, Бакстъ, Лансере, Добужинскій и авторъ этихъ строкъ,—и искусство Москвы, которое обязано своимъ происхожденіемъ Врубелю; представители его: Головинъ, Судейкинъ, Миліоти (который?) и Кузнецовъ“.

Во-первыхъ, это и „хронологически“ невѣрно; два разныхъ поколѣнія слиты въ одно; Головинъ, современникъ Врубеля, Сѣрова и Коровина, очутился въ непонятномъ и неожиданномъ единеніи съ Судейкинымъ, Кузнецовымъ и Миліоти. Прекрасно выразившемуся, имѣющему прошлое и въ большой мѣрѣ законченному кружку „Петербургцевъ“ противопоставлена въ Москвѣ группа молодыхъ, едва выступившихъ на сцену, художниковъ, а не Сѣровъ, Коровинъ и Врубель, какъ этого слѣдовало ждать. Но оставимъ „хронологию“ въ сторонѣ и все-таки остается непонятнымъ какъ могъ чуткій понимающій критикъ смѣшать въ одномъ общемъ отъ Врубеля происхожденіи такихъ противоположныхъ художниковъ, какъ Головинъ, съ одной стороны, и Кузнецовъ съ Судейкинымъ—съ другой? Что общаго между свѣтлымъ, отвлеченнымъ мечтателемъ Павломъ Кузнецовымъ и конкретнымъ, красочнымъ, подчасъ „иллюстративнымъ“ Врубелемъ? Что общаго между Головинымъ и Судейкинымъ? И если даже и можно было бы на Судейкинѣ прослѣдить вліяніе Врубеля, то достаточно ли этого, чтобы заключить о происхожденіи отъ Врубеля? Такое поверхностное отношеніе могло бы привести насъ къ самымъ неожиданнымъ заключеніямъ. А между тѣмъ при внимательномъ отношеніи можно было бы въ этихъ молодыхъ художникахъ найти то общее, тѣ задачи, скажу, будущаго, но уже ясно поставленныя, которыя, отдѣляя ихъ отъ Врубеля и Головина, проводятъ опредѣленную грань во времени отъ „Петербургцевъ“. Бенуа не замѣтилъ или не хотѣлъ видѣть, что здѣсь зараженіе новыхъ теченій, что здѣсь не двѣ одновременныхъ школы, а два разновременныхъ теченія, что здѣсь именно умѣстны его слова: „тѣ, которые пришли первыми, видятъ приходъ болѣе молодыхъ“. Обидно, что такая „невыясненность“ нашла себѣ мѣсто тамъ, гдѣ такъ цѣнно спокойное, объективное отношеніе.

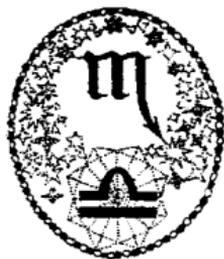
„Тактичной“ внѣшности каталога не соответствуетъ содержаніе руководящей статьи.

В. М.—п.

ВЪСЫ

СКОРПИОНЪ

ВѢСЫ

ЕЖЕМЪСЯЧНИКЪ ИСКУССТВЪ И ЛИТЕРАТУРЫ.

Годъ изданія четвертый.

Въ 1907 году „Вѣсы“ вступаютъ въ четвертый годъ изданія. За прошедшіе три года ихъ программа и направленіе выяснились съ достаточной опредѣленностью.

„Вѣсы“ идутъ своимъ путемъ между реакціонными группами писателей и художниковъ, которые до сихъ поръ остаются чужды новымъ теченіямъ въ искусствѣ (получившимъ извѣстность подъ именемъ „символизма“, „модернизма“ и т. под.) и революціонными группами, полагающими, что задачей искусства можетъ быть вѣчное разрушеніе безъ строительства. Соглашаясь, что кругъ развитія той школы въ искусствѣ, которую опредѣляютъ именемъ „новаго искусства“, уже замкнулся, „Вѣсы“ утверждаютъ, что дальнѣйшее развитіе художественнаго творчества должно брать исходной точкой — созданное этой школой.

Согласно съ этимъ, „Вѣсы“ ставятъ передъ собой въ области литературы двойную задачу. Съ одной стороны—они подводятъ итоги поэтическому творчеству Европы за послѣдніе тридцать лѣтъ, стараясь опредѣлить, что оно дало истинно-значительнаго, отдѣлить существенное и вѣчное отъ случайнаго и уродливаго. Съ другой стороны, оцѣнивая современную литературную дѣятельность, „Вѣсы“ выясняютъ ея преемственную связь съ только-что пережитой эпохой, чтобы отграничить дѣйствительное движеніе впередъ отъ попытокъ реакціи и беспочвенныхъ построеній.

„Вѣсы“ за все время своего изданія особенно заботились о томъ, чтобы ихъ читатели были освѣдомлены о культурной жизни всего міра. Имѣя собственныхъ корреспондентовъ во всѣхъ центрахъ умственной жизни, „Вѣсы“ могутъ давать своевременные и самостоятельные отчеты о всѣхъ выдающихся художественныхъ выставкахъ, лекціяхъ, театральныхъ и музыкальныхъ исполненіяхъ и т. под. Въ подробной библиографіи ежемѣсячно даются отзывы о новыхъ книгахъ, появившихся на русскомъ, польскомъ, чешскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ, итальянскомъ, шведскомъ, норвежскомъ, ново-греческомъ и другихъ европейскихъ языкахъ.

Съ 1906 года въ „Вѣсахъ“ введенъ беллетристическій отдѣлъ, въ которомъ печатаются романы, повѣсти, рассказы, сказки, драматическія произведенія, стихотворенія и т. под., какъ оригинальные и переводные. Къ кругу сотрудниковъ „Вѣсовъ“ принадлежатъ какъ всѣ писатели, группирующіеся уже въ теченіе 7 лѣтъ вокругъ книгоиздательства „Скорпионъ“, такъ и многіе дѣятели другихъ литературныхъ группъ. Этотъ кругъ постоянно пополняется молодыми силами.

Въ области художественной „Вѣсы“ стараются знакомить читателей съ произведеніями современной живописи и графики, русской и иностранной. Большая часть рисунковъ, даваемыхъ въ „Вѣсахъ“, появляется въ репродукціяхъ въ первый разъ—съ оригиналовъ, принадлежащихъ редакціи или предоставленныхъ въ ея распоряженіе авторами. Другіе воспроизводятся съ изданій рѣдкихъ или вышедшихъ въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ. „Вѣсы“ стремятся къ тому, чтобы помѣщаемые рисунки по возможности точно, fac-simile, воспроизводили оригиналь. Въ каждомъ № „Вѣсы“ даютъ отъ одного до четырехъ рисунковъ на отдѣльныхъ листахъ, исполненныхъ, въ одинъ тонъ или въ нѣсколько красокъ, литографіей, фототипіей, цвѣтной автотипіей и др. способами печатанія. Текстъ, кромѣ того, украшается художественными заставками и концовками.

„Вѣсы“ печатаются на лучшей бумагѣ верже, специально изготовленной для этого изданія, и выходятъ ежемѣсячно (12 №№ въ годъ) тетрадами отъ 80 до 100 и болѣе страницъ. Небольшой,

сравнительно, объемъ журнала объясняется отсутствіемъ въ немъ литературнаго балласта, обычнаго въ „толстых“ журналахъ, напр., компилятивныхъ статей по различнымъ вопросамъ науки или переводовъ романовъ, уже появившихся въ отдѣльномъ изданіи. Давая только новое и самостоятельное, редація „Вѣсовъ“ заботится объ томъ, чтобы каждую книжку журнала читатель могъ прочитать съ интересомъ отъ начала до конца.

Въ „Вѣсахъ“ принимаютъ участіе:

Русскіе писатели: Ю. Айхенвальдъ, пр. доц. Е. Аничковъ. Ю. Балтрушайтисъ, К. Бальмонтъ, Н. Бердяевъ, А. Блокъ, И. Бороздинъ, Валерій Брюсовъ, Андрей Бѣлый, Ю. Верховскій, М. Волошинъ, З. Гиппиусъ, С. Городецкій, И. Грабаръ, В. Григорьевъ, Н. Гумилевъ, О. Дымовъ, С. Ещбоевъ, Вяч. Ивановъ, В. Каллашъ, А. Кондратьевъ. А. Курсинскій, М. Кузминъ, Н. Лернеръ, М. Ликиардопуло, А. Лютеръ, Д. Мережковскій, Н. Минскій, П. Муратовъ, Н. Петровская, С. Рафаловичъ, А. Ремизовъ, В. Розановъ, Б. Садовской, В. Саводникъ, С. Соловьевъ, Ѳ. Сологубъ, Д. Философовъ, К. Чуковский, Г. Чулковъ. И. Щукинъ, П. Эттингеръ и мн. др.

Иностранные писатели: Дж. Амендола (Римъ), А. ванъ-Бенеръ (Парижъ), Эсмеръ-Вальдоръ, Ренэ Гиль (Парижъ), Жанъ и Реми де-Гурмонъ (Парижъ), Дагни Кристенсенъ (Христіанія), проф. В. Морфиль (Оксфордъ), С. Мэзонъ (Лондонъ), П. Нирванасъ (Аѳины), Э. Остерманъ (Стокгольмъ), Дж. Папини (Флоренція), Ст. Пшибышевскій (Мюнхенъ), А. Симонсъ (Лондонъ), М. Шикъ (Берлинъ), И. Шнабль (Прага), Ф. Эверсъ (Германія). — Произведенія этихъ писателей доставляются намъ въ рукописи.

Русскіе художники: Л. Бакстъ, П. Кузнецовъ, Л. Мейстеръ, В. Милюти, Н. Рерихъ, Н. Сапуновъ, К. Сомовъ, Л. Пастернакъ, С. Судейкинъ, М. Шестеркинъ, Н. Ѳеофилактовъ и др.

Иностранные художники: К. Брунелески, К. Вальзеръ, А. де-Каролисъ, Ф. Кристофъ, Г. Крэгъ, Ш. Лакостъ, Е. Надельманъ, Тео ванъ-Риссельберге, Одилонъ Рэдонъ, Фидусъ и мн. др.

Еъ первыхъ №№ „Вѣсовъ“ 1907 г. будетъ, между прочимъ, помѣщено:

Валерій Брюсовъ. Огненный Ангелъ. Романъ изъ жизни XVI вѣка.

К. Бальмонтъ. Малыя Зерна. Мысли и ощущенія.

Оскаръ Уайльдъ. Флорентинская трагедія. Ново-найденное произведеніе. (Переводъ съ рукописи).

Андрей Бѣлый. Кубокъ Метелей. IV симфонія.

Андрей Бѣлый. Художникъ оскорбителямъ. Манифестъ.

Андрей Бѣлый. Паннихида. Лирическая поэма.

Ө. Сологубъ. Литургія Мнѣ. Мистерія.

Ю. Балтрушайтисъ. Мое нисхождение съ Эдгаромъ По. Разсказъ.

М. Кузминъ. Исторія любви этого лѣта. Лирическая поэма.

А. Блокъ. Незнакомка. Драма.

З. Гиппіусъ. Письма изъ Парижа.

З. Гиппіусъ. Безъ міра. Наоборотъ. Мы и они. (Статьи).*

Ш. Лербергъ. Приключенія принца Сатурна. Сатирическій романъ.

Ренэ Гиль. Французская поэзія въ 1906 году. (Обзоръ).

Максимиліанъ Шикъ. Берлинскія художественныя выставки въ 1906 году. (Обзоръ).

А. Лютеръ. Нѣмецкая литература въ 1906 году. (Обзоръ).

Стюартъ Мэзонъ. Англійская литература въ 1906 г. (Обзоръ).

А. де Ринальдисъ. Современная итальянская живопись.

Неизданные стихи А. Пушкина, Е. Баратынскаго, Н. Огарева и др.

Новые стихи: К. Бальмонта, Валерія Брюсова, Андрея Бѣлаго, С. Городецкаго, М. Волошина, Вяч. Иванова и др.

Серія неизданныхъ рисунковъ И. Левитана и В. Борисова. Мусатова. Новые рисунки С. Судейкина и К. Вальзера. Воспроизведенія рѣдкихъ афишъ В. Брадлея и виньетокъ Мориса Денниса.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Въ Россіи на годъ (12 №№) пять рублей съ пересылкой; на полгода три рубля съ пересылкой. За-границу семь рублей. При обращеніи непосредственно въ редакцію, допускается разсрочка платежа.

Отдѣльные №№ не продаются, кромѣ № 1 (январскаго), поступающаго въ продажу по цѣнѣ 1 р. Лица, пріобрѣтшія № 1, могутъ подписываться съ № 2, уплачивая на 50 коп. менѣе (годъ—4 руб. 50 коп., полгода—2 руб. 50 коп.).

Годовые подписчики на 1907 годъ, внесшіе всю сумму до 15-го февраля, имѣютъ право получить бесплатно одинъ № изъ слѣдующихъ изданій к-ва „Скорпіонъ“:

1. Ив. Коневской. Стихи и проза. Посмертное изданіе (съ портретомъ автора), подъ ред. и съ предисл. Валерія Брюсова. (М. 1904. Ц. 2 р.).
2. Андрей Бѣлый. Золото въ лазури. Первый сборникъ стиховъ. Обложка Н. Теофилактова. (М. 1904. Ц. 2 р.).
3. О. Сологубъ. Жало Смерти. Разказы. (М. 1905. Ц. 1 р. 50 к.).
4. Письма Пушкина и къ Пушкину. Новые матеріалы, изд. подъ ред. Валерія Брюсова. Съ приложеніемъ факсимиле рукописей. (М. 1903. Ц. 1 р. 50 к.).
5. Н. Лернеръ. Труды и дни А. С. Пушкина. Хронологическія данныя жизни А. С. Пушкина. (М. 1903. Ц. 1 р.).
6. Сѣверные цвѣты. Альманахъ на 1901 г. Стихи, разказы и статьи. Обложка К. Сомова. (М. 1901. Ц. 1 р.).
7. Сѣверные цвѣты. Альманахъ на 1902 г. Стихи, разказы, статьи. Обложка К. Сомова. (М. 1902. Ц. 1 р.).
8. Андрей Бѣлый. Сѣверная симфонія. Обложка О. Бердслея. (М. 1904. Ц. 75 к.) и Жагадисъ. Облака. Поэма въ прозѣ. (М. 1905. Ц. 65 к.).
9. А. Шницлеръ. Зеленый попугай. Трилогія. (М. 1901. Ц. 60 к.) и М. Мэтерлинкъ. Избіеніе младенцевъ. Разказъ. Со вступит. статьей А. ванъ-Бевра. (М. 1904. Ц. 40 к.).
10. Ст. Шибышевскій. Сыны Земли. Романъ. (М. 1905. Ц. 50 к.) и Г. Ландсбергъ. Долой Гауптмана! Памфлетъ. (М. 1902. Ц. 70 к.).

Контора проситъ г.г. подписчиковъ сообщать при самой подпискѣ или отдѣльнымъ письмомъ который изъ указанныхъ 10 №№ они желаютъ получить. Подъ №№ 8, 9 и 10 высылается одновременно двѣ книги. Пересылка всѣхъ этихъ изданій—за счетъ подписчиковъ по

почтовымъ цѣнамъ. Стоимость пересылки или можетъ быть выслана впередъ въ контору (почтовыми марками) или будетъ взыскана наложеннымъ платежомъ.

Всѣ подписчики „Вѣсовъ“ на 1907 годъ пользуются:

1. При выпискѣ изъ редакціи изданій к—ва „Скорпионъ“—скидкой отъ 15 до 50%.

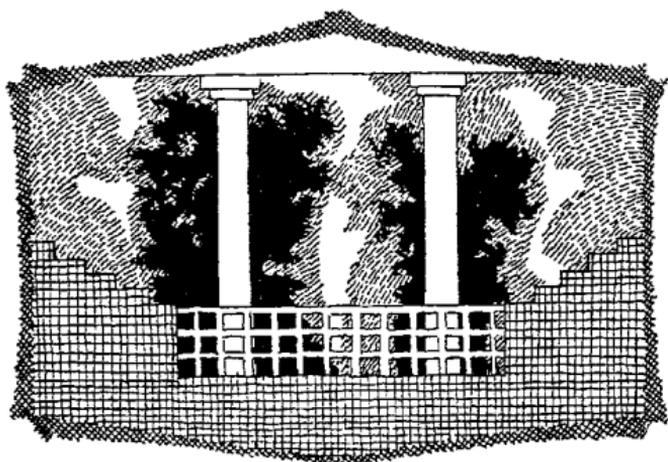
2. При подпискѣ на художественный журналъ „Золотое Руно“—скидкой въ 10%, уплачивая въ годъ 13 р. 50 к. вмѣсто 15 р.

3. При выпискѣ изъ редакціи изданій „Золотого Руна“—скидкой въ 15%.

Подписка на „Вѣсы“ принимается: 1) въ Москвѣ, въ главной конторѣ журнала,—Театральная площадь, домъ Метрополь, кв. 23, книгоиздательство „Скорпионъ“; 2) въ С.-Петербургѣ, въ отдѣленіи конторы—Садовая, 18, книжный складъ „Комиссіонеръ“; 3) въ Кіевѣ—въ магазинѣ Л. Идзиковскаго, Крещатикъ, 29; 4) въ Берлинѣ—у Edm. Meyer, Buchhandl., Berlin W., Potsdamerstrasse 24 в.; 5) во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ Москвы, С.-Петербурга и провинціи.

Гг. иногороднихъ, во избѣжаніе различныхъ недоразумѣній, просятъ присылать подписныя деньги непосредственно въ главную контору журнала.

Редакторъ-издатель С. А. ПОЛЯКОВЪ.

СКОРПИОНЪ

Цѣль книгоиздательства „Скорпионъ“—знакомить съ новыми теченіями въ русской и европейской литературѣ. Значительную долю вниманія удѣляетъ книгоиздательство внѣшности книгъ, заботясь, чтобы она стояла въ строгомъ соотвѣтствіи съ содержаніемъ. Обложки книгъ, выпущенныхъ к-вомъ „Скорпионъ“, большей частью исполнены выдающимися художниками и представляютъ самостоятельный художественный интересъ.

Подписчики „Вѣсовъ“ пользуются при выпискѣ черезъ редакцію изданій к-ва „Скорпионъ“ и изданій „Золотого Руна“ скидкой отъ 15 до 50% при пересылкѣ за счетъ книгоиздательства. Въ настоящемъ каталогѣ, послѣ продажной цѣны изданія, въ скобкахъ указана его цѣна для подписчиковъ „Вѣсовъ“. Изданія, при которыхъ уменьшенная цѣна не обозначена, остались на складѣ въ небольшомъ количествѣ и на нихъ скидка не можетъ быть сдѣлана.

Всѣ, выписывающіе непосредственно изъ склада, пользуются пересылкою за счетъ книгоиздательства. Деньги, причитающіяся за заказываемыя изданія, просятъ высылать впередъ—при заказѣ. При выпискѣ наложеннымъ платежомъ расходы по наложенію платежа принимаютъ на себя г.г. заказчики. Провинціальные книжные магазины, при наличномъ расчетѣ, пользуются уступкой въ 30% но должны принимать на себя расходы по пересылкѣ книгъ.

Адресъ конторы книгоиздательства „Скорпионъ“ и редакціи журнала „Вѣсы“: Москва, Театральная пл., д. Метрополь, кв. 23. (Телефонъ 50—89). Контора открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 2 до 6 ч. вечера. Отдѣленіе конторы: Петербургъ, Садовая, 18, книжный складъ „Коммисіонеръ“.

КАТАЛОГЪ КЪ ЯНВАРЮ 1907 г.

I. СТИХИ.

- К. Д. Бальмонтъ.** Полное собраніе стиховъ.
Томъ I. („Подъ Сѣвернымъ Небомъ“. „Въ безбрежности“. „Тишина“). М. 1905 г. Ц. 2 р. (1 р. 70 к.).
Томъ II. („Горящія зданія“. „Будемъ какъ солнце“). М. 1904 г. Ц. 3 р. (2 р. 55 к.).
- К. Д. Бальмонтъ.** Жаръ - птица. Свирѣль славянина. Обложка К. Сомова. Печатается.
- Александръ Блокъ.** Нечаянная радость. Второй сборникъ стиховъ. М. 1907 г. Ц. 1 р. 50 к. (1 р. 28 к.).
- Валерій Брюсовъ.** Urbi et orbi. Стихи. 1900—1903 г. Ц. 2 р.
- Валерій Брюсовъ.** Stephanos. Вѣнокъ. Стихи. 1903—1905 г. Ц. 2 р. (1 р. 70 к.).
- Ив. Бунинъ.** Листопадъ. Стихотворенія. М. 1905 г. Ц. 1 р.
- Андрей Бѣлый.** Золото въ лазурн. Первый сборникъ стиховъ. Обложка Н. Теофилактова. М. 1904 г. Ц. 2 р. (1 р.).
- Поль Верленъ.** Гимны, пѣсни и исповѣди. Переводъ Валерія Брюсова. Печатается.
- Эмиль Верхарнъ.** Стихи о современности. Переводъ Валерія Брюсова. Съ портретомъ Верхарна, работы Т. ванъ Риссельберга. Ц. 1 р. 30 к. (-1 р. 10 к.).
- З. Н. Гиппиусъ.** Собраніе стиховъ. М. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к. (1 р. 28 к.).
- А. Добролюбовъ.** Изъ книги невидимой. М. 1905 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Вячеславъ Ивановъ.** Прозрачность. Вторая книга лирики. Обложка Н. Теофилактова. М. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к. (1 р. 28 к.).
- Вячеславъ Ивановъ.** Iris in iris. (Радуга въ гнѣвахъ). Третья книга лирики. Обложка К. Сомова. Печатается.
- Ив. Коневской.** Стихи и проза. Посмертное собраніе сочиненій съ портретомъ автора и предисловіемъ Валерія Брюсова. М. 1904 г. Ц. 2 р. (1 р.).
- Д. С. Мережковский.** Собраніе стиховъ. М. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к. (1 р. 28 к.).
- Федоръ Сологубъ.** Собраніе стиховъ. М. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к. (1 р. 28 к.).
- Оскаръ Уайльдъ.** Тюремная баллада. (Баллада Редингской тюрьмы). Переводъ, размѣромъ подлинника, К. Бальмонта. Обложка (портретъ О. Уайльда). М. Дурнова. М. 1904 г. Ц. 50 к. (35 к.).

II. РОМАНЫ И РАЗСКАЗЫ.

- Валерій Брюсовъ.** Земная Ось. Разказы и драматическія сцены. М. 1907. Ц. 1 р. 50 к. (1 р. 28 к.).
- Андрей Бѣлый.** Сѣверная симфонія. (1-я героическая) въ 4 частяхъ. Обложка по рисунку Обри Бердслея. М. 1904 г. Ц. 75 к. (88 к.).
- Кнутъ Гамсунъ.** Панъ. Изъ записокъ лейтенанта Глана. Романъ. Пер. съ норвежскаго С. А. Полякова. Предисловіе К. Бальмонта. М. 1901 г. Ц. 1 р. (85 к.).
- Кнутъ Гамсунъ.** Съеста. Очерки и разказы. Переводъ съ норвежскаго С. А. Полякова. М. 1900 г. Ц. 1 р. (85 к.).
- Жагадись.** Облака. Поэма въ прозѣ. Обложка Н. Теофилактова. М. 1905 г. Ц. 65 к. (33 к.).
- М. Кузминъ.** Крылья. Повѣсть въ 3 частяхъ. Печатается.
- М. Метерлинкъ.** Избіеніе младенцевъ. Разказъ. Со статьей А. ванъ-Бевера о жизни и творчествѣ М. Метерлинка. М. 1904 г. Ц. 40 к. (20 к.).
- Эдгаръ По.** Собраніе сочиненій въ переводѣ К. Д. Бальмонта. Томъ II. Разказы, статьи. М. 1905 г. Ц. 1 р. 30 к. (1 р. 10 к.).
- Ст. Пшибышевскій.** Собраніе сочиненій.
Томъ I. Ното Sapiens. Романъ въ 3 частяхъ. Пер. М. Семенова. Изд. 2-е. М. 1904 г. Обложка Н. Теофилактова. Ц. 2 р. 40 к. (2 р.).
Томъ II. Pro domo mea. De profundis. У моря. День Вознесенія. Вигиліи. Аметисты. Сыны Земли. Пер. М. Семенова. Е. Троповскаго и С. Полякова. 1905 г. Обложка Е. Надельмана, Ц. 2 р. 40 к. (2 р.).
Томъ III. Дѣти Сатаны. Романъ въ 4 частяхъ. Пер. Е. Троповскаго. Обложка Н. Теофилактова. М. 1906 г. Ц. 1 р. 30 к. (1 р. 10 к.).
Томъ IV. Заупокойная месса. Въ часъ чуда. Городъ смерти. Поэмы въ прозѣ. Пер. М. Семенова, Е. Троповскаго и др. Обложка Фидуца. М. 1906 г. Ц. 1 р. (85 к.).
Томъ V. Статьи Печатаются.
- Ст. Пшибышевскій.** Сыны Земли. Романъ. Пер. Е. Троповскаго. М. 1905 г. Ц. 50 к. (25 к.).
- Федоръ Сологубъ.** Жало смерти. Разказы. М. 1905 г. Ц. 1 р. 50 к. (1 р.).

III. ДРАМЫ.

- Габріэль д'Аннунціо.** Трагедіи: „Мертвый городъ“. „Джіоконда“. „Слава“. Пер. съ итальянскаго Ю. Балтрушайтиса. М. 1900 г. Ц. 1 р. 25 к. (87 к.)
- Кнутъ Гамсунъ.** Драма жизни. Переводъ съ норвежскаго С. А. Полякова. Изд. 2-е. М. 1906 г. Ц. 50 к. (40 к.)
- Зигмунтъ Красинскій.** Небожественная комедія. Пер. А. Курсинскаго. Изд. 2-е. Съ портретомъ З. Красинскаго. Ц. 60 к. (45 к.)
- Л. Зиновьева - Аннибалъ.** Кольца. Драма въ 3-хъ дѣйств. Предисл. Вячеслава Иванова. Обложка Н. Теофилактова. М. 1904 г. Ц. 1 р. 80 к. (1 р. 53 к.)
- Ст. Пшибышевскій.** Вѣчная Сказка. Пер. Е. Троповскаго. Обложка Брунелески. М. 1907 г. Ц. 1 р. (85 к.)
- Артуръ Шницлеръ.** Зеленый попугай. Трилогія. „Парацельсъ“. „Подруга“, „Зеленый попугай“. Перев. съ нѣмецкаго. М. 1900 г. Ц. 60 к. (80 к.)

IV. ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВЪ.

- Валерій Брюсовъ.** Лицейскіе стихи Пушкина. Къ критикѣ текста. Печатается.
- Г. Ландсбергъ.** Долой Гауптмана! Переводъ съ нѣмецкаго. М. Семенова. М. 1902 г. Ц. 70 к. (35 к.)
- Н. Лернеръ.** Труды и дни А. С. Пушкина. Хронологическія данныя жизни Пушкина. М. 1903 г. Ц. 1 р. (50 к.)
- Д. С. Мережковскій.** Гоголь и чортъ. Паслѣдованіе. Обложка Н. Теофилактова. М. 1906 г. Ц. 1 р. 80 к. (1 р. 53 к.)
- Письма Пушкина и къ Пушкину.** Новые матеріалы. Редакція и примѣчанія Валерія Брюсова. Приложены факсимиле рисунковъ и рукописей А. Пушкина. М. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к. (75 к.)
- Арт. Симонъ.** Обри Бердслей. Перев. М. Ликиардопуло. Авторизованное изданіе съ портретомъ О. Бердслея и воспроизведеніемъ его рисунковъ. Печатается.

V. АЛЬМАНАХИ.

- Сѣверные цвѣты** на 1901 г. Стихи, рассказы, статьи. Обложка К. Сомова. М. 1901 г. Ц. 1 р.
- Сѣверные цвѣты** на 1902 г. Стихи, рассказы, статьи. Обложка К. Сомова. М. 1902 г. Ц. 1 р.
- Сѣверные цвѣты.** Альманахъ за три года — 1901, 1902, 1903 г. Большой томъ, свыше 600 стр. Стихи, рассказы, статьи: К. Бальмонта, Валерія Брюсова, З. Гиппиусъ, М. Лохвицкой, Д. Мережковского, Н. Минскаго, В. Розанова, К. Случевского, К. Фофанова, А. Чехова и др. Письма А. С. Пушкина, Ф. Тютчева, И. С. Тургенева, А. Фета, Вл. Соловьева, Н. Некрасова и др. Вшнѣтки и заставки К. Сомова, Л. Бакста, М. Волошина и др. Обложка В. Борисова-Мусатова. М. 1904 г. Ц. 3 р. (2 р. 55 к.).
- Сѣверные цвѣты Ассирійскіе** на 1904—5 г. Роскошное изданіе. Содержаніе: „Три разсвѣта“ драма К. Бальмонта, „Земля“ сцены изъ будущихъ временъ, Валерія Брюсова, „Танталъ“, трагедія Вяч. Иванова. Стихи и рассказы С. Соловьева, Макса Волошина, Ф. Сологуба, Н. Минскаго, З. Гиппиусъ, М. Криницкаго, Ю. Череды, Л. Зиновьевой-Аннибалъ и др. Обложка и всѣ украшенія Н. Θεофилактова. М. 1905 г. Ц. 3 р.

VI. ЖУРНАЛЫ.

- Вѣсы** за 1904, 1905 и 1906 г. Каждый годъ 12 №№, свыше 1000 стр. текста, съ рисунками (черными и въ нѣсколько красокъ) на отдѣльныхъ листахъ, художественными обложками и оригинальными вшнѣтками. Каждый годъ представляетъ собою обзоръ культурной жизни всей Европы и подробную библиографію книгъ, вышедшихъ за этотъ періодъ на европейскихъ языкахъ. При каждомъ годѣ данъ алфавитный указатель помѣщенныхъ произведеній и разобранныхъ книгъ. Цѣна каждаго года съ пересылкой 6 р. (5 р.); за всѣ три года 15 р. (13 р. 50 к.).

VII. МУЗЫКА.

- М. Кузминъ.** Александрійскія пѣсни. Слова и музыка М. Кузмина. Украшеніи Н. Θεофилактова. Печатается.

РАСПРОДАНЫЯ ИЗДАНІЯ:

- И. Бальмонтъ. Будемъ какъ солнце. Обложка Фидуса. М. 1903 г.
 Валерій Брюсовъ. *Tertia Vigilia*. Стихи 1897—1900 г. М. 1901 г.
 Андрей Бѣлый. Симфонія (2-я драматическая). М. 1902 г.
 А. Добролюбовъ. Собраніе стиховъ. М. 1900 г.
 Генрикъ Ибсенъ. Когда мы мертвые проснемся. (Изд. 1 и 2).
 М. 1900 г.
 Лукрецій Каръ. О природѣ вещей. Пер. И. Рачинскій. М. 1904 г.
 Д. Мережковскій. Любовь сильнѣе смерти. М. 1902 г.
 А. Л. Миропольскій. Лѣствица. Поэма. М. 1902 г.
 Сѣверные цвѣты на 1903 г. Обложка Л. Бакста. М. 1903 г.

ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА „ЗОЛОТОЕ РУНО“.

- И. Бальмонтъ. Злыя Чары. Книга заклятій. Обложка Е. Лансера. М.
 1906. Ц. 1 р. 50 к. (—1 р. 28 к.)
 Н. Шинскій. Исповѣдь. Повѣсть. М. 1906. Ц. 1 р. (—85 к.)
 А. Ремизовъ. Посолонь. Сказки. Обложка и виньетки Н. Крымова. М.
 1907. Ц. 1 р. (—85 к.)
 А. И. Успенскій. Очерки по исторіи русскаго искусства. Съ 72 сним-
 ками съ иконъ и 2 хромолитографіями. М. 1907. Ц. 10 р.
 (—8 р. 50 к.)

Объ условіяхъ выписки книгъ см. на стр. 9 этого каталога.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „СКОРПИОНЪ“

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «СКОРПИОНЪ»

ПОСЛѢДНІЯ ИЗДАНІЯ:

СТАНИСЛАВЪ ПШИБЫШЕВСКІЙ. Вѣчная Сказка.

Драматическая Поэма въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Единственный разрѣшенный авторомъ переводъ Е. Троповскаго. Обложка по рисунку К. Брунелески. Въ этомъ переводѣ „Вѣчная Сказка“ поставлена въ „Драматическомъ театрѣ“ В. Ѳ. Комиссаржевской. Цѣна 1 р.; для подписчиковъ „Вѣсовъ“ 85 к. съ перес.

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ. Земная Ось.

Разказы и драматическія сцены. Содержаніе: Республика Южнаго Креста.—Сестры.—Въ подземной тюрьмѣ.—Послѣдніе мученики.—Теперь, когда я проснулся...—Въ зеркалѣ.—Мраморная голова.—Земля (сцены будущихъ временъ).

Цѣна 1 р. 50 к.: для подписчиковъ „Вѣсовъ“ 1 р. 28 к. съ перес.

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ. Нечаянная Радость.

Второй сборникъ стиховъ. Содержаніе: Весеннее.—Дѣтское.—Магическое.—Перстень—Страданье:—Покорность.—Нечаянная Радость.—Ночная Фиалка.

Цѣна 1 р. 50 к.: для подписчиковъ „Вѣсовъ“ 1 р. 28 к. съ перес.

КНУТЬ ГАМСУНЪ. Драма Жизни.

Переводъ съ норвежскаго С. А. Полякова. Изданіе второе. Въ этомъ переводѣ драма будетъ поставлена въ Московскомъ Художественномъ Театрѣ.

Цѣна 50 к.; для подписчиковъ „Вѣсовъ“ 40 съ перес.

• Генрикъ Ибсенъ.
Рисунокъ Ф. Валлотона. (Изъ «Висока» 1906 г.).